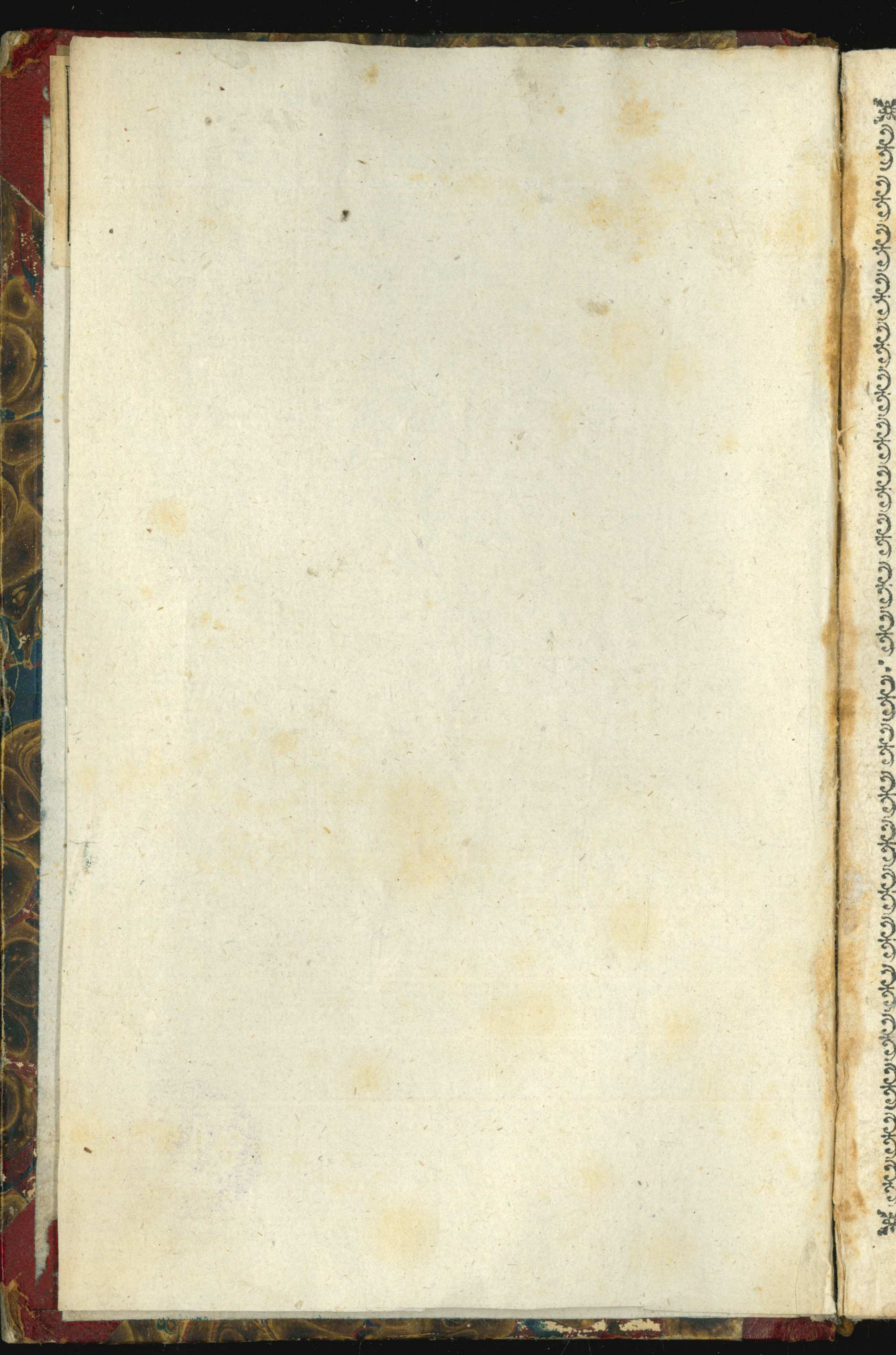

Ѣ.

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ,

По образу житія Марка Аврелія Севера, славнѣйшаго Императора и премудрѣйшаго Философа,

Отъ Антонія Гевара Епископа Аквитанскаго, бывшаго при Карлѣ V. Императорѣ проповѣдникомъ, совѣтникомъ и историкомъ

Составленные.

Съ Латинскаго на Россійскій языкъ перевелъ

Андрей Лыповъ.

Иждивеніемъ Общества старающагося о напечатаніи книгъ. Цѣна 100 коп. Продается въ Луг. Мил. улицѣ у Книгопродавца К. В. Миллера.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1773 года.

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ
ЦЕСАРЕВИЧУ и ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,
НАСЛѢДНИКУ ВСЕЯ РОССІЙСКІЯ
ИМПЕРІИ,
Владѣтельному Герцогу
ГОЛСТЕЙНЪ-ШЛЕЗВИГСКОМУ,
Стормарнскому и Дитмарсенскому,
ГРАФУ ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ
и Дельменгорстскому, и прочая.
Милостивѣйшему Государю.

Всенижайшее посвященіе.

ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ!

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Побуждаясь примѣрами другихъ усердствующихъ общей пользѣ, хотя ко принесенію равныхъ плодовъ чувствую въ себѣ слабость силы и разума, отважился я настоящимъ трудомъ по крайней мѣрѣ изъявить мою къ отечеству ревность.

Сей предмѣтъ былъ главною причиною, что я нашедъ достойную примѣчанія книгу *Золотые Часы Государей*, перевелъ съ Латинскаго языка на Россійской.

Разсу-

Разсуждая же по важности матеріи и титула, не нахожу, кому бы оная, кромѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Особы, приличнѣе посвящена быть могла. Чего ради всенижайше осмѣливаюсь принести ее ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ не въ примѣръ или образецъ: ибо мудрость и добродѣтели ВАШИ всему свѣту извѣстны: но съ симъ единственно намѣреніемъ, дабы оная, получа отъ ПРЕСВѢТЛѢЙШАГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Имени сіяніе, тѣмъ большую

бо́льшую возъимѣла важность, и вящшее привлекла на себя вниманіе любопытныхъ читателей.

Пріими съ благоволеніемъ, ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, отъ недостойнаго раба, сіи Золотые Часы Государей! Озари ихъ лучами ТВОИМИ! и при благополучномъ здравствованіи многолѣтно живи времена златыя, къ утвержденію и укрѣпленію благословеннаго Дому ПЕТРА ВЕЛИКАГО, прадѣда ВАШЕГО, ко славѣ и украшенію Вседражайшія ВАШЕЯ родительницы

дителЬницы ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ, и ко благоденствію Всея Россійскія Имперіи.

ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Всенижайшій рабЪ
Андрей ЛЬповЪ,

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ
ГОСУДАРЕЙ

раздѣляются на шесть частей.

въ I. и II.

Изображается, коль нужно и полезно Государю быть истиннымъ Христїяниномъ.

въ III. и IV.

Какимъ образомъ Великїе Государи и Князи съ супругами своими поступать, и дѣтей своихъ воспитывать и наставлять долженствуютъ.

въ V. и VI.

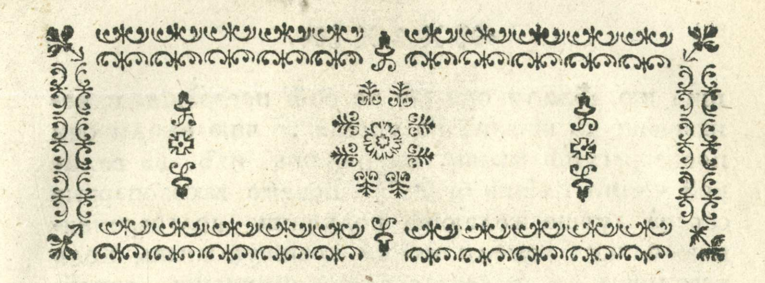
Какъ Государь самимъ собою и государствомъ своимъ управлять долженъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

9.

)o(

ПРЕДИСЛОВІЕ ВООБЩЕ, ОТЪ АНТОНІЯ ГВЕВАРА КЪ

КАРЛУ ПЯТОМУ ИМПЕРАТОРУ РИМСКОМУ,

НА ЖИТІЕ МАРКА АВРЕЛІЯ, СЪ ЧАСАМИ ГОСУДАРЕЙ.

Аполлоній Ѳіанейскій, въ словопреніи съ Іарховыми учениками, сказалъ: *нѣтъ ничего свойственнѣе отъ природы, какъ желаніе, касающееся до сохраненія жизни, которое мы всѣ имѣемъ.* О истиннѣ сего, и кромѣ ограниченія знаменитѣйшихъ Философовъ, повседневное увѣряетъ искусство. Ибо для жизни трудятся человѣки, летаютъ птицы, плаваютъ рыбы, кроются въ пещерахъ звѣри. Словомъ: *нѣтъ ни одного толь безумнаго животнаго, котороебы неимѣло естественнаго желанія къ жизни.*

Что же многіе изъ древнихъ язычниковъ презрѣвъ жизнь, кажется, добровольно искали смер-

ти; то дѣлали они сіе не отъ презрѣнія и ненависти къ жизни; но уповая, что ежели они пренебрегутъ жизнь, мы память ихъ въ великой чести имѣть будемъ. Понеже высокопарныя сердца лучше желаютъ получить долговременную славу, нежели имѣть краткую жизнь. Коль несклонна человѣческая воля ко смерти, свидѣтельствуетъ попеченіе, о единственномъ продолженіи жизни прилагаемое. *Ибо всѣ человѣки отъ естества лишаются жизни съ печалію, и пріемлютъ смерть со страхомъ.*

Хотя же тѣлесную смерть всѣмъ вкусить должно, и одинъ конецъ добрыхъ и злыхъ ожидаетъ; однакожъ между смертію первыхъ и послѣднихъ превеликое находится различіе: и ежели добрымъ жизнь вожделѣнна, то бываетъ сіе для того, чтобъ больше сдѣлать добра; буде же злымъ пріятна, то происходитъ сіе не для иной причины, токмо чтобъ болѣе наслаждаться свѣтомъ. Ибо ослѣпленные суетою никакого времени благополучнымъ неназываютъ, кромѣ того, въ которое они пріятно и спокойно жили. Сего ради всѣмъ настоящимъ и будущимъ ко знанію предлагаю, (однакожъ рѣчь моя простирается къ однимъ точію любящимъ добродѣтель, а не къ тѣмъ, кои за беззаконіями стремятся,) что Богъ не на то взираетъ, каковы мы нынѣ; но какими быть желаемъ.

Пусть ни кто не говоритъ, что онъ желаетъ быть добрымъ; да не можетъ; ибо мы какъ дерзновеніе ко грѣху; такъ и вольность къ исправленію себя, ежелибъ только хотѣли, имѣемъ. Единственная причина погибели нашей въ томъ состоитъ, что мы желая быть добродѣтельными, всѣ силы истощаемъ на пороки.

Сей

Сей то обманъ есть тотъ, которымъ уловленъ цѣлой свѣтъ. *Ибо какъ небеса добрыхъ дѣлъ, такъ и адъ добрыхъ желанїй суть исполнены.*

Когда же изъ всѣхъ человѣкъ и животныхъ нѣтъ ни единаго любящаго смерть, но всѣ желаютъ и ищутъ продолженїя жизни; то какая польза изъ онаго желанїя и попеченїя, ежели самая жизнь ихъ срамна и безчестна? и чего ради предоставляемъ долговременную жизнь человѣку непостоянному, гордому, завистливому, праздному, картёжному, скверноязычному, лживому, шумственному и необузданному? Естьли маленькаго вора, похитившаго одну вещицу, истребляемъ; то не вѣдаю, для чего разоритель общества въ живыхъ оставаться долженъ? Ахъ! когдабъ не было въ обществѣ другихъ злодѣевъ, кромѣ тѣхъ, кои похищаютъ имѣнїя богатыхъ! И естьли бы ненаполнены были всѣ мѣста такими, которые и богатыхъ и убогихъ равномѣрно лишаютъ доброй славы! Но увы! тѣхъ наказуютъ, а сїи безъ наказанїя повреждаютъ: какъ то видѣть можно, что вора, который укралъ у сосѣда моего кафтанъ, тащатъ на висѣлицу; а тотъ, который у меня похитилъ честь, вседневно домъ мой посѣщаетъ.

Божественный Платонъ въ первой книгѣ о законахъ предписалъ уставъ: *ежели кто имѣетъ развращенной домъ, не укрощаетъ семейства, въ житїи и хозяйствѣ не наблюдаетъ добраго порядка, и съ сосѣдьми не живетъ спокойно: такому надлежитъ принять опекуновъ, которые его, какъ глупаго, наставлять должны; или изключенну быть, яко непотребному, изъ числа народа.* Ибо никто не приводитъ общества въ большїй безпорядокъ, какъ тѣ, кои не-

стройно жизнь свою провождаютъ. По истиннѣ весьма важную причину имѣлъ Платонъ къ постановленію сего закона. Понеже изверженнымъ быть изъ числа гражданъ, и окованнымъ на подобіе сшедшаго съ ума, по всякой справедливости достоинъ, кто самъ собою будучи отчаянной и погибельной, нерадитъ о домѣ, имѣетъ злонравную семью, и возмущаетъ тишину града. Ибо многіе съ ума сшедшіе, кои заключены въ оковахъ, получа свободу, не учинили бы толико зла, какъ нѣкоторые посреди народа живущіе на волѣ. Не сыщешъ ни одной изъ знатныхъ и высокихъ обоего пола персонъ, которая бъ не великодушнѣе снесла ударъ въ голову камнемъ, нежели малое поврежденіе чести; *потому что головная рана въ мѣсяцъ заживаетъ; но пятна чести и чрезъ цѣлую жизнь вывесть никакъ неможно.*

Лаерцій въ шестой книгѣ о житіи философовъ повѣствуетъ, что Діогенъ будучи вопрошенъ: *какое намѣреніе имѣли законодавцы?* отвѣтствовалъ: *вѣдай, другъ мой, что намѣреніе древнихъ людей и предмѣтъ философовъ, не иныя были, кромѣ чтобъ научить гражданъ своихъ, какимъ образомъ въ рѣчахъ, обхожденіи, пищѣ, снѣ, стяжаніи, одѣяніи, трудѣ, и покоѣ каждый поступать долженъ*; понеже общества человѣческаго найвящшее благо въ томъ заключается, чтобъ всякъ домомъ управлялъ порядочно, и жизнь велъ благочинно. И по истиннѣ философъ въ семъ не ошибся. *Ибо не для иной причины законъ установляютъ, какъ токмо для тѣхъ, кои живутъ беспутно и беззаконно.*

Люди, желающіе спокойно и безмятежно провождать жизнь, должны воспріймать извѣстный

родъ

родъ и образъ жизни. Однакожъ не по самовластію воли нашей; но тотъ родъ жизни, который отъ Бога каждому для удобнѣйшаго спасенія души предписанъ, избирать надлежитъ. Ибо суетные человѣки болѣе къ тому, къ чему побуждаютъ чувства, нежели къ тому, что сходственно и согласно съ разумомъ, прилѣпляются.

Дерева съ самаго того времени, какъ созданы, всегда производятъ листы и плоды перьвому началу своему сообразные; какъ то самая вещь гласитъ, что на финиковомъ деревѣ финики, на смоковномъ смоквы, на орѣховомъ орѣхи, на грушевомъ груши, на каштанномъ каштаны, и на дубовомъ жолуди родятся; на послѣдокъ, всѣ вещи доднесь сохранили перьвоначальный свой образъ, кромѣ грѣшнаго человѣка, падшаго въ беззаконіе. Планеты, звѣзды, небеса, воды, земля, огонь, воздухъ, животныя, зелія, рыбы, въ каковомъ созданы, въ таковомъ и по нынѣ состояніи пребываютъ, не жалуясь и не завидуя другъ другу: одинъ токмо человѣкъ не перестаетъ никогда жаловаться, не можетъ насытиться, и всегда желаетъ перемѣны своему жребію. Ибо, какъ самая свидѣтельствуетъ вещь, пастухъ земледѣльцу, земледѣлецъ гражданину, гражданинъ дворянину, дворянинъ кавалеру, кавалеръ князю, князь королю, а Король Императору завидуютъ, и одинъ другаго мѣсто получить желаютъ. Словомъ: весьма рѣдкіе пекутся о исправленіи жизни; но найбольшая часть суетятся о распространеніи и умноженіи чести и богатства. И такъ, не иная вещь причиною нынѣшнихъ замѣшательствъ въ свѣтѣ, кромѣ та, что лѣсные дубы жадничаютъ переселяться изъ горъ въ плодоносныя рощи; дабы въ нѣжности и

 опрят-

опрятствѣ оныхъ сдѣлаться и себѣ финиковыми деревами; сирѣчь, кои въ домѣ своемъ къ насыщенію довольнаго числа и жолудей вчера не имѣли, тѣ сего дня въ чужемъ домѣ изряднымъ кушаньемъ брезгуютъ.

Хотя же трудно ограничить, за какой родъ жизни каждому въ свѣтѣ семъ надлежитъ приняться, чтобъ и совѣсть имѣлъ безпечальную, и жизнь провождалъ спокойную: однакъ въ церьквѣ Божіей нѣтъ ни одного состоянія, въ которомъ бы живущіе не могли спастися; нѣтъ, говорю, ни единаго въ свѣтѣ обрасца жизни, въ которомъ бы беззаконные не могли избѣгнуть слѣдуемой имъ погибели, ежелибъ только хотѣли. Плиній въ нѣкоторомъ посланіи къ Фабату: *между смертными*, говоритъ, *нѣтъ ни чего обыкновеннѣе и треднѣе, какъ давать мѣсто размышленіямъ, что состояніе одно другаго кажется лутче.* Ибо по сей причинѣ зависть такъ ослѣпляетъ человѣка, что онъ лучше желаетъ съ трудомъ похитить чужое, нежели спокойно наслаждаться собственнымъ.

Состояніе Государей самою вещію есть доброе, ежели не употребляютъ его во зло; состояніе простолюдиновъ доброе, ежели они имъ довольны; состояніе духовныхъ доброе, ежели онымъ успѣваютъ во благое; состояніе богатыхъ доброе, ежели воономъ поступаютъ умѣренно; на конецъ, и убогихъ состояніе доброе, ежели оказываютъ въ немъ терпѣніе. Ибо сила заслуги не въ томъ состоитъ, чтобъ многія претерпѣвать трудности и бѣдствія; но чтобъ должную во оныхъ являть терпѣливость. Не оспоримая есть вещь, что сколь долго пребываетъ теченіе бѣдственной сей жизни, всѣ состоянія сопряжены

съ

съ злоключеніями и досадами. Ибо то только состояніе совершеннымъ назваться можетъ, когда ду́ши купно съ тѣлами нашими прославятся и блаженство получатъ, гдѣ будемъ жить безъ страха смертнаго, и веселиться безъ всякой житейской печали.

Но да приступлю къ намѣренію, священнѣйшій Цесарь; хотя всѣ имѣемъ жизнь, могущество, силу, богатство, разумъ и понятіе въ тѣсныхъ заключенныя предѣлахъ; однакъ, сколь сіе ни мало, я утверждаю, что состояніе Государей нѣчто великое въ себѣ заключаетъ. Свѣтъ думаетъ, что тотъ достигъ на высочайшій степень счастія, кто многими обладаетъ, и ни кому служить необязанъ. О когда бы подданные уразумѣли, колико Государямъ стоитъ трудовъ повелѣвать! а Государи напротивъ того узнали коль сладко жить въ покоѣ! смѣло божусь, что подчиненные о начальствующихъ возъимѣли бы чрезвычайное сожалѣніе, а начальствующіе позавидовалибъ состоянію подчиненныхъ. *Ибо веселости, коими наслаждаются Государи, въ разсужденіи претерпѣваемыхъ ими досадъ, суть весьма малы.* Когда же состояніе Царево всѣ другія превосходитъ, всѣхъ превышаетъ силою и могуществомъ, всѣхъ больше дѣлаетъ и имѣетъ, и на конецъ все правленіе отъ него зависитъ; то необходимо должно, чтобъ вящшею паче всѣхъ святостію и благочиніемъ домъ, персона и жизнь его были украшены. *Ибо какъ купецъ однимъ аршиномъ мѣряетъ всѣ товары, такъ цѣлое общество подобится жизни своего Государя.*

Хотя великой трудъ несетъ мать, воспитывая сына; много досадъ терпитъ учитель, на-

ставляя ученика ; и премногія затрудненія воспріимаетъ властитиль управляя народомъ; вящшій однакожъ я взимаю на себя трудъ и опасность , приступая къ начертанію жизни и состоянія той персоны , отъ жизни коей цѣлаго общества жизнь и благоденствіе зависитъ. Ибо наше дѣло, великихъ Государей и князей почитать, а не прогнѣвлять; увѣщавать, а не озлоблять; просить, а не злословить; исправлять, а не осуждать; на послѣдокъ , за крайняго невѣжу должно считать того врача , который всѣхъ членовъ нѣжнѣйшіе глаза хочетъ выпользовать тоюжъ самою мазью, что крѣпкіе излѣчилъ мозоли. На какой же конецъ сіе говорено? для показанія сирѣчь , что я настоящую книгу пишу не съ тѣмъ намѣреніемъ , дабы изъяснить державнымъ Государямъ и князьямъ , каковы они нынѣ суть, но посовѣтовать, какими быть должны, ниже воспоминать, что они дѣлаютъ ; но возвѣстить , что дѣлать обязаны. Ибо знаменитаго мужа, коего внутренно грызущая совѣсть не возбуждаетъ къ исправленію жизни , думаю , что изображенныя здѣсь перомъ моимъ наставленія никогда не привлекутъ къ поправленію оной.

Павелъ діаконъ во 2 книгѣ исторіи повѣствуетъ нѣчто изъ древности , достойнѣйшее примѣчанія , и пріятнѣйшее къ чтенію ; хотя воспоминаніе онаго кажется мнѣ не въ пользу будетъ. Ибо , какъ говорятъ въ притчахъ , курица не перестаетъ разгребать кохтями навозъ до тѣхъ поръ, пока на умерщвленіе свое ножа не выгребетъ. Слѣдуетъ помянутая исторія.

Аннибалъ славнѣйшій Карѳагенскій полководецъ, будучи побѣжденъ отъ счастливаго Сципіона , убѣжалъ въ Азію къ царю Антіоху , сильному

тѣхъ

тѣхъ временъ Государю, который Аннибала принявъ въ свое царство и опеку, содержалъ съ особливѣйшею честїю, и тѣмъ исполнилъ званїе царя милосерднаго. *Ибо государи ничемъ больше щедротъ своихъ изъявить не могутъ, какъ ежели храбрыхъ Героевъ, по несчастїю до крайности дошедшихъ, прїемлютъ въ защищенїе и оборону.* Оба сїи великїе мужи кромѣ другихъ честныхъ упражненiй, въ коихъ отъ скуки время провождали; то ѣздили по горамъ за охотой, то обучали на поляхъ войска екзерциции, то хаживали очень часто въ академїю слушать философскихъ словопрѣнiй; что по истиннѣ симъ мудрымъ мужамъ было весьма прилично. Ибо ни одинъ во дни часъ съ вящшею пользою не проходитъ, какъ тотъ, которой на слушанїе краснорѣчиваго оратора употребляется.

Въ то время былъ въ Ефесѣ преславный философъ, именемъ Формїонъ, который публично училъ всѣхъ жителей онаго царства. Когда же по случаю нѣкоторымъ днемъ зашли они оба въ училище философа; то оной увидя ихъ, и разсуждая, что ученїе, которое тогда предлагалъ, не соотвѣтствовало ихъ званїю; оставилъ прежнее содержанїе, и тотъ часъ о искусствахъ и хитростяхъ, кои полководцамъ на войнѣ употреблять должно, и о наблюденїи порядка на сраженїяхъ, говорить началъ; и сїи важныя и необыкновенныя дѣла толь витїеватымъ и пространнымъ изобразилъ словомъ, что нетокмо всѣхъ, кои никогда его не видали, но и самихъ повседневныхъ слушателей своихъ привелъ въ удивленїе. Ибо всецѣло посвятившїй себя нау-

камъ, тѣмъ другихъ превосходитъ, что никогда не лишается новой къ рѣчамъ матеріи.

Антіохъ крайнѣ доволенъ будучи тѣмъ разсужденіемъ, безмѣрно веселился, что оной философъ толь изрядно предъ гостемъ говорилъ; сирѣчь, дабы узнали иностранные, что царство его мудрыми людьми изобилуетъ. Понеже знаменитые и разумные государи ни чемъ болѣе хвалиться не должны, какъ тѣмъ, что имѣютъ у себя храбрыхъ воиновъ, защищающихъ границы, и премудрыхъ мужей, управляющихъ государство.

По окончаніи же философомъ рѣчи, спросилъ Антіохъ у Аннибала: *какого онъ мнѣнія о томъ, что говорилъ философъ?* На сей вопросъ Аннибалъ толь смѣло и дерзновенно отвѣтствовалъ, аки бы въ самой тотъ день, когда на Канненскомъ сраженіи одержалъ побѣду. Понеже знаменитые и великодушные государи, хотя вовсе достоинства и царства лишатся; сердце однакожъ свое непобѣдимымъ представляютъ. Въ прочемъ Аннибаловъ отвѣтъ былъ слѣдующаго содержанія: *вѣдай царь Антіохъ! Что много видалъ я сумозбродныхъ стариковъ; но неистовѣе сего Формiона, котораго ты называешъ изряднымъ философомъ, видать мнѣ никогда неслучалось. Ибо крайнѣ глупъ, кто имѣя токмо пустую ученость, не того, который празднымъ точію снабдѣнъ знаніемъ; но прямымъ опытомъ просвѣщеннаго учить покушается.*

Скажи мнѣ, Антіохъ! *Кто столь нечувствителенъ, чтобъ снесъ; и кто столь глупъ, чтобъ умолчать могъ, увидя человѣка, каковъ сей философъ, который въ маленькомъ*

уголку

уголку Грецїи пров҃едши всю жизнь въ ученїяхъ философскихъ, толикое прїемлетъ дерзновенїе предъ Аннибаломъ говорить и разсуждать о дѣлахъ военныхъ, аки бы самъ онъ былъ княземъ Винскимъ, или Императоромъ Римскимъ? По истиннѣ, или онъ глупъ, или насъ за глупыхъ почитаетъ. Ибо изъ праздныхъ словъ его видно, что онъ вящшее знанїе въ дѣлахъ военныхъ присвояетъ себѣ изъ чтенїя книгъ, нежели Аннибалъ изъ опыта знаменитѣйшихъ сраженїй.

Но весьма далече отстоитъ одно отъ другаго, занимать мѣсто философа, и отправлять званїе полководца; разумно преподавать ученїе въ школѣ, и порядочно управлять войскомъ на сраженїяхъ; быть одаренну знанїемъ, каково имѣютъ ученые мужи, и искуствомъ, каковымъ снабдѣны военные люди; умѣть очинивать перо, и умѣть бросать копьемъ; быть окруженну книгами, и прямо смотрѣть на вооруженнаго непрїятеля. Ибо тѣхъ, кои о дѣлахъ военныхъ съ крайнимъ витїйствомъ разсуждаютъ, много; но такихъ, чтобъ и въ самое то время, когда уже необходимость требуетъ, довольно имѣли великодушїя подвергнуть опасности жизнь, очень мало.

Сей философъ Формїонъ человѣкъ простой, ни когда не видалъ сраженїя войскъ; ни когда не слышалъ страшнаго трубнаго гласа, зовущаго на бой; ни когда не испыталъ, какїя съ одной стороны ковар ства, а съ другой страхъ и ужасъ бываютъ; ни когда не видѣлъ, что найбольшая часть солдатъ обращаются въ бѣгство, а самое малое число бьются на сраженїи;

женїи; на послѣдокъ, сколь прилично философу и ученому мужу хвалить и превозносить благоденствїе мирныхъ временъ, столь непристойно ему разсуждать о военныхъ опасностяхъ. Ежели сей философъ того, о чемъ говорилъ, собственными не видалъ глазами, но токмо читалъ въ книгахъ: то пусть и сказываетъ тѣмъ, коимъ ни видать, ни читать того не случалось. Ибо знанїю военныхъ дѣлъ лутче научиться можно въ Пинской армїи, нежели въ Греческихъ школахъ.

Не безъизвѣстно тебѣ, Антїохъ, что тритцать шесть лѣтъ продолжалъ я безпрерывную и кровопролитную войну въ Ишпанїи и Италїи; испытавъ добраго и худаго счастїя, какъ то всѣмъ предпрїемлющимъ трудныя и великїя дѣла бываетъ: чему я нынѣ очевидный свидѣтель, поелику ни волоска на бородѣ не имѣя, другими повелѣвать началъ, а теперь уже въ сѣдинѣ оной самъ начинаю чужимъ повелѣнїямъ быть подвластенъ. Клянусь милостїю Марса, Антїохъ, ежелибъ кто спросилъ меня: какимъ образомъ въ войнѣ поступать должно? Не отважилсябъ я въ наставленїе ему ни единаго молвить слова! Потому что такимъ дѣламъ лутче изъ употребленїя, нежели изъ словъ научиться можно. Ибо Государи весть войну по причинѣ справедливости, а продолжать оную могутъ предводительствомъ разума: конецъ однакожъ ея не въ силахъ, ни въ искуствѣ; но въ произволенїи фортуны заключается. Сїи и другїя важнѣйшїя слова отъ Аннибала сказаны Антїоху, которыя любопытный можетъ видѣть въ Плутарховыхъ Апофегматахъ.

Примѣръ

Примѣръ сей, Пресвѣтлѣйшїй Государь, больше къ поношенїю дерзости, нежели къ похвалѣ ученїя моего служитъ; ежели Ваше Величество равномѣрно сказать изволите, что государственныя дѣла столько же и мнѣ, какъ Формїону военныя опасности извѣстны. Ибо справедливо можете мнѣ упрекнуть, что я будучи человѣкъ монашескаго сана, изъ младыхъ лѣтъ воспитанный во обители съ крайнимъ дерзновенїемъ отважился писать въ наставленїе, какимъ образомъ толь державный Государь самимъ собою и царствомъ своимъ управлять долженъ. Ибо правду сказать, по колику духовной меньше знаетъ мирскихъ суетъ, по толику лутчимъ признавать его надлежитъ.

Состоянїе Государей требуетъ множества предстоящихъ; но монахамъ приличествуетъ жизнь уединенная. Ибо слуга Божїй не о суетахъ мирскихъ; но о святынѣ всячески помышлять долженъ. Состоянїе государей колеблютъ отъ всѣхъ сторонъ безпокойства; но монашеской санъ повелѣваетъ жить тихо и безмолвно въ заключенїи: въ противномъ же случаѣ монашескаго сана человѣкъ отступникомъ душевнымъ почитается, ежели тѣло его въ кельѣ а духъ странствуетъ въ мирѣ. Государи должны бесѣдовать и обращаться со всѣми; но монахамъ излишняя въ обхожденїи свобода, и безмѣрная въ разговорахъ вольность вредительна. Ибо долгъ истинныхъ монаховъ требуетъ, чтобъ руки ихъ обращались въ разгибанїи священнаго писанїя, тѣло въ постахъ, языкъ въ молитвахъ, а духъ въ богомыслїи упражнялся. Государи по большой части стараются о дѣлахъ военныхъ; но монашеское званїе велитъ желать и попеченїе имѣть

• мирѣ. Ибо ежели Государь суетится проливать кровь непріятелей; то добрый монахъ обязанъ проливать слезы свои за грѣшниковъ.

О когда бы я все, къ чему обязываетъ меня должность, съ помощію благодати Божіей исполнялъ такъ, какъ оное разумѣю! Но горе мнѣ! Что перо только имѣю къ начертанію хорошо приготовленное, а къ дѣланію чувствую въ себѣ великую слабость. Сказалъ я сіе въ противность себѣ самому, для того, что Ваше Величество опытомъ знаете должность Государей; а я ни говорить, ни писать о томъ инако не могу, кромѣ по правиламъ ученія. Тѣ, кои государямъ подавать совѣты, исправлять оныхъ жизнь и учить обязаны; должны имѣть совершенное разсужденіе, не поврежденное сердце, исправное слово, здравое ученіе, и житіе всякому подозрѣнію и пороку не причастное. Ибо дерзающій разсуждать о великихъ дѣлахъ, не имѣя въ томъ искусства, подобится такому человѣку, который самъ будучи вовсе слѣпъ, имѣющему нѣсколько зрака хочетъ указать дорогу.

Всего труднѣе въ жизни, разсуждалъ Ксенофонтъ, *узнать премудраго мужа*, утверждая, *что онаго тотъ разпѣ узнаетъ, который самъ премудръ*. Изъ сего Ксенофонтова мнѣнія заключить можемъ, что какъ премудраго не можно ни кому узнать, кромѣ другому премудрому; такъ равно и тому, который вознамѣрился описывать жизнь Государя, надлежалобъ быть самому Государемъ. Ибо кто одинъ годъ по морю плавалъ, лутче можетъ не токмо разсказать; но и наставленіе подать о приключающихся наономъ опасностяхъ, нежели тотъ, который десять лѣтъ у пристани прожилъ.

Ксено-

Ксенофонтъ издалъ книгу о воспитанїи Государей, изображая въ ней персону царя Камвиза, будто бы оной говоритъ, и наставляетъ сына своего Кира. Онесикритъ такъ же написалъ книгу, касающуюся до воинскаго званїя, отъ лица Филиппова, будто бы оной сына своего Александра военнымъ дѣламъ обучаетъ. Ибо философы оные разсуждали, что сочиненїя ихъ ни какого достоинства имѣть не будутъ, ежели выйдутъ въ свѣтъ не подъ именемъ Государей, которые самымъ опытомъ въ таковыхъ дѣлахъ знанїе имѣли.

Ахъ! Ежели бы старой Государь, царствовавшїй много лѣтъ, восхотѣлъ выразить на письмѣ, или по крайней мѣрѣ разсказать на словахъ, сколько претерпѣлъ онъ несчастїй, сидя на престолѣ правленїя; въ коликомъ презрѣнїи имѣли его подданные; колико кратъ раздраженъ былъ отъ министровъ; коликую чувствовалъ неблагодарность друговъ; коликократно враги на погубленїе его умышляли коварства; въ коликихъ погружался опасностяхъ; коликими въ домѣ своемъ тревожился бунтами; сколько разъ пороками заслужилъ поношенїе отъ своихъ; коликократно обманутъ былъ отъ чужихъ; словомъ сказать: коликїя днемъ сносилъ беспокойства, и коль томныя ночнымъ временемъ испускалъ воздыханїя! Извѣстнѣйше вѣдаю, и нимало не обманываюсь, что ежели бы оной Государь описалъ цѣлое теченїе своея жизни безъ остатка, и обо всемъ изъяснилъ подробно; тѣло его показалось бы намъ безмѣрно ужаснымъ, что возмогло здержать толикїя тягости, а духъ несказанно удивительнымъ, что толь долговременно оказывалъ терпѣнїе.

Дѣло,

дѣло, по истиннѣ, труда. гордости, спеси, глупости, безстыдства и опасности наполненное, ежелибы кто пером восхотѣл управить общество и жизнь Государя: ибо невитійством слов, но примѣром честных дѣл к доброму житію народ поощряется. Справедливо говорю, что не одиножды, но стократно глуп, кто осмѣливается давать совѣты Государям, которые, поелику о многих вещах глубокое имѣют разсужденіе, и из оных в нѣкоторых сообразуются своим страстям; то гдѣ уповаем милости, там в жесточайшій гнѣв и негодованіе их попадаем. *Ибо совѣт больше дѣлает вреда, нежели пользы, естьли дающій отмѣнным разумом, а пріемлющій терпѣніем одарен не бывает.*

По истиннѣ, Всемилостивѣйшій Государь, я ни царем не был, чтоб мог разумѣть царскіе труды; ни присвояю себѣ первенства в подаваніи царям совѣтов. Что же дерзнул сочинить сію книгу, то здѣлал сіе не с тѣм намѣреніем. дабы Вашему Величеству совѣтовать; но с глубочайшим раболѣпствіем предложить увѣщаніе. Ибо признаюсь, что подаваніе совѣтов не до моего касается званія; но ко увѣщанію всяк знает, что должностію пред Вашим Величеством я обязан.

В прочем, каков порядок сея книги, то есть: сколь полезна к знанію, пріятна к чтенію, и коликое изобиліе заключает в себѣ изрядных исторій и добрых правил, не хочу изображать пером моим; но оставляю на разсужденіе читателям оныя. Ежечасно случается, что много достоинства теряют книги не потому, яко бы не хороши были; но понеже

же сочинители оныхъ горды и честолюбивы. Ибо кто черезъ чуръ хвалитъ свое сочиненіе, тотъ нетокмо оное, но и самаго себя охуждать всякому даетъ поводъ.

Пусть никто не думаетъ, яко бы не довольно я разсуждалъ и испытывалъ о томъ, что мною написано. Ибо представляю въ свидѣтельство Христа искупителя міра, сколько времени употребилъ я въ изыскиваніи соотвѣтствующихъ моему намѣренію матерій, что чрезъ одиннатцать лѣтъ ни единаго дня не пропустилъ, чтобъ въ семъ сочиненіи или не написалъ чего нибудь, или не поправилъ. Свидѣтельствуюсь паки, что сочиненіе сіе стоило мнѣ великихъ трудовъ. Ибо не ложно говорю, что книга сія пять разъ собственною моею, а троекратно чужею рукою была переписывана. Сверьхъ сего свидѣтельствуюсь и тѣмъ, что отвсюду собиралъ разныя и на разныхъ языкахъ книги, и читалъ единственно для того, дабы найти изрядныя правила. Кромѣ того прилѣжно старался изыскивать исторіи, приличествующія моему намѣренію; вѣдая, что нѣтъ ничего непристойнѣе, какъ писать исторію, съ матеріею несогласную. Напослѣдокъ, со тщаніемъ трудился, дабы сочиненіе мое было не столь пространно, чтобъ имѣли причину назвать меня болтливымъ. Ибо всякаго писанія изрядство въ томъ состоитъ, чтобъ въ немногихъ словахъ многія и важныя заключались разсужденія.

Неронъ Императоръ воспылалъ любовію къ одной превосходной красавицѣ римской, именемъ Помпеѣ, и напослѣдокъ то прозьбами, то чрезъ деньги достигъ конца своимъ желаніямъ, понеже

въ любовныхъ дѣлахъ не долго можетъ сопротивляться дѣвство, ежели съ одной стороны сильное нападенїе, а съ другой слабое сопротивленїе бываетъ. Въ прочемъ такъ страстно Неронъ любилъ Помпею, что, поелику имѣла она у себя желтые волосы янтарнаго цвѣту, сочинилъ въ похвалу ихъ героическїе стихи, и припѣвая игралъ на арѳѣ. Ибо Неронъ въ Латинскомъ языкѣ и стихотворствѣ, также въ вокальной и инструментальной музыкѣ былъ весьма искусенъ.

Плутархъ, въ книгѣ о похожденїяхъ женскаго пола, историю сїю повѣствуя, во изобличенїе Неронова беспутства и легкомыслїя говоритъ, что Помпея росту была умѣреннаго, персты имѣла долгїе, ротъ небольшой, брови тонкїя, рѣсницы густыя, носъ острой, зубы малые, губки красныя, шею бѣлую, лицо широкое, глаза великїе и выпуклые, грудь высокую и круглую. И хотя Неронъ на каждое изъ сихъ порознь устремлялъ взоръ свой, дабы вящшею распалиться къ ней любовїю; ни во что однакожъ не вперялъ такъ своего сердца, какъ въ желтые волосы, на которые взирая, едва не умиралъ отъ любви ко оной. Ибо малоразсудливые и вѣтреные человѣки ежечасно любятъ не то, что велитъ разумъ; но къ чему собственная ихъ влечетъ воля.

Въ прочемъ, до толѣ возрасла любовь въ Неронѣ, что самъ всѣ волосы по одному перечиталъ у любезной своей Помпеи: и аки бы оные исчислять было недовольно, каждому далъ особыя имена, коимибъ могъ называть ихъ; напослѣдокъ сочинилъ объ ней кантъ, для пѣнїя. Такъ то сей безславный Государь больше времени

ви иждивалъ въ пѣнiи и хваленiи любовницы Помпеи, нежели въ слушанiи и отвращенiи жалобъ гражданскихъ. Но и тутъ не успокоилось его неистовство: онъ здѣлалъ еще золотой гребешокъ для чесанiя волосовъ любовницѣ; и ежели случалось упасть одному волосу изъ головы ея, то немедлѣнно, обвивши оной золотомъ, посвящалъ Юнонѣ. Ибо римляне все, доброе ли или худое, что только было имъ любезнѣйшее, богамъ въ даръ приносили.

А понеже янтарнаго цвѣту волосы имѣла Помпея, и любовiю оныхъ пылалъ Неронъ; то всѣ римскiя и Италiанскiя госпожи единственно тщанiе о томъ прилагали, чтобъ желтить у себя волосы, и ходить въ платьѣ подобнаго цвѣту: почему какъ мущины, такъ и женщины носили цѣпочки, медали, кольца и ожерелья, здѣланныя изъ янтарю. Ибо всегда такъ дѣлалось, и дѣлаться будетъ, что тѣ вещи, къ коимъ склоннѣе царскiя сердца, лутчими и дражайшими кажутся народу. Не имѣлъ никакого почтенiя и янтарь въ римѣ до тѣхъ поръ, пока Неронъ въ толикое сумозбродство не поползнулся. Но когда оной цвѣтъ Нерону здѣлался весьма прiятенъ; то никакого бисера въ толь высокой цѣнѣ не поставляли, никакiя изъ золотыхъ и шелковыхъ вещей толь прибыточны не были, и никакого изъ другихъ государствъ купцы охотнѣе непривозили товару, какъ янтарь: которому легкомыслiю я ни мало не удивляюсь. *Ибо смертные суть такого свойства, что съ вящшею горячностiю слѣдуютъ суетѣ другихъ, нежели дѣлаютъ то, что необходимо нужно.*

Но да возвращусь къ моему намѣренїю : примѣромъ симъ, Пресвѣтлѣйшїй Государь, желалъ я показать, что естьли на стоящее писанїе Вашему Величеству угодно и прїятно будетъ; вѣдаю безъ сомнѣнїя, что не сыщется ни единаго человѣка, коемубъ оное прїятно не было : и хотя бы кто наипаче желалъ его опорочить, никогда однакожъ здѣлать сего не отважится, подумавъ, что оное посвящено особѣ Вашей. Ибо мы то, что Государи приняли въ свое покровительство, защищать обязаны; а охуждать воли не имѣемъ.

Смѣло говорю, что хотя книга моя не превосходна въ своемъ содержанїи, и не весьма витїевата во образѣ расположенїя; большую однакожъ пользу Ваше Величество прїобрящете изъ чтенїя оной, нежели прїобрѣлъ Неронъ изъ любовницы Помпеи. Ибо чтенїе изрядныхъ книгъ дѣлаетъ человѣка разумнымъ; но обращенїе и дружба съ непотребными дѣлаетъ его развратнымъ. Я нестоль гордъ и славолюбивъ, чтобъ желалъ, дабы Ваше Величество сїи правила въ толикомъ почтенїи и покровительствѣ содержать изволили, въ разсужденїибъ котораго оныя такую честь въ Италїи, какую янтарь въ Римѣ, имѣли. Но о томъ прошу и молю, дабы сколько времени иждивалъ Неронъ на изчисленїе и торжествованїе волосовъ своея любовницы; столько Ваше Величество онаго препровождали въ слушанїи и отвращенїи государственныхъ безпорядковъ. *Ибо великодушному и тщаливому Государю самомалѣйшую часть дня на свои увеселенїя употреблять должно.*

По выслушанїи совѣтниковъ, посланниковъ, вельможъ, воеводъ, богатыхъ, убогихъ, гражданъ

и чужестранныхъ, когда соизволите Ваше Величество удалиться въ свою спальню; то благоволите упражняться въ чтеніи сей или лутчей книги. Ибо часто въ царскихъ чертогахъ министры много теряютъ времени, беседуя и разсуждая о вещахъ неполезныхъ; которое употребить на чтеніе какой ни есть книги, былобы справедливее.

Какъ во всехъ действіяхъ, такъ и въ сочиненіи книгъ, премного способствуетъ человеку, иметь доброе счастіе. *Ибо тщетны труды, ежели противится фортуна.* И хотя бы я очень жаловался на суровость счастія, ежели бы Вашему Величеству трудъ мой не понравился; гораздо однакожъ вящшее было бы мне сожаленіе и стыдъ, ежелибъ слыша, что книга моя къ чтенію пріятна, не виделъ употребленія предписанныхъ во оной правилъ. Ибо намереніе мое, Пресветлейшій Государь, въ сочиненіи сея книги не къ той стремилось цели, дабы чтеніемъ ея напрасно иждиваемо было время; но чтобъ каждой пунктъ онаго проходилъ съ пользою.

А. Геллій книги третьей въ 13 главе повествуетъ, что между прочими изъ Платоновыхъ учениковъ былъ знаменитый философъ Демосѳенъ, коего не токмо Греки въ особливейшемъ содержали почтеніи; но и Римляне иметь у себя желали. Ибо онъ житіемъ былъ воздерженъ, а ученіемъ и витійствомъ удивителенъ. Естьлижъ бы Демосѳенъ жилъ не въ Платоновъ векъ, когда довольно было въ Греціи философовъ; но во времена Фаларидовы, когда оная тиранами изобиловала; то почли бы его всея Азіи солнцемъ, не меньше какъ целая Европа почитала за светъ Цицерона.

Не малой членъ счастія, найпаче въ сіе, нежели въ другое время рожденнымъ быть знаменитому мужу; по тому что храбрый воинъ во времена мужественнаго и великодушнаго Государя, по истиннѣ, не токмо отмѣнной чести, но и довѣренности въ важнѣйшихъ дѣлахъ достигнетъ; напротивъ того въ вѣкѣ лакомаго и молодушнаго Государя, лутче почтутъ какого нибудь хитреца, искуснаго въ умноженіи доходовъ, нежели сего кавалера, одареннаго храбростію, съ которою можетъ онъ получить на войнѣ побѣды, и распространить славу своего Государя. Тоже самое дѣлается съ мудрыми, учеными и добродѣтельными людьми, которые, буде живутъ въ вѣкѣ добродѣтельми и ученіемъ сіяющихъ Государей, содержатся въ славѣ и почтеніи; но во времена беззаконныхъ и легкомысленныхъ, ни во что вмѣняются. *Ибо издревле ведется у суетныхъ человѣковъ сей обычай, что они не тѣмъ, кои весьма обществу полезны; но кои въ величайшей милости находятся у Государей, честь выражаютъ.*

Сказалъ я сіе для того, что хотя Греція въ одно время имѣла двухъ знаменитѣйшихъ философовъ; однакъ преимущество Платоново уменьшило Демосѳенову славу. *Ибо отмѣнная слава одного человѣка, многихъ въ народѣ помрачаетъ имя.* И хотя оный Демосѳенъ былъ памяти крѣпкой, разума небеснаго, житія добродѣтельнаго, совѣтовъ здравыхъ, превосходной славы, лѣтъ довольныхъ, и въ философіи весьма искусенъ; не преставалъ однакожъ ходить въ Академію для слушанія отъ Платона нравоучительной философіи: чему, всякъ слыша, или читая, не удивляться, но слѣдовать долженъ; сирѣчь,

рѣчь, что философы и мудрецы одинъ отъ другаго учиться желали. *Ибо знанїе есть такого свойства, что чѣмъ болѣе онаго прїумножается, тѣмъ вящшая горячность и охота къ наукамъ возрастаетъ.*

Всѣ вещи въ жизни сей, какимибъ мы ни владѣли и наслаждались, дѣлаютъ сытость, и на послѣдокъ скучны и тягостны бываютъ, выключая одно истинное знанїе, которое сытости, скукѣ и изнеможенїю непричастно; а ежели иногда и кажется утомленнымъ, то глаза токмо отъ чтенїя, а не мысли отъ познанїя и увеселенїя изнемогаютъ.

Коликократно ни любопытствуютъ отъ меня знатные вельможи и прїятели, споря и вопрошая: *какая польза, всю жизнь провесть въ безпрерывномъ ученїи?* Обыкновенно отвѣтствую: *а изъ того какая прибыль, что вы провождаете оную въ толикой праздности?* Когда прїимемъ въ разсужденїе многочисленныя похотѣнїя плотскїя, бѣды свѣта сего, искушенїя дїавольскїя, ухищренїя злодѣевъ, и невѣрность друговъ; то чье сердце толикїя и непрестанныя досады могло бы вытерпѣть, ежели бы чтенїемъ и увеселенїемъ книгъ не подкрѣплялося. О незнающемъ, больше, нежели о убогомъ сожалѣть надлежитъ. *Ибо ни единое убожество столь не тягостно, какъ не имѣнїе разума, обладать собою.*

Но да возвратится рѣчь моя на первое мѣсто. Демосѳенъ идучи однимъ днемъ въ Аѳинахъ къ Платонову Училищу, увидѣлъ на площади множество стекшагося народа, слушанїя ради философа, недавно пришедшаго. Не безъ причины говорю, многочисленная толпа собралась дл

слушанія онаго. *Ибо народъ отъ природы къ слушанію новостей жаденъ.* Въ прочемъ, Демосѳенъ спрося: *что за философъ, къ которому спѣшилъ весь народъ?* Когда сказали ему, *что то былъ Каллистратъ беспримѣрно краснорѣчивый;* остановился, желая онаго повидать и послушать; сирѣчь, дабы узнать, правду ли говорилъ народъ, или ложь? Ибо не рѣдко случается, что иные великой достигаютъ славы, больше по причинѣ пріобрѣтеннаго въ народѣ благопріятства, нежели довольнаго ради знанія въ наукахъ.

Платонъ и Каллистратъ не сходствовали между собою въ томъ, что первой изъ нихъ былъ весьма ученой, а другой чрезвычайно краснорѣчивой: по чему въ житіи большая часть подражали Платона, а въ ученіи слѣдовали Каллистрату. Ибо много сыщется людей гораздо ученыхъ, которые хотя изобильнымъ снабдѣны знаніемъ въ наукахъ; однако въ преподаваніи оныхъ во все пріятности и удачи не имѣютъ. Демосѳенъ, одиножды только послушавъ Каллистрата, толико возбужденъ, уловленъ, и плѣненъ былъ его краснорѣчіемъ, что съ тѣхъ поръ и Платона и Академію оставя, началъ слѣдовать за Каллистратомъ: которую новость удивленія достойною почли мудрецы Греческіе, зря сирѣчь, что одного человѣка языкъ, всѣхъ ученіе замолчать принудилъ.

Хотя же уповаю, что Ваше Величество примѣръ сей сравнивъ съ моимъ намѣреніемъ, изволили догадаться на какой конецъ оный отъ меня приведенъ; утверждаю однакожъ безъ сомнѣнія, что въ книгохранительницѣ Вашей толь изрядныя книги, а при дворѣ толь ученые мужи обрѣ-

обрѣтаются, что не меньшее заслуживают преимущество, каково Платон имѣл в своей Академіи: почему много бы я счастлив был, естьли бы Ваше Величество с настоящею книгою так же, как Демосѳен с Каллистратом, поступили. Истинно, я говорю сіе не с тѣм намѣреніем, дабы Ваше Величество от бесѣды мудрых людей, и от чтенія других книг воздержалися; потому что дѣло сіе было бы не иное, как оставя Платона мужа божественнаго, послѣдовать Каллистрату человѣку мирскому; но дабы привыкали книгу сію по немногу прочитывать. Ибо статься может, что найдете в ней какое нибудь полезное наставленіе, которое со временем ко употребленію понадобится. Поелику благонравным и щаливым государям читая добрыя дѣла, крѣпко помнить, а причиненныя себѣ обиды из памяти истреблять приличествует.

Не без причины говорю, что читающій сію книгу, найдет в ней какое нибудь разумное правило. Ибо все, что здѣсь ни писано, с крайним писано вниманіем; и я толь прилѣжно старался разсмотрѣть и исправить каждое маленькое слово и мнѣніе, акибы от одного зависѣла цѣна всего настоящаго сочиненія. Понеже ученые люди трудясь в сочиненіи новых книг, болѣзнуют сердцем, подумав, что ежели многіе сыщутся, кои на чтеніе их правил устремят взор; то гораздо большее число на хуленіе оных простругт язык свой. Хотя же я в составленіи сея книги имѣл равное намѣреніе, как тот, который от основанія насаждая увеселительную рощу, украшенную кустарниками для наслажденія очам, и

 обога-

обогащенную плодами для собиранія рукамъ; чтобъ сверхъ того и обонянію былъ пріятный запахъ, засѣваетъ оную розами: однакъ поелику я человѣкъ, да и пишу для человѣка, можетъ статься, что въ иномъ погрѣшилъ по человѣчеству, а иное написалъ и къ стати. Ибо нѣтъ и живописи въ свѣтѣ толь совершенной, чтобъ другой живописецъ нѣчто въ ней поправлять не покушался.

Всякъ, прилѣжно читающій сіе сочиненіе, обрящетъ въ немъ благоразумнѣйшіе совѣты, полезнѣйшіе законы, найлутчія разсужденія, достопамятнѣйшія слова, преизбраннѣйшія мнѣнія, знаменитые примѣры, славныя дѣла, и древнѣйшія исторіи. Ибо не ложно говорю, старался я, чтобъ древнее ученіе, было новымъ основаніемъ моего сочиненія.

Хотя же Ваше Величество всѣхъ царей и царства превышаете достоинствомъ, а я послѣднѣйшій изъ всѣхъ министровъ Вашихъ, однакъ не погнушайтеся обратить взоръ Вашъ къ чтенію сея книги; и ежели что покажется справедливо, то и самимъ дѣломъ исполнять оное не оставте. Ибо ни какого писанія, ежели оно само по себѣ есть доброе и совершенное, хотя и подлымъ перомъ написано, презирать не должно. Говорилъ я прежде, говорю нынѣ, и впредь говорить буду, что великіе Государи и князи, чѣмъ сильняе, богатѣе и мужественнѣе бываютъ, тѣмъ лутчихъ совѣтниковъ для бесѣдованія, и книги для чтенія, не токмо въ благополучное, но и наипаче въ злощастное время, необходимо при себѣ имѣть должны; дабы въ готовности были у нихъ совѣты и спасеніе. Въ противномъ же случаѣ, подлинно время къ сожалѣнію имѣть

будутъ;

будутъ; но ко отвращенію худыхъ и нечаянныхъ произшествій лишатся всякія помощи.

Плиній, М. Варронъ, Страбонъ и Макровій, не меньше важные, какъ и справедливые историки, великую между собою имѣютъ распрю, стараясь доказать, какія въ обществѣ вещи суть древнѣйшія, и когда оныя согласно отъ всѣхъ народовъ приняты? Сенека въ нѣкоторомъ къ Луцилію посланіи не можетъ довольно нахвалиться общества Родійцовъ, коего жители съ превеликою трудностію пріучаемы были къ наблюденію какой нибудь новости; но туже самую вещь одиножды принявъ, цѣло на всегда содержали, и свято хранили. Божественный Платонъ въ шестой книгѣ о законахъ предписалъ: *ежели кто изъ Гражданъ нѣчто изобрѣтетъ новое, чего предъ тѣмъ ни видали, ни слышали; то прежде введенія онаго въ городъ долженъ чрезъ десять лѣтъ въ домѣ своемъ дѣлать того вымысла опыты; дабы, ежели изобрѣтеніе его было доброе, самъ онымъ пользовался; будеже худое, тобъ самому ему послѣдовалъ отъ него вредъ и пагуба.*

Плутархъ въ Апоѳегматахъ повѣствуетъ, что Ликургъ подъ жесточайшимъ наказаніемъ запретилъ гражданамъ, выѣжжая вонъ изъ государства, скитаться по свѣту, и иностранцовъ принимать въ свои домы. Онъ законоположилъ сіе для того, чтобы чужеземцы въ Гражданскіе домы не ввозили вещей иностранныхъ; а Граждане, ѣздя по другимъ государствамъ, не могли пріучиться новымъ обычаямъ. Нынѣ же толико дерзновенны стали, и толико въ разсудкѣ своемъ ослабѣли люди: всякъ говоритъ, вымышляетъ и пишетъ то, что только захочетъ.

Сего

Сего не довольно; но еще въ томъ никто имъ и не препятствуетъ. Ибо народъ въ семъ случаѣ толь легкомысленъ, что повседневно видя новости ни мало не разсуждаетъ, польза ли или вредъ обществу отъ того послѣдовать можетъ.

Ежели появится теперь въ народѣ человѣкъ вѣтреной и болтливой, коего никогда предъ тѣмъ ни видали, ни слыхали, былъ бы только онъ хитрой и проворной; скажи пожалуй, чего не отважится такой говорить, чтобъ не говорилъ? Чего не осмѣлится вымышлять, чтобъ не вымышлялъ? Чего неотважится представлять, чтобъ не представлялъ? Чего не осмѣлится совѣтевать, чтобъ не совѣтовалъ? Вещь по истиннѣ чудная и непонятная! Одинъ человѣкъ въ состоянiи развратить всѣхъ мысли, но всѣ купно не сильны уничтожить безумiе одного человѣка. Сего ради новыхъ и необыкновенныхъ вещей принимать, не должны. *Ибо всякую новость, прежде введенїя въ городъ, неменьше надлежитъ разсматривать, какъ разматривается великая тайна совѣсти.*

Руффинъ во 2 книгѣ Апологiи жестоко укоряетъ Египтянъ за безмѣрную тщаливость къ хитрымъ штукамъ. Грековъ такъ же винитъ за чрезвычайную охоту ко удобренiю словъ краснорѣчiемъ. Напротивъ же того весьма хвалитъ Римлянъ, что Греческимъ словамъ мало вѣрили; а Египетскiя изобрѣтенiя принимали съ холодностiю. И по истиннѣ, тѣхъ охуждать, а другихъ хвалить, справедливую онъ имѣлъ причину. *Ибо отъ слабости разсудка и легкомыслїя происходитъ, ежели кто вѣритъ всему, что бы*

ни

ни услышалъ, и дѣлаетъ то, что бы ни увидѣлъ.

Но да приступлю къ моему намѣренїю. М. Варронъ представляетъ пять вещей, съ превеликою трудностїю въ свѣтъ введенныхъ: изъ которыхъ ни единой послѣ того, какъ единожды согласно отъ всѣхъ народовъ приняты, не льзя было искоренить или предать забвенїю. *Ибо, что принимается скоро, то и оставляется удобно; но съ трудностїю введенное хранится весьма крѣпко.*

ПЕРВОЕ, которое всѣ народы приняли единогласно, было сообщенїе человѣка съ человѣкомъ, то есть: *чтобъ устроить села, города и общества.* Ибо, по мнѣнїю Платонову, между животными первые изобрѣтатели общества были муравьи, о которыхъ очевидные гласятъ опыты, что въ мѣстѣ живутъ, работаютъ, ползаютъ, и опасаясь будущей зимы, прїуготовляютъ себѣ пищу; удивительнѣе же, что ни одна изъ нихъ ни чего себѣ не присвояетъ; но все въ собранїи своемъ имѣютъ общее. По истиннѣ достойно удивленїя общество муравьевъ, ежели посмотрѣть, какимъ образомъ вычищаютъ они свои печурки, выносятъ и сушатъ сѣмена дождемъ замоченныя, и каждая собственнымъ трудомъ питается; такъ что одна другой не обижаетъ, но взаимно одна другой трудами пользуется: на послѣдокъ, къ превеликому нашему стыду, ежели позоветъ нужда, пятдесятъ тысячь муравьевъ въ маленькой норкѣ помѣщаются; но человѣкамъ и двумъ цѣлое государство кажется весьма тѣсно. *О! когда бы человѣки въ снисканїи спасенїя толикую имѣли мудрость, коликой*

муратьи къ сохраненїю жизни имѣютъ промыслъ!

Когда же день отъ дня началъ умножаться человѣческой родъ, и разумъ часъ отъ часу сталъ поощряться; то появились въ народѣ тиранны, которые утѣсняли убогихъ; тати, кои окрадали богатыхъ; бунтовщики, которые возмущали спокойныхъ; человѣкоубїйцы, кои умерщвляли миролюбивыхъ; и тунеядцы, кои чужимъ трудомъ питались. Что усмотря добродѣтельные и мудрые мужи, узаконили жить въ мѣстѣ нѣкоторымъ союзомъ братства; дабы чрезъ то добрыхъ сохранить, а злочинныхъ укрощать было можно. Въ согласїе сего упоминаетъ Макровїй во 2 книгѣ на сонъ Сципїоновъ, что безмѣрная жадность, и глубокое корыстолюбїе подали причину къ изобрѣтенїю между человѣками общества. Плинїй книги седьмой въ 56 главѣ повѣствуетъ, что Аѳиняне первые изъ всѣхъ устроили села, а Египтяне создали города.

ВТОРОЕ, согласїе народовъ было въ принятїи букъ, которыя мы читаемъ и употребляемъ въ писанїи. М. Варронъ говоритъ, что Египтяне хвалятся изобрѣтенїемъ оныхъ; но Ассирїане оспориваютъ, что у нихъ прежде найдены. Плинїй книги седьмой въ 56 главѣ повѣствуетъ, что издревле было только шестнатцать буквъ, къ которымъ во время Троянской войны прибавилъ Паламидъ четыре. Аристотель говоритъ, что съ самаго начала изобрѣтено было въ древности осмнатцать буквъ, и по томъ Паламидъ ко онымъ прибавилъ только двѣ, и такъ сдѣлалось всѣхъ числомъ двадцать; а послѣ того философъ Епимархъ выдумалъ еще двѣ; по чему стало

стало уже двантцать двѣ. Однако отъ Египтянъ ли письмена изобрѣтены, или у Ассиріанъ прежде найдены были, въ томъ нѣтъ нужды; я безъ сомнѣнія утверждаю, что сія вещь необходимо нужна была для общества и умноженія рода человѣческаго. Понеже, естьли бы мы не имѣли письменъ и писанія, не возможнобъ было намъ знать древнихъ дѣлъ, и будущимъ по насъ потомкамъ оставить свою память.

Плутархъ во второй книгѣ о похвалахъ древнихъ, и Плиній книги седмой въ 56 главѣ, весьма прославляютъ Пирода, что выдумалъ доставать изъ кремня огонь; премного хвалятъ Прета, изобрѣтателя щитовъ; Амазонскую царицу Пентезилею за вымыслъ бердыша; Скиѳа за лукъ и стрѣлы; Финикіанъ за стѣнобитное орудіе и пращу; Лакедемонянъ за шлемъ, мечь и копье; Ѳессалянъ за коннорыстательную битву; Пницовъ за сраженіе на морѣ флотомъ; а я и нынѣ хвалю, и никогда хвалить не престану, однакъ не тѣхъ, кои для пріуготовленія войны вымыслили оружія; но которые для учрежденія наукъ письмена выдумали. Ежели разсудимъ, коликая разность, омочить въ чернилы перо, и обагрить кровію копье; быть окруженну книгами, и препоясанну оружіемъ; учиться, какимъ образомъ всякому жить должно, и устроевать на войнѣ коварства для умерщвленія ближняго; то не сыщется ни кого, который бы толь былъ безрассуденъ, чтобъ нелутче похвалилъ упражненіе наукъ, нежели военное неистовство. Ибо тотъ, кто обучается военнымъ дѣламъ, обучается, какимъ образомъ другихъ лишать жизни; но кто обучается знаніямъ,

знанiямъ, неиному чему либо учится, точiю какимъ образомъ ему и другимъ жить должно.

ТРЕТЬЕ, *согласiе народовъ всея подсолнечныя было въ востриятiи законовъ*; потому что хотя люди и совокупно жили, однакъ другъ другу покаряться не хотѣли; отъ чего происходили между ими ежечасные мятежи и бунты. Ибо, по мнѣнiю Платонову, нѣтъ извѣстнѣйшаго знаменiя, предвѣщающаго погибель государству, какъ ежели многiе въ немъ востаютъ повелители. Плинiй книги седьмой въ 56 главѣ повѣствуетъ, что нѣкоторая царица, именемъ Церера, перьвая пахать, сѣять, молоть, мѣсить и печь хлѣбъ, показала способъ; предписала такожъ перьвая и законы народамъ; и за сiи изобрѣтенiя древнiе почли ея богинею. Съ того времени доселѣ ни видали, ни слышали, ниже читали мы, чтобъ которое царство или народъ, сколь бы отдаленной и варварской ни былъ, не имѣлъ ни какихъ законовъ, для охраненiя добродѣтельныхъ; или учрежденныхъ наказанiй, для каранiя злодѣевъ; хотя лутче и безопаснѣе кажется было бы человѣкамъ любить правду, нежели бояться закона.

Кои не по совѣсти, но страха ради предписанныхъ законами жестокихъ наказанiй, удерживаются отъ злодѣйства; тѣхъ, по моему разсужденiю, хотя поступки народъ и хвалитъ; но Богъ, видя намѣренiе ихъ, осуждаетъ. Сенека въ нѣкоторомъ къ другу Луцилiю письмѣ: *Ты увѣдомляешъ меня*, говоритъ, *что Сицилiане премногое число вывезли хлѣба въ Ишпанiю и Африку, а понеже Римскимъ закономъ вывозъ сей запрещенъ, то здѣлали они величайшее преступленiе. На сiе отвѣтствую*,

что

что какъ ты, будучи человѣкъ добродѣтельный, можешъ научить меня правительствовать; такъ равно и я тебя, по старости моей, научу хорошо говорить. Ибо не пристойно, чтобъ между мудрыми людьми говорено было: законъ де то повелѣваетъ, учреждаетъ, дозволяетъ; но только: сїе повелѣвайте по правилу разума. Понеже добродѣтельному мужу совѣсть, вѣнецъ; а злодѣю законъ, палачъ.

ЧЕТВЕРТОЕ согласїе народовъ было въ учрежденїи бритовщиковъ. Чему ни кто смѣяться не долженъ: ибо читающїй Плинїя, усмотритъ книги седмой въ 59 главѣ, что римляне заподлинно четыреста пятдесятъ четыре года ни головы, ни бороды не брили. М. Варронъ повѣствуетъ, что Тицинїй Мена, перьвой брильщиковъ изъ Сицилїи вывезъ въ Римъ; и въ то время жестокой Римляне между собою имѣли споръ, принять ли оныхъ, или нѣтъ; почитая за крайнюю глупость, ежели повѣритъ человѣкъ жизнь свою бритвѣ.

Дїонисїй Сиракузскїй никогда недавалъ брить бороду свою бритовщику, а остригали ему оную ножничками малолѣтныя его дочери; но и тѣмъ, когда начали приходить въ совершенной возрастъ, бороду повѣрить не отважился, прижигая самъ себѣ волосы огнемъ. Когда же спросили: *для чего онъ ни одному брильщику бороды своей не повѣряетъ? Вѣдаю я,* отвѣчалъ, *иной больше дастъ денегъ брильщику за то, чтобъ лишилъ меня жизни, нежели я ему плачу за бритье бороды.* Плинїй книги седмой въ 59. гл. повѣствуетъ, что Сципїонъ Африканскїй и Августъ прежде всѣхъ въ Римѣ начали бриться

каждой день; однакъ, кажется мнѣ, клонилъ Плиній рѣчь сію къ единственному возвышенію похвалами сихъ Государей, коимъ, чтобъ допустили къ гортани своей бритву, не меньшую надлежало имѣть смѣлость, какъ бы въ самое то время, когда перьвой изъ нихъ въ Африкѣ съ Аннибаломъ, а другой въ Сициліи съ Секстомъ Помпеемъ войну производили.

ПЯТОЕ согласіе всѣхъ народовъ было въ принятіи часовъ, коихъ Римляне чрезъ долгое время, и какъ Плиній и М. Варронъ повѣствуютъ, чрезъ пять сотъ девяносто пять лѣтъ не имѣли. Исправнѣйшіе историки упоминаютъ, что древніе изобрѣли часовыхъ орудій три рода, то есть: часовое, солнечное и водяное, изъ которыхъ перьвое по теченію часовъ, второе по теченію солнца, а третье по теченію воды, размѣряютъ время. Часы солнечные выдумалъ Анаксименъ Милезскій, ученикъ Анаксимандровъ (*именуемые Сціотериконъ*). Водяные (*называемые Клепсидра*) нашелъ Сципіонъ Назика. А временоразмѣрительные (*нарицаемые Клепсаммидіонъ или Автоматонъ*) изобрѣлъ нѣкоторый ученикъ Философа Ѳалета. Изъ всѣхъ древностей привезенныхъ въ Римъ ни одна съ толикою пріятностію отъ Римлянъ не была принята, какъ временоразмѣрительныя орудія, помощію которыхъ могли Римляне день раздѣлять на часы. Ибо до того не можно было имъ сказать: *въ седьмомъ часу встанемъ, въ девятомъ пообѣдаемъ, въ двенатцатомъ соберемся, въ перьвомъ разойдемся, а въ третьемъ должность свою отправлять будемъ*: Но только въ случаѣ нужды: *Ето дѣло по восхожденіи, а то*

предъ

предъ захожденїемъ солнца испрапимъ, говаривали.

Упомянулъ я о сихъ пяти древностяхъ въ настоящемъ предисловїи, единственно чтобъ показать причину, для чего сїю мною сочиненную книгу назвалъ ***ЧАСАМИ ГОСУДАРЕЙ***. Ибо надѣялся, что ежели сїя книга имѣть будетъ такое новое и необыкновенное названїе; то и содержащееся въ ней ученїе почтутъ за велико. Избави Боже! Чтобъ я отважился сказать, будто бы и Ишпанїя столь же долговременно лишалась часовъ ученїя, сколь долго Римляне часовъ солнечныхъ и водяныхъ не имѣли. Ибо оная учеными и мудрыми людьми, и храбрыми Героями всегда изобиловала.

Весьма достойно и праведно есть, хвалить Ишпанскихъ Государей, Кавалеровъ и народовъ, ихъ остроумїе и храбрость, благорастворенїе воздуха, здоровость водъ, и плодоносїе земли. Однако не хвалю и проклинаю многїя въ Ишпанїи свѣтскїя книги, которыя такъ, какъ разбитые часы, бросить въ огонь и вновь передѣлать было бы не худо. Не безъ причины говорю, что многїя книги достойно изрубить и предать огню. Ибо въ нынѣшнемъ вѣкѣ, не наблюдая стыда и совѣсти, о любовныхъ дѣлахъ сочиняютъ книги съ неменьшею горячностїю, аки бы свѣтъ презирать учили. По истиннѣ сожалительно, что многїе упражняются денно и ночно въ чтенїи непотребныхъ книгъ, сирѣчь: *Амадиза Прималеонта, Луарта, Луцедна, и Каликста*; которыхъ наставленїя читая, смѣло говорю, не провождаютъ, но погубляютъ время. Ибо оныя не тому учатъ, какимъ образомъ отъ пороковъ остерегаться; но кого въ

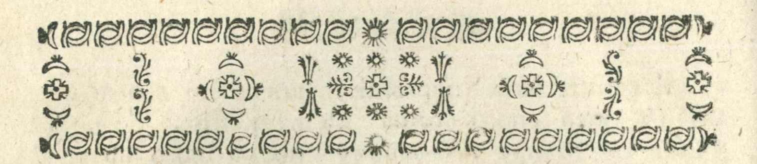
 предводи-

предводители къ гораздо вящшему злочинію избирать должно.

Сіи ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ суть не песочные, нижѐ солнечные , нижѐ водяные или часовые ; но часы жизненные. Ибо прочіе служатъ только къ познанію дневныхъ или ночныхъ часовъ ; а сіи научаютъ , какимъ образомъ каждой часъ располагать , и цѣлую жизнь провождать должно. Тѣ часы изобрѣтены для распорядка государственныхъ дѣлъ ; а сіи ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ учатъ насъ жить добродѣтелно. Ибо мало пользы , ежели при часахъ порядочно заведенныхъ , и исправно текущихъ , граждане , будучи не согласны , мятежи и междоусобныя производятъ брани.

Макси-

Максимиліанъ первый, когда по возрасту имѣлъ уже способность къ наукамъ, отданъ учителю Петру, бывшему послѣ того въ новомъ городѣ настоятелемъ, и нѣсколько лѣтъ съ сверстниками, нѣкоторыхъ вельможъ дѣтьми, обучался Латинскому языку. Но какъ оный учитель, будучи искусенъ въ однихъ токмо Діалектическихъ разнорѣчіяхъ, отваживался внушать Максимиліану трудныя Ораторскія задачи, коихъ онъ понимать не могъ; то чаще жестокіе побои терпѣлъ учитель отъ того, котораго самаго сѣчь надлежало. Ибо плѣть рабу, а не свободному приличествуетъ. На последокъ Князь вмѣсто того, чтобъ къ наукамъ возъимѣть вящшую горячность, пуще оныя возненавидѣлъ. Я изъустно слышалъ у Максимиліана, который, будучи уже Императоромъ Римскимъ, во время стола многимъ предстоящимъ сказалъ: *естьли бы теперь учитель мой въ живыхъ находился; то хотя мы учителямъ своимъ много должны, принудилъ бы однакожъ я его каяться, что онъ меня училъ.* Ибо сколь много обязаны мы благодарить добрымъ учителямъ, которые хорошо обучаютъ насъ въ младолѣтствѣ; столь жесточаѣ наказывать должно глупыхъ, кои погубляютъ неоцѣненное младости время, уча дѣтей тому, чего отъучить весьма трудно. **О семъ повѣствуетъ Іоаннъ Куспиніанъ въ житіи Максиліана перьваго Императора.**

ПРЕДИСЛОВІЕ ОСОБО,
къ
ОНОМУЖЪ ИМПЕРАТОРУ ПИСАННОЕ,
въ которомъ Авторъ
о
Переведенной отъ него книгѣ, называемой Маркъ Аврелій, изъясняетъ.

Суета, которую я въ любителяхъ суеты усматриваю, паче всѣхъ суетъ суетнѣйшая, что они недовольствуясь суетностію своей жизни, стараются, дабы и по смерти суеты ихъ пребывала память. Ибо суетный и легкомысленный человѣкъ, думая, что по смерти нельзя уже будетъ служить свѣту, которому онъ работалъ въ своей жизни, желаетъ, дабы по крайней мѣрѣ хотя воля его въ немъ оставалась. Многіе толь глубоко пристрастились къ сему свѣту, что хотя оной самимъ дѣломъ ихъ оставляетъ; но они не оставляютъ его своимъ желаніемъ. Такого состоянія люди, смѣло божусь, подтвердятъ присягою, что ежелибъ свѣтъ могъ даровать имъ жизнь вѣчную; пообѣщались бы они въ немъ сумозбродствовать бесконечно. Ахъ! сколько въ тщетной сей жизни суетныхъ человѣковъ;

вѣковъ; кои ни о Богѣ, чтобъ оному работать; ни о собственной чести, чтобъ дѣйствія свои учреждать по правиламъ оной; ни о нищихъ, чтобъ онымъ помогать; ни о совѣсти, чтобъ оную очистить; ни о жизни, чтобъ оную исправить; попеченія не имѣютъ; но иждиваютъ время въ скотскихъ страстяхъ, подобясь безсловеснымъ.

Безсловесное животное, ежели раздражатъ, ярится; утрудясь, отдыхаетъ; когда захочетъ, спитъ; ежели востребуетъ нужда, пасется; естьли утомляетъ жажда, пьетъ; естьли принуждаютъ, работаетъ; и о обществѣ попеченіемъ не суетится, по тому что предводительству разума слѣдовать, и похотѣніямъ чувствъ противиться не можетъ. А человѣкъ, который, сколько ни захочется, ѣстъ, пьетъ, довольствуется сномъ, за обиды мститъ, и въ случаѣ искушенія прелюбодѣйствуетъ; не достоинъ называться человѣкомъ, въ обществѣ рожденнымъ, но звѣремъ, въ пустыняхъ воспитаннымъ. Ибо тотъ только заслуживаетъ имя человѣка, кто въ мирскихъ вещахъ самимъ собою обладать и повелѣвать тщится; то есть: дѣла свои не по желанію похоти, но по правиламъ разума располагаетъ.

Но оставимъ суетныхъ человѣковъ, пока еще въ жизни; къ которымъ ни мало не дивно, что прилѣпляются мірскія вещи, когда они въ свѣтѣ пребываютъ, въ свѣтѣ живутъ, и за свѣтомъ гоняются; и полюбопытствуемъ отъ умершихъ: чего ради по окончаніи бѣдственной и бесплодной жизни, будучи уже погребены въ землѣ, мирскую суету чувствовать желаютъ? Срамъ и стыдъ, ежели посмотримъ на честныхъ

и благороднымъ сердцемъ одаренныхъ людей, что конецъ жизни нашея всякъ; а безумїя предѣловъ ни кто не видитъ.

Мы ни чего чаще не видимъ, ни слышимъ, ниже̂ читаемъ, какъ то, что крайнѣ обществу бесполезные, а при томъ мерзскаго и не потребнаго житїя люди, паче другихъ за живота своего быть почтенными, и по смерти преславную память оставить желаютъ. Что можно въ свѣтѣ вымыслить тщетнѣйшее, какъ имѣть попеченїе о мїрѣ, который ни о комъ не печется; и не стараться о Богѣ, который о всѣхъ старается? Какое еще большее можетъ человѣкъ вздумать безумїе, какъ для умноженїя чести и богатства, душу свою день отъ дня въ худшее приводить состоянїе? Заматерѣлое есть въ родѣ человѣческомъ зло, что многїе, или лутче сказать, наибольшая часть, прїобрѣтенїе достоинства исправленїю жизни предпочитаютъ.

Светонїй Транквиллъ книги первой о Цесаряхъ въ седьмой главѣ повѣствуетъ, что Iулїй Цесарь, будучи въ отдаленной Ишпанїи Квестором, прїѣхалъ въ городъ Гады, называемой нынѣ Кадиксъ, и увидя подлѣ капища Геркулесова поставленной великаго Александра портретъ, тяжело вздохнулъ; и когда спрашивали его о причинѣ воздыханїя: *о вещь недостойная!* Отвѣтствовалъ, *Александръ въ тридесятое жизни своей лѣто, какое и мнѣ теперь отъ рожденїя, покорилъ цѣлой свѣтъ, и въ Вавилонѣ успокоился; а я, будучи природою Римлянинъ, и по нынѣ ни чего еще не учинилъ знаменитаго, дабы чрезъ то въ жизни прїобрѣлъ славу, а по смерти оставилъ память.*

Дїонъ

Діонъ Греческій писатель во второй книгѣ о смѣлости говоритъ, что знаменитѣйшій мужъ Друзъ Германскій, имѣлъ обычай посѣщать гробы славныхъ героевъ, въ Италіи погребенныхъ; дѣлая то во всякое время, когда съ войскомъ въ походъ итти надлежало. Вопрошающимъ же его о причинѣ, отвѣтствовалъ: *гробы Сципїоновъ, и другихъ, уже скончавшихся героевъ, предлицемъ которыхъ, во время жизни ихъ, вся земля дрожала, посѣщаю я на тотъ конецъ, дабы разсуждая о добромъ ихъ счастїи, поспрїялъ мужество и храбрость. Сердце,* примолвилъ онъ по томъ, *жестоко распаляется на убивство непрїятеля, ежели подумаетъ кто о будущей памяти своей въ поздные вѣки.*

Цицеронъ въ риторическихъ книгахъ повѣствуетъ, и Плиній въ посланіи своемъ упоминаетъ, что нѣкоторый кавалеръ изъ Египетскихъ Ѳивъ пріѣхалъ въ Римъ единственно для того, дабы очевидно удостовѣриться о великолѣпіи Римлянъ; подлинноль правда, какъ слухъ носится. Когда же спросилъ его нѣкто изъ вельможъ; *Какого онъ мнѣнїя о Римлянахъ, видя толикой городъ Римъ? Лутче мнѣ понравилась,* отвѣтствовалъ, *память мимошедшихъ, нежели слава настоящихъ. Понеже обитающїе въ немъ граждане,* продолжалъ онъ, *стараясь иныхъ живыхъ превзойти, а инымъ умершимъ быть равными, толикїя въ жизни преславныя дѣла учинили, что и по смерти безсмертное заслужили имя.* Римляне много радовались, услыша изъ устъ иностраннаго человѣка таковыя слова, которыми онъ превозносилъ мимошедшихъ и настоящихъ похваляя.

Всѣ древніе язычники, по елику ни адскихъ мученій не боялись, ни райскаго веселія не уповали; изъ слабости крѣпость, изъ малодушія смѣлость, изъ страха храбрость, изъ опасности отважность, изъ непріятелей друговъ, изъ убожества терпѣливость, и изъ лукавства другихъ осторожность снискивали: на конецъ собственную отвергая волю, слѣдовали чужому мнѣнію для того только, чтобъ оставить нѣкоторую по себѣ память между мертвыми, и хотя малую пріобрѣсть славу между живыми. Коль многіе съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, дабы знаменитую по смерти своей оставить память, предавали себя волнамъ непостояннаго счастія! Въ доказательство о справедливости моихъ словъ, воспомянемъ мы нѣкоторые примѣры.

Что принудило Нина, выдумать военное ополченіе? Семирамиду, устроить толикія зданія? Греческаго Уликса, плавать по толь многочисленнымъ морямъ? Великаго Александра столько пройти государствъ? Ѳивскаго Геркулеса воздвигнуть пирамиды на томъ мѣстѣ, гдѣ оныя поставилъ? К. Цесаря римскаго, отправить знатныхъ сто сраженій? Кира Персидскаго царя завладѣть обѣими Азіями? Аннибала Карѳагенскаго толь жестокую войну поднять на римлянъ? Пирра Епирскаго царя, перейти въ Италію? Аттила Венгерскаго короля, воевать противъ цѣлой Европы? По истиннѣ, толикія трудныя дѣла предпринимали они не для того; чтобъ отъ современныхъ только быть прославляемымъ; но дабы и мы сіи дѣла ихъ провозглашали.

По елику мы человѣки, и родились отъ человѣковъ; то весьма удивительно, что и самые

человѣки и человѣческія сердца толико между собою разнствуютъ. Ибо мы ни чего инаго повседневно не видимъ, кромѣ что ежели десять мужей храбрыхъ ищутъ случая умереть славно; напротивъ того десять тысячь трусливыхъ ищутъ нѣги для продолженія жизни. Старающіеся о достиженіи славы пусть вѣдаютъ, что кои славу свою дорого цѣнятъ, тѣмъ животъ свой ни вочто вмѣнять должно; на противъ же того, которые жизнь свою за велико ставятъ, тѣхъ славу дешево цѣнить будутъ. Великодушные Герои, прославившіеся между Сиріанами, Ассирійцами, Вавилонянами, Греками, Македонянами, Родійцами, Ѳивянами, Римлянами, Карѳагенцами, Германцами, Венграми, Ишпанцами и Галлами, не оставилибъ ни когда безсмертной будущимъ вѣкамъ памяти; естьли бы жизни своей (такъ сказать) не ввергнули въ пламень бѣдствій.

Секстъ Херонейскій въ третьей Книгѣ о дѣлахъ Римскихъ повѣствуетъ, что М. Маркеллъ, преславный полководецъ, который первой обратилъ въ бѣгство Аннибала, когда нѣкто его спросилъ: *для чего онъ столько въ ополченіи смѣлъ, и чего ради въ сраженіяхъ толь отваженъ? Другъ* мой отвѣчалъ, *я Римлянинъ и Римскій полководецъ; по чему должно мнѣ вседневно жизнь свою подвергать опасностямъ, вѣдая, что одна только сія дорога ведетъ къ вѣчной славѣ.* А какъ еще спросилъ, *чего ради онъ въ пораженіи непріятеля будучи толь жестокосердъ, вскорѣ, получа побѣду, толь человѣколюбно оплакиваетъ побѣжденныхъ? Полководцу Римскому*, отвѣтствовалъ, *который не желаетъ слыть мучителемъ, въ тоже*

самое время, когда проливает непрїятельскую кровь руками, купно и слезы изъ глазъ своихъ проливать должно. Ибо лутче ему тѣшиться своимъ милосердїемъ, нежели хвалиться побѣдою. Полководцу Римскому, примолвилъ онъ *ставъ посреди воинства, на противоборныхъ, аки на непрїятелей взирать надлежитъ, съ упованїемъ одержать надъ ними побѣду; когда же будутъ побѣждены, то памятовать должно, что какъ они суть человѣки, такъ и самъ онъ яко человѣкъ, могъ быть побѣжденнымъ. Ибо удачи ни гдѣ меньше не соотвѣтствуютъ намѣренїямъ, какъ на войнѣ.* Рѣчь, по истиннѣ, приличная толикому мужу! И я смѣло утверждаю, что всякъ сказанныя отъ сего Римлянина слова читая, или слыша, хвалить будетъ; но весьма мало сыщется такихъ, чтобъ дѣла его подражали. Ибо многїе добродѣтели величаютъ; но весьма рѣдкїе ихъ исполняютъ.

Неспокойнаго и мятежнаго сердца люди, ежели распаляются ревностїю послѣдовать древнимъ; пусть разсудятъ, съ коликими трудами и бѣдствїями они тѣхъ достигли трїумфовъ. Ибо ни одинъ полководецъ въ Римѣ не торжествовалъ прежде, пока тысячу кратъ жизни своей опасностямъ не подвергнулъ. Чаятельно, не ошибаюсь я въ томъ ни мало, что говорить намѣренъ; сирѣчь: *всѣ жадничаютъ вкушать сладость славы, но горестїю бѣдъ никто не хочетъ сокрушить зубовъ своихъ.* По истиннѣ, ежели бы довольно было однихъ только желанїй къ прїобрѣтенїю славы, безъ всякаго сомнѣнїя утверждаю, что и самый послѣднѣйшїй временъ нашихъ рабъ вящшее, нежели въ Римѣ было

ло

ло у славнаго Героя Сципіона, имѣетъ. *Ибо нѣтъ ни единаго изъ всѣхъ смертныхъ, который бы, хотя крайнѣ убогъ, величайшаго къ славѣ и чести не имѣлъ желанія.*

Посмотри лишъ на молодыхъ дворянъ, которые злонравны и непостоянны; то увидишъ, что многіе изъ нихъ слыша о достопамятномъ сраженіи, на которомъ равные имъ лѣтами и чиномъ воины удивительныя дѣла учинили, тотъ часъ разжигаются ревностію, кипитъ въ нихъ отъ ярости кровь, передѣваются не медлѣнно изъ гражданскаго платья въ военной мундиръ, безмѣрно желаютъ какъ наискоряѣ отправиться въ походъ, все цѣло посвящаютъ себя военнымъ подвигамъ; на послѣдокъ, возбуждаясь горячестію младыхъ лѣтъ, просятъ у Государя позволенія ѣхать въ армію, и у свойственниковъ на содержаніе свое занимаютъ деньги. Но какъ только выѣхали за границы своего отечества, и будучи уже въ чужой землѣ, ночнаго безпокойства и дневныхъ трудовъ отвѣдаютъ; тамъ то кричатъ къ ружью; посылаютъ на караулъ; провіантъ хотя и есть, да нѣтъ квартиръ; прійдетъ день получать жалованье, а уже и другое въ передъ съѣдено: таковыя и подобныя симъ бѣдствія, когда притѣснятъ тѣхъ младолѣтныхъ юношъ; то приходятъ они въ отчаяніе, а напаче воспоминая прохладныя въ рощахъ бесѣдки, въ коихъ наиприятнѣйшимъ образомъ гуляли, и теплые комельки, у которыхъ зимою игрывали въ карты. *Ибо воспоминаніе прошедшихъ веселій, умножаетъ настоящія досады.* И такъ, пренебрегши то, что съ начала говорили имъ родственники, и неслушая, что нынѣ совѣтуютъ пріятели, оставя войну, всякъ домой возвра-

вратиться намѣреваетъ, и о обратномъ отпускѣ въ домъ добиваются десятью болѣе того, какъ одиножды въ армїю ѣхать позволенїя просили; *всего же срамнѣе, выѣхавъ изъ отечества съ великою суммою денегъ, возвращаются назадъ со множествомъ пороковъ.*

Сказалъ я сїе на тотъ конецъ, дабы разумные и добродѣтельные мужи усмотрѣли, какими средствами суетный и легкомысленный человѣкъ достигаетъ славы; которая, не въ окна выглядывая, но границы защищая; не въ карты играя, но на сраженїи ополчаясь; не въ шелковыя платья одѣваясь, но оружїемъ обременяясь; не для увеселенїя проѣзживаясь, но о непрїятельскихъ обманахъ провѣдывая; не до половины дня просыпая, но даже до утренней зари бодрствуя; не красотою величаясь, но мужественнаго и храбраго кавалера славѣ ревнуя, не съ прїятельми пируя, но на непрїятелей нападая, прїобрѣтается.

Все же сїе хотя бы исполнялъ благородный; вѣдаю однакожъ я, что оное есть одна точїю суета и безумїе. Но понеже свѣтъ въ таковыхъ дѣлахъ полагаетъ славу, и единымъ только симъ путемъ желаетъ достигать оной; то благородные юноши ко отправленїю великихъ и достопамятныхъ дѣлъ всѣ силы напрягать должны. Ибо ежели война справедлива и принята для обороны отечества; достойнѣе похвалы и подражанїя тотъ, который отъ непрїятельской руки умираетъ, нежели который жизнь въ порокахъ и бесчинїяхъ провождаетъ.

Стыдно и предосудительно благороднымъ, сидя дома, слышать похвалу обрѣтающихся въ военной службѣ. Понеже благородному и храбро-

му юношѣ не пристойно говорить или слышать о славныхъ дѣлахъ, каковы другими произведены; но самому такъ себя весть должно, чтобъ о знаменитыхъ его дѣлахъ, другiе говорили. Ахъ! Сколько теперь надменныхъ спесью, и не довольно просвѣщенныхъ разумомъ, кои ни о чемъ болѣе, кромѣ единственно о чужей славѣ велерѣчатъ, а свою жизнь безславно пробождаютъ! Не напрасно говорю, что многiе непрестанно носятъ на языкѣ славу; но сами и умираютъ безъ славы. *Ибо предки наши въ поляхъ мечемъ воевали, а нынѣшнее юношество при столѣ языками воюетъ.*

Но поелику извѣстно, что всѣ смертные, не взирая на свою тщетность, ревностно желаютъ оставить по себѣ память; то должны за жизни своей дѣлать то, что по смерти ихъ честною славою украсить, а не срамнымъ безславiемъ на вѣки опорочить можетъ. Ибо многiе изъ древнихъ такую по себѣ оставили память, что сожалѣнiя паче, нежели подражанiя кажутся достойны. Желалъ бы я спросить у тѣхъ, которые о семъ или услышатъ, или сами читать будутъ: кому они завидуютъ? Немвроду ли, первому тиранну? Или Семирамидѣ, которая съ сыномъ своимъ прелюбодѣйствовала? Антенору ли, который польстясь на золото, предалъ отечество свое Трою? или Медеѣ, которая умертвила чадъ своихъ? Тарквинiю ли, который насильно растлилъ Лукрецiю? или Iунiю Бруту, который убилъ Цесаря? Силлѣ, который толико пролилъ крови? Или Катилинѣ, который тирански отечествомъ завладѣть покушался? Югурѳу ли, который истребилъ братьевъ своихъ? Калигулѣ

лѣ ли, который съ родными сестрами учинилъ кровосмѣшеніе? или Нерону, который мать свою лишилъ жизни? Еліогабалу ли, который ограбилъ храмы? или Домитіану, который ничего болѣе не зналъ, кромѣ точію чужими руками убивать людей, а своими мухъ? Сихъ еще мало, въ разсужденіи множества тѣхъ, коихъ могъ бы я изчислить: о которыхъ говорю и утверждаю, ежелибъ я былъ на ихъ мѣстѣ, не знаю подлинно, что бы дѣлалъ; чувствую однакожъ, что горестнѣе было бы мнѣ впасть въ толикое, какъ они, безславіе; нежели потерять жизнь, такъ, какъ они потеряли.

Мало прибыли въ рѣкѣ, которая изобильна рыбой, или горѣ, гдѣ много звѣрей; ежели пришедшій туда человѣкъ ловить не умѣетъ. Примѣромъ симъ доказывается, что мало пользы великія дѣла повѣрить такому человѣку, который не умѣетъ оныхъ сопрягать съ славою и достоинствомъ. *Ибо къ пріобрѣтенію славы, великаго разума; а къ сохраненію труда надобно.* Разумные мужи трудныя и опасныя дѣла съ наиприлежнѣйшимъ разсужденіемъ и осторожностію предпринимать должны; вѣдая, сирѣчь, что слава не изъ инаго источника почерпается, кромѣ изъ котораго и безславіе происходить можетъ.

Но да приступлю къ моему намѣренію, Пресвѣтлѣйшій Государь, нынѣ же кленусь и предвозвѣщаю, что Ваше Величество присягою утвердить соизволите, что желательнѣе Вамъ по смерти безсмертная слава, нежели какое либо въ жизни сей спокойство: да и неудивительно мнѣ сіе кажется. Ибо о преславныхъ дѣлахъ добрыхъ Государей вѣчная будетъ процвѣтать

память;

память; на противъ того о развратности бесчинныхъ ни когда не замолчитъ роптаніе. Хотя же Ваше Величество на высочайшую Цесарскаго достоинства степень возведены, и достохвальнѣйшими, нежели Католическому царю возможно, прославились дѣлами; однакъ усматриваю я толь высокіе Вашего Величества къ предпріятію важнѣйшихъ дѣлъ замыслы, и толь мужественное ко отправленію ихъ сердце, что пространнѣйшее наслѣдіе, которое Ваше Величество отъ предковъ восприяли, за малое почитаете предъ тѣмъ, которое сами пріобрѣсть, и потомкамъ оставить намѣреваете.

Нѣкто изъ полководцовъ Іулія Цесаря, о чемъ въ Комментаріяхъ его повѣствуется, будучи вопрошенъ: *для чего онъ зимою въ толикія снѣжныя ненастья и морозы бодрствуетъ; а лѣтняго времени въ толикіе жары продолжаетъ путь? Я буду дѣлать*, отвѣчалъ, *то, что мнѣ вольно; а судьба пускай дѣлаетъ то, что въ ея состоитъ власти. Ибо въ вящшую цѣну должно ставить сердце, съ которымъ предпріемлется сраженіе, нежели фортуну, съ которою получается побѣда: для того что первое отъ храбрости, а другое отъ счастія зависитъ.* Рѣчь по истиннѣ приличная Римскому полководцу и храброму герою!

Надпись, которая Вашего Величества клейноды украшаетъ, сирѣчь; ГОРАЗДО ДАЛѢ; кажется мнѣ, значитъ далечайшаго пути предпріятіе. Во истинну, необходимость требуетъ, чтобъ Ваше Величество въ слабомъ тѣлѣ ощущали геройской духъ, поелику сими словами; ГОРАЗДО ДАЛѢ; обязалися вы даже до толѣ пройти, куда ни одинъ изъ прежде-

 бывшихъ

бывшихъ Государей не могъ достигнуть. Итакъ, ежели не въ равенствѣ со многими путешествовать, но всѣхъ теченїемъ своимъ предъупредить, прїятнѣе вамъ показалось; то имѣемъ мы благовременную и справедливую причину, священнѣйшей Вашего Величества особѣ представить многихъ Государей, совершившихъ дѣла свои храбро и мужественно: дабы Ваше Величество по стопамъ ихъ слѣдовать соизволили. Государь, желающїй быть добродѣтельнымъ, долженъ знать, которые Государи были добродѣтельные. Ибо, какъ того, что злонравные хулятъ, презирать такъ и того, что ласкатели хвалятъ, принимать не должно.

Сколько находимъ мы въ исторїяхъ Государей, о которыхъ я весьма соболѣзную, подумавъ, коликїя имъ въ жизни дѣланы были ласкательства; и на противъ того видя, коль срамными по смерти ихъ писатели ругаютъ словами! Великїе Государи и Князи наиприлѣжнѣе разсматривать должны не то, что предъ глазами, но что въ отсутствїи ихъ бываетъ; не то, что слышатъ, но чего и слышать бы не хотѣли; не то, что говорятъ люди, но что говорить бы желали; не то, что за жизни ихъ пишутъ, но что по смерти ихъ писать будутъ; и слушать не тѣхъ, кои ласкательствуютъ, но которые сказывалибъ правду, ежелибъ имѣли дерзновенїе. Ибо, что о многихъ дѣлахъ подданные говорить не смѣютъ, часто не отъ недостатка вѣрности; но отъ ревности сердца царева происходитъ. Не пристойно великодушному и благоразумному Государю, услыша отъ совѣтника правду, скоропостижно вѣрить, и ласкательствамъ даваться въ обманъ;

манъ; но дабы узнать могъ: тѣ которые правду говорятъ, къ пользѣ ли его совѣтуютъ; и тѣ кои произносятъ ласкательства; не обманываютъ ли, съ самимъ собою внутренно разсуждать долженъ. *Ибо правду и ложь ни что яснѣе неизобличаетъ, такъ собственная совѣсть.*

Сїе туда простирается, дабы Ваше Величество узнали, что я не такїя вамъ приношу похвалы, каковыхъ и сами отъ меня не требуете, и я приписывать не долженъ, сирѣчь: чтобъ представлялъ ласкателя въ настоящемъ сочиненїи. Крайнѣ срамно и бесчестно было бы мнѣ, ежели бы я, будучи слова Божїя проповѣдникъ, изъ устъ своихъ произносилъ ласкательства, и оныя осмѣлился вдохнуть въ уши толь высокаго Государя. Кленусь священствомъ моимъ, что лутче желаю я быть презрѣннымъ за правду, не жели почтеннымъ за ласкательства. Ибо, по истиннѣ, слушать оныя Вашему Величеству было бы предосудительно; а моей подлости вымышлять, вмѣнилось бы за святотатство.

Но да приступлю къ намѣренїю: великими похвалами превозносятъ историки Ликурга, что законы предписалъ Лакедемонянамъ; Нуму Помпилїя, что съ благоговѣнїемъ почиталъ храмы; М. Маркелла, что побѣжденныхъ отъ себя непрїятелей оплакивалъ; Іулїя Цесаря, что щадилъ враговъ своихъ; Октавїя, что всему народу былъ любезенъ; Великаго Александра, что всякому являлъ щедроты; Гектора Троянскаго, что храброй былъ воитель; Геркулеса Ѳивскаго, что крѣпость силъ своихъ употребилъ съ толикою славою; Уликса Греческаго, что въ толикїя опасности предался; Пирра Епирскаго царя, что удивительныя выдумалъ машины; М.

Аттилія Регула, что толь суровыя претерпѣлъ мученія; Тита Императора, что былъ отецъ сиротъ; Траяна, что толикія устроилъ зданія, на конецъ, добродѣтельнѣйшаго М. Аврелія, что всѣхъ превзошелъ мудростію и ученіемъ.

Я неутверждаю, непобѣдимѣйшій Цесарь, что каждый настоящаго времени Государь обязанъ исполнить добродѣтели всѣхъ преждебывшихъ Государей; смѣло однакожъ говорю, что какъ одинъ Государь всѣмъ во всѣхъ дѣлахъ слѣдовать не можетъ; такъ напротивъ того, ежели ни въ чемъ ни одному не послѣдуетъ, есть срамно и бесчестно. Мы не требуемъ, чтобъ Государи дѣлали все то, что имъ можно; но дабы хотя нѣсколько того, что должно, дѣлать старались. Не напрасно говорю, чтобъ хотя малую частицу того, что должно, дѣлали: понеже Государи не имѣли бы времени обращаться въ порокахъ; естьли бы все то, что долгъ ихъ повелѣваетъ, исполнять тщились.

Плиній въ нѣкоторомъ письмѣ повѣствуетъ, что Катонъ Ценсоринъ носилъ на рукѣ кольцо, на которомъ вырѣзаны были слѣдующія слова: *будь другомъ одному, а непрїятелемъ ни кому.* Во внутренность сихъ словъ ежели кто вникнетъ; то найдетъ кроющіяся подъ ними премногія и весьма важныя разсужденія. Но да соглашу сіе съ настоящимъ дѣломъ, утверждаю, что Государь, который похвально управлять своимъ государствомъ, равномѣрное оказывать всѣмъ правосудіе, жизнь провождать въ покоѣ, всѣхъ устами быть прославляемымъ, и вѣчную по себѣ память оставить желаетъ; долженъ единаго подражать добродѣтели, и всѣхъ порокамъ быть не причастенъ. Подлинно, я хвалю и утверждаю

ждаю намѣренiе Государей, что они не токмо со многими сравниться; но еще многихъ и превзойти желаютъ: совѣтую однакожъ имъ напрягать всѣ силы къ подражанiю котораго нибудь единаго. Ибо не рѣдко бываетъ, что тѣ, кои въ жизни многихъ превзойти тщатся, напослѣдокъ и равенства ни съ единымъ недостигши умираютъ. Хотя бы кто многiя дѣла учинилъ, а сверьхъ того еще ко отправленiю и множайшихъ распространялся въ своемъ намѣренiи; однако не больше каждой изъ смертныхъ, кромѣ единое бытiе, единую волю, единую силу, единое рожденiе, единую жизнь и единую смерть имѣетъ. И такъ, когда онъ только одинъ; то не больше, какъ токмо то, что одному приличествуетъ, присвоять себѣ долженъ.

Изъ всѣхъ же добродѣтельныхъ Государей, которыхъ я выше сего на разсужденiе представилъ, при окончанiи напиаанъ М. Аврелiй, для того, чтобъ служилъ вмѣсто печати. Ибо хотя многихъ Государей дѣла чтенiя и знанiя достойны; но М. Аврелiй, что ни здѣлалъ или сказалъ, все не токмо къ знанiю достойно, но и къ подражанiю нужно. Я не говорю, что сего Государя въ языческихъ обрядахъ, но въ дѣйствiяхъ добродѣтели подражать; и не на то соглашаться, чему онъ вѣрилъ; но то только, что доброе дѣлалъ, принимать должно. Ибо ежели сравнить многихъ христiянъ съ нѣкоторыми язычниками; то сколько мы упредили ихъ вѣрою и благочестiемъ, столько они насъ добродѣтельми предваряютъ.

Всѣ Государи древнихъ вѣковъ имѣли дружеское съ которымъ нибудь похвальнымъ Философомъ обхожденiе. Александръ имѣлъ при себѣ

 Ари-

Аристотеля, Дарій Плотина, Августъ Писта, Помпей Плавта, Титъ Плинія, Адріанъ Секунда, Траянъ Плутарха, Антоній Аполлонія, Өеодосій Клавдія, Северъ Фабата; словомъ: толикое преимущество имѣли Философы при дворахъ Государей, что царскія дѣти за отцовъ, а отцы за учителей своихъ почитали. Въ прочемъ, тѣ Философы, когда пользовались дружбою Государей, были живы; а М. Аврелій, коего ученіе Вашему Величеству я предлагаю, не въ живыхъ, но въ царствѣ мертвыхъ пребываетъ: писанія однакожъ его Ваше Величество принять невозгнушайтесь по той причинѣ, что самаго въ присутствіи нынѣ имѣть не можете. Ибо, можетъ статься, вящше воспользуетъ насъ то, что онъ написалъ своими руками, нежели что прочіе живучи, сказали словами.

Плутархъ повѣствуетъ, что Аристотель жилъ во времена Великаго Александра; а Омиръ уже давно умеръ. Спросимъ же мы тепе ь, колико одному изъ нихъ Александръ вѣрилъ, а другому отдавалъ почтенія? По истиннѣ, книгу Омирову, когда ложился спать, имѣлъ въ рукахъ; и когда пробужался, читывалъ, всегда нося оную не токмо въ пазухѣ, но и на головѣ своей. Аристотель же не столько былъ ему любезенъ. Ибо не всегда его слушалъ, и не всегда ему вѣрилъ. И такъ, повидимому, Омира почиталъ другомъ, а Аристотеля учителемъ.

Прочіе мудрецы были только Философами; а М. Аврелій былъ не токмо премудрымъ философомъ, но и державнѣйшимъ Монархомъ: изъ чего легко разсудить можемъ, что больше ему, нежели другому кому либо вѣрить должно. Ибо онъ, какъ Государь, всѣ трудности, кои мы въ

теченіи

теченіи сея жизни претерпѣваемъ, выразитъ: и какъ Философъ, облегчительныя средства покажетъ. Сего то премудраго Философа и знаменитаго Императора отцемъ въ юности, наставникомъ въ правленіи, полководцемъ въ войнахъ, вождемъ въ пути, другомъ въ трудахъ, примѣромъ въ добродѣтеляхъ, учителемъ въ знаніяхъ, предмѣтомъ въ желаніяхъ, и помощникомъ въ дѣлахъ Ваше Величество принять не возгнушайтесь.

По истиннѣ, вознамѣрился я описывать жизнь сего Государя, который былъ язычникомъ; а не инаго, который бы былъ христіяниномъ; для того что коликою сей языческій царь въ настоящемъ мірѣ процвѣталъ славою за добрыя дѣла, толикое воспріймете Ваше Величество отъ Бога наказаніе въ будущемъ вѣкѣ, ежели дѣла ваши явятся худы. Писать о М. Авреліи Императорѣ возбудило меня и сіе, что онъ былъ природою Ишпанецъ, какъ о томъ изъяснено въ первой главѣ настоящія книги. Ибо поелику имѣлъ я къ величанію и описыванію Государя, произшедшаго изъ единаго сомною отечества; Греческихъ Государей казалось уже мнѣ хвалить непристойно. Траянъ, Маркъ Аврелій, и Феодосій Императоры были родомъ Ишпанцы; почему и имѣемъ мы трехъ Императоровъ усопшихъ, а Ваше Величество четвертаго еще здравствующаго нынѣ. Да даруетъ преблагій и всемогущій Богъ, чтобъ Ваше Величество такъ долголѣтно и свято жили въ благочестіи христіянскомъ, какъ тѣ Государи жили въ языческомъ заблужденіи!

Воззрите Ваше Величество на жизнь сего Государя, и увидите, сколь проницателенъ былъ разумомъ; коликой хранитель правды; сколь до-

бродѣтелен житіем, благодарен к другам, терпѣлив в трудах, молчалив противо недоброхотов, жесток на тираннов, кроток к миролюбивым; коликой доброжелатель мудрых, коликой презрѣтель несмысленных; сколь счастлив в войнах, сколь щедролюбив в мирѣ; паче же всего, колико искусен в рѣчах, и остроумен в мнѣніях.

Часто приходит мнѣ на мысль: ежели предвѣчная оная власть, дав Государям временную державу, изящнѣйшими паче всѣх украсила вас дарами, может статься, неопредѣлила ль и того, чтоб вы не так, как мы, человѣческой слабости были причастны? Но сего нѣт в самой вещи. Я вижу, что вы, будучи сыны сего свѣта, инако не можете жить, как по обычаю свѣтскому. Я вижу, что вы обращаясь в сем свѣтѣ, кромѣ свѣтских дѣл, о иному мудрствовать не можете; и поелику во плоти пребываете, то необходимо подвержены и страстям плотским. Я вижу, что вы, сколь бы жизнь ваша нипродолжилась, принуждены однакож на конец во гроб вселиться; вижу, что труд ваш беспредѣлен, и спокойствіе ни когда во врата ваши не входит. Я вижу, что зимою стужу, и лѣтом зной солнечной претерпѣваете; вижу, что вас удручает алчба, и утомляет жажда; окружают недоброхоты, и оставляют други: вижу, что терзаетесь печалію, и лишаетесь веселія. Я вижу, что вы страждете в болѣзнях, и министры служат вам нерадѣтельно; много имѣете, и многаго недостает у вас. На послѣкок, чего нам уже болѣе смотрѣть, как то, что Государи умирают?

Естьли

Естьли же великіе Государи и Князи необходимо должны быть по смерти червямъ пищею; то для чего вы, будучи въ жизни, гнушаетесь добрыхъ совѣтовъ? Вы, Монархи и князи, ежели по случаю согрѣшаете; наказывать васъ ни кому не вольно: слѣдовательно по сей причинѣ увѣщанія и совѣты вамъ весьма потребны. *Ибо путешественникъ, идущій не прямою дорогою, чемъ больше идетъ, тѣмъ далѣе заблуждаетъ.* Ежели погрѣшаетъ народъ, наказывать; буде же Государь, увѣщавать должно. И какъ Государь желаетъ, чтобъ подданные наказанія отъ него терпѣливно принимали; такъ равно, чтобъ и самъ Государь увѣщаніе отъ народа терпѣливно принималъ, не оспоримая справедливость требуетъ. Ибо, поелику благо единаго зависитъ отъ блага другаго; самая вещь гласитъ, что, ежели Государь въ заблужденіи пребываетъ, прямымъ путемъ народъ шествовать ни когда не будетъ.

Ежели Ваше Величество народъ свой словами исправить желаете; то повелите ему читать сію книгу: буде же онъ какими либо совѣтами вамъ пособить намѣреваетъ, то пускай проситъ, дабы Ваше Величество оную читать соизволили. Ибо въ настоящей книгѣ все то, что и его исправить можетъ, и Вашему Величеству дѣлать надлежитъ, безъ сомнѣнія обрящется. Полезна ли или бесплодна сія книга, выражать не до меня касается; пускай признаются въ томъ читатели оныя. Ибо мы писатели сочиненія и перевода трудъ взимаемъ; а разсуждать о насъ другіе имѣютъ вольность.

Истинно, изъ отроческихъ лѣтъ какъ въ мірскомъ житіи, такъ и послѣ, когда уже вос-

пріялъ санъ священства, наибольшую часть лѣтъ моихъ истощилъ на чтеніе божественныхъ и свѣтскихъ книгъ. И хотя признаюсь въ моемъ скудоуміи, что ни читалъ, сколько могъ, ни учился, сколько долженствовалъ; изъ всѣхъ однакожъ читанныхъ мною книгъ, ни что не привело меня въ вящшее удивленіе, какъ ученіе М. Аврелія, когда усмотрѣлъ я, что Богъ въ уста идолопоклонника толикое влилъ сокровище премудрости.

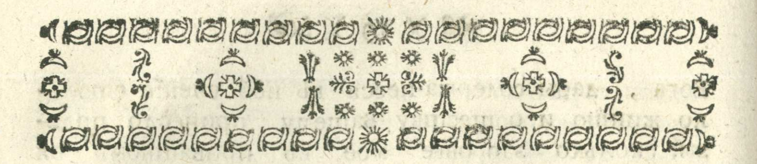
А какъ писалъ онъ по большой части на Греческомъ, а нѣкоторое и на Латинскомъ языкахъ; то я Греческое съ помощію пріятелей, а Латинское собственнымъ трудомъ перевелъ на природной языкъ. Пусть же всякъ подумаетъ; переводить Греческое на Латинской, Латинское на обыкновенной Ишпанской языкъ, а изъ того уже грубыя слова перемѣнять на изрядную рѣчь, коликихъ трудовъ стоило? Ибо не можетъ пиръ назваться богатымъ, естьли и кушанье наилутчее, и приправа вкусомъ пріятна не будетъ. Въ преложеніи мнѣній, въ расположеніи словъ, въ разсматриваніи сообразительныхъ рѣчей, въ поправленіи и уваженіи слоговъ, сколько я потѣлъ въ знойное лѣто, и озябалъ въ жестокость зимнія стужи; сколько воздерживался, когда кушать; сколько бодрствовалъ, когда спать; и сколько суетился, когда беспечально жить надлежало: пускай разсуждаетъ тотъ, кто въ таковыхъ дѣлахъ самъ обращался, буде мнѣ не вѣритъ.

И такъ, сего толь многочисленнаго труда намѣреніе посвящаю Божеской власти; а настоящую книгу съ всеподданнѣйшую покорностію препоручаю вашему Величеству; моля Бога,

Бога, дабы содержащееся въ ней ученіе столько житію и обществу Вашему принесло пользы, сколько здоровье мое въ привашномъ ея сочиненіи почувствовало ущербу: Вашему Величеству, яко высочайшему моему Государю, плодъ бодрствованій моихъ поднесть я вознамѣрился. Сіи труды мои ежели паче чаянія Ваше Величество презрите, для того вѣрнымъ рабомъ быть не престану; почитая за немалое награжденіе и то, что содержите меня въ числѣ министровъ вашихъ. Въ воздаяніе за труды, и въ награду за добродѣтельнѣйшее намѣреніе всеподданнѣйше Вашего Величества прошу о томъ только; дабы взирая на непросвѣщенность моего разума, на подлость штиля, на грубость слова, на беспорядочное расположеніе мнѣній: и на конецъ, на слабость краснорѣчія, не возъимѣли причины толь полезную книгу въ меньшемъ, нежели какого стоитъ, имѣть почтеніи. Ибо и лошадь добрую дешевлѣ цѣнить не должно по той причинѣ, что сѣдокъ въ разбѣгѣ править ею искусно неумѣетъ. Я сдѣлалъ, что могъ; а Ваше Величество сдѣлайте, что должны, то есть: чтобъ книга сія возъимѣла важность, а переводчикъ оныя удостоенъ былъ покровительствомъ. Напослѣдокъ, молю милосердаго Бога, который Вашему Цесарскому Священнѣйшему Величеству на земли даровалъ бытіе и силу, да даруетъ и зрѣніемъ Божественнаго своего бытія наслаждаться въ царствѣ блаженныхъ, Аминь.

СОДЕР-

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ О ЖИТІИ МАРКА АВРЕЛІЯ съ ЧАСАМИ ГОСУДАРЕЙ,

въ которомъ Авторъ и намѣреніе свое, и образъ писанія показываетъ.

Славнѣйшій Философъ Архимедъ, учености ради отъ М. Маркелла дарованный жизнію, которой однакожъ послѣ чрезъ упражненіе въ Магіи, или волшебной наукѣ, заслужилъ быть лишеннымъ, когда спросили его: *Что есть время?* *время*, отвѣчалъ, *есть изобрѣтатель всѣхъ вещей новыхъ, и воспоминатель древнихъ.* Потомъ примолвилъ: *время есть то, что всѣхъ вещей начало, средину, и конецъ видитъ.* Напослѣдокъ, *время есть такая вещь, что все ограничиваетъ.* Не оспоримой истиннѣ сего описанія времени, Философомъ онымъ изданнаго, мы воспротиворѣчить не можемъ. Ибо время, естьли бы говорить могло; многія вещи, о которыхъ мы сомнѣваемся, изъяснилобъ намъ, какъ очевидный свидѣтель.

И такъ, хотя все конецъ имѣетъ, и напослѣдокъ погибаетъ; единая токмо истинна и пагубѣ и концу непричастна, которая имѣетъ предъ всѣми вещьми сïе первенство, что она надъ временемъ, а не время надъ нею торжествуетъ побѣдой. *Ибо*, по изрѣченïю Божественному, *удобнѣе было бы небу и землѣ прейти, нежели единой истиннѣ погибнуть*. Понеже нѣтъ ничего толь ненарушимаго, чтобы силою времени не умалялось; нѣтъ ничего толь здороваго, чтобы не увядало; нѣтъ ничего толь твердаго и крѣпкаго, чтобы не сокрушалось; нѣтъ ничего толь прилѣжно хранимаго, чтобы не повреждалось; нѣтъ ничего толь непорочнаго, чтобы не осквернялось: на конецъ, время надъ всѣми прочими вещьми господствуетъ, кромѣ единой истинны, которая никого вышшимъ не признаваетъ.

Плоды весной ни къ питанïю способны, ни вкусу прïятны не бываютъ: но по прошествïи Лѣта, когда воздухъ чрезъ Осень уже прохладится, все, что ни вкушается, полезнѣйшую пищу; и все, что ни отвѣдывается, вящшую прïятность и услажденïе приноситъ. До чего жъ сïе касается? Дабы показать, что съ начала, когда свѣтъ сталъ имѣть мудрыхъ мужей, въ коликомъ почтенïи находились Философы за непорочность добрыхъ нравовъ, толикое заслуживали хуленïе за тупость разума.

Платонъ во второй книгѣ о обществѣ говоритъ, *что древнïе философы, какъ Греческïе, такъ Египетскïе и Халдейскïе, кои первые вступили въ науку звѣздочетства, и взошли на гору Олимпъ, примѣчанïя ради Планетныхъ влïянïй на тѣла земныя, и первые*

вые начали разсуждать о движенїяхъ земли; невѣжества паче извиненїе, нежели знанїя похвалу заслужили. Философы, продолжаетъ Платонъ, *кои насъ предварили, перьвые начали стараться о испытанїи истинны въ движенїяхъ небесныхъ, и перьвые о свойствѣ стихїй и неба сѣмена заблужденїй посѣяли.*

Омиръ въ Иліадѣ тоже съ Платономъ утверждаетъ, говоря: *что касается до прежнихъ философовъ, я то, что они знали, охуждаю; и за то, что знать желали, благодарю и похваляю.* По истиннѣ, весьма справедливо Омиръ, и не худо Платонъ, сказали. Понеже естьли бы между перьвыми оными и древнѣйшими философами не царствовало невѣжество; не произошло бы толикое число Сектъ въ ихъ училищахъ. Читающїй (не говорю) тѣ книги, кои погибли; но мнѣнія древнѣйшихъ философовъ, не можетъ воспротиворѣчить, что хотя единое есть знанїе, однакъ расторгнули они его въ различныя Секты; каковы суть; Циническая, Стоическая, Перипатетическая, Академическая, Платоническая и Епикурская; которыя всѣ такъ мнѣніями взаимно одна отъ другой между собою разнятся, какъ самимъ разумомъ и природою несходственны были.

Не благопристойно и недолжно давать излишней воли перу въ предъосужденїи древнихъ, и однимъ точїю нынѣшнимъ всю похвалу приписывать; по тому что какъ сїи всего не знаютъ, такъ и тѣ не всего не знали. Ежели заслуживаетъ награжденїе тотъ, который показываетъ мнѣ путь, коимъ итти должно; то не меньшую заслуживаетъ благодарность и тотъ, который, гдѣ я могу зублудить, изъясняетъ: сирѣчь,

рѣчь,

рѣчь, не иное что либо было невѣжество древнихъ, какъ вождъ, наставляющїй насъ, дабы мы прямымъ путемъ шествїе имѣли. Ибо ихъ заблужденїе подаетъ намъ причину съ толь вящшею осторожностїю шествовать. И я къ большей древнихъ славѣ, и нынѣшнихъ поношенїю, не стыдясь говорю: Ежелибъ мы живущїе нынѣ, въ ихъ вѣкѣ жили, то меньшебъ знали, нежели знали они; и ежели бъ они, въ тѣ времена жившїе, жили въ нашемъ вѣкѣ, то гораздо бъ больше, нежели мы, знали. Явственно сїе есть изъ того, понеже оные древнїе, будучи особливою одарены добродѣтелїю и трудолюбїемъ, чрезъ маленькїя стези и тропинки путь открыли; а намъ, пороками и лѣностью отягощеннымъ, тѣ самые пути, кои они открытыми оставили, превратились въ поля̀ отвсюду загражденныя.

Но да приступлю къ намѣренїю; мы живущїе нынѣ не можемъ на то, на что многїе изъ древнихъ могли, приносить жалобу. Ибо правда, которая, по словамъ А. Геллїя, есть дщерь времени, въ семъ третьемъ и послѣднемъ вѣкѣ мїра пресовершенно всѣ заблужденїя, которыхъ остерегаться, и истинныя правила, которымъ слѣдовать должно, показала. Что осталось видѣть, что бы видѣно не было? Что остается открывать, что бы открыто не было? Что читать, что бы чтено не было? Что возможно писать, что бы писано не было? Что познавать, что бы извѣстно не было?

Толь скоропостижна нынѣ человѣческая развратность, толикая въ каждомъ быстрота разума и тонкость понятїя, что мы очень малой недостатокъ имѣемъ къ познанїю добра̀; и погибаемъ отъ того, что больше, нежели потребно,

требно, знаемъ зла. Ни кто не можетъ къ извиненію своей погрѣшности представить въ резонъ невѣдѣнія, по елику всѣ знаютъ, всѣ читаютъ, и всѣ учатся: что изъ распрей нѣкотораго кресгьянина и ученаго человѣка явственно. Понеже естьли оба предъ судьею о дѣлѣ спорятъ; съ неменьшимъ витійствомъ земледѣлецъ невѣдомо сколько лжи наскажетъ, пока два или три правила изъ своей книги проговоритъ ученой.

Естьли бы человѣки знаніе свое туда относили, чтобъ быть честнѣйшими, разумнѣйшими, воздержнѣйшими и щедролюбнѣйшими; то весьма былобъ изрядно. Но увы! Ежели что знаютъ, ни къ чему иному не способствуетъ, токмо хитряе пріобрѣтать корысти, обманывать ближняго, сохранять похищенное, на достаточныхъ кондиціяхъ заключать договоры, и новую какую нибудь вымышлять прибыль. На послѣдокъ, ежели что знаютъ; то знаніе ихъ не къ исправленію жизни, но ко умноженію богатства простирается. Естьли бы злобной демонъ могъ спать такъ, какъ человѣки; то на оба уха спать ему былобъ вольно. Ибо ежели онъ прельщенія ради насъ бодрствуетъ; мы на противъ того къ погубленію самихъ себя бываемъ неусыпны. Сіе поелику такъ есть въ самомъ дѣлѣ; то минуя злобу, да простремъ слово наше объ однихъ токмо знаніяхъ; толь мало есть постигаемое нами, и толь многія суть вещи, кои знать и можемъ и долженствуемъ, что все знаніе наше, есть самомалѣйшая частица тѣхъ вещей, коихъ незнаемъ.

Въ прочемъ, какъ въ естественныхъ вещахъ дѣйствія стихій по различію времени бываютъ; такъ и въ нравоученіяхъ, по наступленію вѣка

за

за вѣкомъ, знанія открылись. По истиннѣ, не въ одно и тоже время всѣ плоды происходятъ; но по окончаніи одного, другой созрѣваетъ; подобнымъ образомъ не всѣ христіянскіе учители, и не всѣ языческіе философы въ одно и тоже время явились; но по смерти нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ, другіе на мѣсто ихъ вступили луччіе. Ибо всевышняя оная премудрость, которая все по правосудію своему мѣритъ, и по благости раздѣляетъ, не восхотѣла, чтобъ свѣтъ въ одно время людьми мудрыми, а въ другое токмо несмысленными невѣжами былъ обитаемъ: ниже благопристойно было, чтобъ однимъ всѣ плоды по жребію достались, а другимъ одни токмо листья остались.

Древнѣйшій Сатурновъ вѣкъ, который инако золотымъ называется, по истиннѣ, дорого цѣненъ отъ тѣхъ, кои оной видѣли; удивительными похвалами возвеличенъ отъ тѣхъ, кои оной описали; и горячнѣйше вожделѣнъ отъ тѣхъ, кои онымъ наслаждаться не удостоились. Не по тому однакожъ былъ золотой, что имѣлъ людей мудрыхъ, которые его аки бы озолотили; но понеже не имѣлъ людей беззаконныхъ, кои истребивши золото, какъ будто цѣну его уменьшили. Ибо повседневное искусство увѣряетъ, что отъ единаго человѣка или срамоты или благородства, всея фамиліи или слава или бесчестіе зависитъ. Оной вѣкъ золотымъ; а нашъ желѣзнымъ называется: которое именъ различіе произошло не оттуда, что или въ то время сыскано было золото, или нынѣ вырыто желѣзо; или что тѣхъ мудрыхъ людей, коими изобиловалъ Сатурновъ вѣкъ, настоящее время не

имѣетъ; но понеже нашъ вѣкъ беззаконными изобилуетъ.

Одну вещь я признаю за истинну, въ которой, уповаю, что многїе подтвердятъ мое мнѣнїе; сирѣчь, никогда не было больше въ свѣтѣ наставниковъ добродѣтели, и никогда не было меньшаго числа послѣдователей оныя. Фаворинъ философъ, А. Геллїя учитель и особливой другъ обыкновенно говаривалъ: *для того философы древнїе въ величайшемъ почтенїи находилися; понеже очень мало учителей, и премного учениковъ имѣлось.* Нынѣ же противное сему видимъ. Ибо желающихъ взойти на степень учительской, почти бесчисленно; снисходящихъ же со смиренїемъ на мѣсто учениковъ, весьма мало и рѣдко обрѣтается. Изъ самаго того почтенїя, какимъ процвѣтали древнїе философы, уважить можно, коль презрѣнны суть въ нашемъ вѣкѣ мудрые люди; изъ коихъ многимъ лутчеѣ было никогда не знать наукъ, ежели прїобрѣтаемой ими изъ оныхъ малой плодъ, и почерпаемое премногое поношенїе разсудимъ.

Сколь благопрїятно было видѣть въ Грецїи Омира, у Евреянъ Соломона, у Лакедемонянъ Ликурга, у Аргивцовъ Форонея, между Египтянами Прометея, между Римлянами Ливїя, у оныхъ же Латиновъ Цицерона, между Индїйцами Аполлонїя, и между Ассирїянами Секунда. О! Сколь счастливые философы, коимъ по благопрїятству судьбины случилось родиться въ тѣ времена, въ кои толикое множество было невѣжъ, и толикой мудрыхъ и ученыхъ людей недостатокъ имѣлся, что изъ разныхъ царствъ, изъ далечайшихъ странъ, и изъ иноземныхъ нацїй съѣжжались народы не токмо слушанїя ради

философской науки, но и для повиданія самихъ Философовъ! Св. Іеронимъ въ прологѣ на библію въ 1. главѣ говоритъ: *Въ то время, когда Римъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи находился, Ливій писалъ свои декады; однакожъ изъ послѣднихъ Ишпанскихъ и Галлаcкихъ предѣловъ пріѣхали повидать его нѣкоторые знаменитые вельможи; такъ что коихъ къ смотрѣнію своему великолѣпіе Рима и Капитоліи не привлекало, тѣхъ привлекла единаго человѣка слава и бесѣда.*

М. Аврелій къ другу Полліону сіи написалъ слова: *будь увѣренъ*, другъ мой, *что я Императоромъ устроенъ не за знатность моихъ прародителей, ни за благопріятство, которое я имѣлъ у настоящихъ. Ибо находились въ Римѣ какъ знаменитѣе родомъ, такъ и изобильнѣе богатствомъ. Но возлюбилъ меня Государь мой Адріанъ, и избралъ зятемъ себѣ тесть мой Антонинъ Императоръ, не иной ради причины, кромѣ точію усмотря, что я мудрыхъ людей любилъ, а неученыхъ и несмысленныхъ не навидѣлъ.* Счастливъ, по истиннѣ, былъ какъ Римъ въ избраніи толь мудраго Императора, такъ и Самъ Императоръ въ воспріятіи толь пространной и богатой Имперіи; не по тому что наслѣдство оныя получилъ онъ предковъ; но понеже толико любилъ ученія. Естьли же счастливъ былъ вѣкъ оной, который присудствіемъ его могъ наслаждаться; то не меньше счастливъ и нашъ вѣкъ, который ученіемъ его пользоваться можетъ.

Саллустій говоритъ: *славно есть, отправлять дѣла знаменитыя; но не меньше трудно, отправленныя дѣла такъ описывать, чтобы*

бы слова съ дѣлами уравнилися. Кто бы зналъ Великаго Александра, ежели бы о немъ не писалъ К. Курцій? Кто былъ Уликсъ, ежели бы не имѣлъ писателя Омира? Кто Алкивіадъ, ежели бы не выхвалялъ его Туцидидъ? Кто Киръ, ежели бы Ксенофонтъ въ книгахъ своихъ не сохранилъ дѣлъ его? Кто Пирръ, Епирскій Царь, ежели бы не имѣлъ историка Гермикла? Кто Сципіонъ Африканскій, ежелибъ остался безъ Ливіевыхъ Декадовъ? Кто Траянъ, ежели бы искреннимъ другомъ не былъ ему Плутархъ знаменитый? Кто Нерва и Антонинъ Пій, ежели бы памяти ихъ Діонъ Греческій не предалъ потомкамъ? Что бы мы о мужественныхъ дѣлахъ Іулія Цесаря, и что о похожденіяхъ Великаго Помпея знали, ежели бы Луканъ не возвеличилъ оныхъ? Кто бы вѣдалъ двенатцать Цесарей, ежели бы Светоній Транквиллъ не написалъ книги о Цесаряхъ? Какое имѣлибъ мы свѣдѣніе о древностяхъ Евреянъ, ежели бы Іосифъ найприлѣжнѣйшій писатель не соблюлъ оныхъ? Кто бы зналъ приходъ Лонгобардовъ въ Италію, ежели бы онаго не описалъ Павелъ Діаконъ? Что бы знали мы о пришествіи, успѣхахъ, и концѣ Готовъ въ Ишпаніи, ежели бы оныхъ не изъяснилъ тщаливой Родерикъ?

Изъ сего выше сказаннаго могутъ узнать читатели, сколько отъ нихъ долженствуется историкамъ, которые, кажется мнѣ, не меньше имени своего память писаніемъ, какъ и Государи оные славу свою знаменитостью отправленныхъ дѣлъ будущимъ вѣкамъ посвятили. Хотяже признаюсь искренно, что тѣ вещи, кои я или написалъ, или заимствовалъ, или сложилъ, очень мало заслуживаютъ, дабы меня въ числѣ пре-

превосходныхъ Философовъ поставили. Ибо, выключая священное писанїе, ничего и никогда толь рачительно и совершенно не написано, что бы разсматриванїя и поправленїя не требовало; однакожъ, признаваясь въ семъ, скажу между тѣмъ и другое нѣчто; сирѣчь, что какъ я самовольно отрекаюсь отъ всей славы, которою меня добродѣтельные люди за сїю книгу почтить желалибъ; такъ вопреки сыщутся, кои противъ воли моей оную охуждать будутъ. Ибо мы писатели повседневно въ писанїи претерпѣваемые труды въ малой цѣнѣ ставимъ, помышляя, что тысяча недоброхотовъ насъ ругать и порочить будутъ.

Многїе въ настоящемъ вѣкѣ суть толь развратнаго, или справедливѣе сказать, злобнаго нрава, что хотя между тѣмъ временемъ, какъ авторъ или прилѣжный переводчикъ въ трудахъ упражнялся, сами гуляли; въ то время, когда онъ бодрствовалъ, сами почивали; когда онъ постился, сами пировали; когда онъ разгибалъ и проходилъ книги, сами въ беззаконїяхъ время провождали: презря однакожъ сїе тѣ пустословы, прїемлютъ вольность разсматривать, критиковать и охуждать чужее сочиненїе; такъ, аки бы они преимуществомъ Платону у Грековъ, или витїйствомъ Цицерону между Римлянами были равны. Ежели кто въ Латинскомъ языкѣ весьма исправенъ, въ гражданскомъ весьма чистъ, въ исторїяхъ крайнѣ прилѣженъ, въ Греческомъ языкѣ преискусенъ, въ разсматриванїи и прохожденїи книгъ весьма рачителенъ будетъ; толь превосходному человѣку нетокмо дозволю поправлять мою книгу; но еще и домогаться стану, чтобъ сочиненїе мое исправить потщился. Ибо

смиренїе и добродѣтель любящему человѣку отъ мудраго быть исправляему, не есть укорительно.

Но вопрошаю: какое терпѣнїе снесть, и какое сердце умолчать можетъ? Что два, три, или четыре несмысленные вмѣстѣ пообѣдавъ или отъужинавъ, и съ лишкомъ до сыта напившись, берутъ книгу въ руки, изъ которыхъ одинъ называетъ ее черезъ чуръ пространною; другой говоритъ, что она съ матерїею не согласна; сей называетъ темною; тотъ говоритъ, что оная составлена грубою и крестьянскою рѣчью; иной признаетъ за сущую выдумку и ложь; сей бесполезною, тотъ весьма скучною, а другой и вредною нарицаетъ; такъ что въ самомъ лутчемъ случаѣ, и начертанное ученїе дѣлается подозрительнымъ, и авторъ не безъ порока и поношенїя остается. Но въ разсужденїи и качества тѣхъ, кои говорятъ, и мѣста, гдѣ говорятъ, сирѣчь, за столомъ, извинить ихъ можно: поелику они не по книгамъ, кои читали; но по блюдамъ, кои ѣли, и вину, которое пили, разсуждаютъ. *Ибо тотъ, что есть шутка, не разумѣетъ, который того, что гопорятъ за столомъ, не прїемлетъ въ шутку.*

Древнѣйшее зло есть въ свѣтѣ, что всѣ преизящныя сочиненїя Ѳеонинскимъ угризаютъ зубомъ; чего не токмо авторамъ ихъ, но и переводчикамъ опасаться должно. Ибо, да представимъ въ доказательство примѣры, Сократъ опороченъ отъ Платона, Платонъ отъ Аристотеля, Аристотель отъ Аверроя, Цецилїй отъ Сулпицїя, Лелїй отъ Варрона, Маринъ отъ Птоломея, Еннїй отъ Горацїя, Сенека отъ А. Геллїя, Ератосѳенъ отъ Страбона, Ѳессалъ отъ Галена, Ермагоръ отъ Цицерона, Цицеронъ отъ

Саллустїя,

Саллустія, Ориген отъ Іеронима, Іеронимъ отъ Руффина, Руффинъ отъ Доната, Донатъ отъ Проспера, Просперъ отъ Лупа. Ежелижъ толикихъ Героевъ, кои были светилами міра, писанія своихъ имели Момовъ; то ни мало не будетъ удивительно, что я оныхъ, по моему скудоумію, не избегну.

Но по всякой справедливости достойно приписать тому порокъ тщеславія и легкомыслія, который разумнаго человека книгу, съ особливымъ тщаніемъ и совершеннымъ разсужденіемъ отъ него начертанную, одиножды токмо прочетши, ни во что вменяетъ. Ежечасно хулятъ авторовъ и переводчиковъ, не те, кои книги составлять и переводить могутъ; но которые не токмо разуметь, но ниже читать временемъ умеютъ. Ибо оные, желая у простыхъ женъ и несмысленнаго народа возбудить о себе мненіе учености, принимаются въ присутствіи ихъ бесчестить и порочить чужее ученіе; дабы слушателямъ казалось, что они некоторымъ одарены знаніемъ. Истинно, я пріемлю въ судіи Бога, да судитъ, доброель или злое сердца моего было намереніе въ сочиненіи сея книги; и купно предъ стопами всехъ мудрыхъ и добродетельныхъ мужей сіе ученіе мое полагаю, прося, дабы покровительство и защищеніе онаго на себя воспріять благоволили. Ибо, при помощи Божіей, надеюсь, что ежели которые паче чаянія грубую мою речь охуждать осмелятся; другіе напротивъ того намереніе, которое я имелъ, сочтутъ за доброе.

Но да откровеннее изъясню мой предметъ; многіе были, кои о временахъ М. Аврелія писали. Ибо Иродіанъ писалъ мало, Евтропій меньше,

Лампридій и сего еще менѣе; не много же больше Іулій Капитолинъ. Сверхъ того вѣдать должно, что М. Аврелій учителями имѣлъ Іунія Рустика, Цинну Катула, и Секста Херонейскаго, внука великому Плутарху: кои три найпаче, яко очевидные свидѣтели, знатную часть житія и ученія его описали. Многіе воспомянувъ ученіе М. Аврелія, удивляются и вопрошаютъ: какимъ образомъ оно даже до сего времени скрывалось; такъ, будто бы я изъ собственной головы оное выдумалъ, и никакого М. Аврелія не было въ свѣтѣ.

Я не вижу, чего бы не осмѣлились говорить тѣ, кои изъ числа Императоровъ добродѣтельнѣйшаго М. Аврелія истреблять дерзаютъ; когда тѣмъ, кои хотя не много читали, довольно извѣстно, что онъ былъ супругъ Фавстины, отецъ Коммодовъ, братъ Аннія Веруса, зять Антонина Пія, и седмый надесять Императоръ Римскій. Чего ради, кои одному мнѣ изобрѣтеніе сего ученія приписуютъ, тѣмъ за слова; однакъ не за намѣреніе, съ какимъ говорятъ, приношу мою благодарность. Понеже, естьлибъ было сіе справедливо, что изъ моего мозгу толь многія и толь важныя разсужденія родились; безъ сомнѣнія, въ честь мою отъ древнихъ оныхъ Римлянъ поставленабъ была статуя.

Хотя мы въ нашемъ вѣкѣ видимъ то, чего никогда не видали; слышимъ, чего не слыхали; и на конецъ не одинъ сыскали новой свѣтъ; но напротивъ того изданію новой книги удивляемся! По истиннѣ, что я во описаніи Марка Аврелія рачителенъ, или въ переводѣ былъ прилѣженъ, для того отъ мудрыхъ людей похваляему, или отъ недоброхотовъ хулиму мнѣ быть, не есть справед-

справедливо. Ибо ежечасно случается, что на ловлѣ отъ рукъ самаго хуждшаго изъ всѣхъ, кои присутствуютъ, охотника звѣрь побѣждается.

Послѣдней, которую въ Ишпанїи Римляне завоевали, Кантабрїи былъ городъ Наварра, со стороны Лугрунской на высокомъ холмѣ лежащїй, гдѣ нынѣ имѣется село славное виноградными садами. Разорившїй его Августъ Цесарь написалъ о Кантабрской войнѣ десять книгъ, повѣтствуя во оныхъ многїя достопамятныя и къ чтенїю прїятнѣйшїя вещи, кои во время осады приключилися. Нынѣ же какъ М. Аврелїй изъ Флоренцїи ко мнѣ привезенъ, и такъ книга о Кантабрской войнѣ изъ Колонїи досталась въ мои руки. Естьлижъ бы паче чаянїя принялся я переводить сїю книгу, которую рѣдкїе видѣли; то тоже самое объ оной, что и о Маркѣ Аврелїи, сказалибъ. Ибо люди толь щедры въ словахъ, и скупы въ упражненїяхъ, что смѣло и безъ стыда говорить дерзаютъ, аки бы не имѣлось теперь въ свѣтѣ ни единой книги, которой бы они не видали или не читали сами.

Въ семъ человѣческомъ писанїи я тоже самое сдѣлалъ, что многїе учители обыкновенно дѣлаютъ въ Божественномъ, не слово словомъ изъясняя, но разсужденїя разсужденїями изображая. Ибо не нужно есть, чтобъ переводчики читателю слова счетомъ отдавали; но довольно и того, ежели мнѣнїе вѣрно отвѣшивать будутъ.

Началъ же я сїю книгу въ лѣто тысяча пятьсотъ осьмоенадесять, и даже до двадцать четвертаго года никто не свѣдалъ, какое было въ рукахъ моихъ упражненїе. Слѣдующаго лѣта, когда книга, которую я у себя въ тайномъ хранилъ мѣстѣ, разгласилася; то его Цесарское

Величество болѣзнуя четверодневною лихорадкою, препровожденія ради времени, и облегченія болѣзни, отъ меня ее потребовалъ. Тогда я поднесъ Цесарю М. Аврелія, хотя еще не оконченнаго и неисправленнаго; прилѣжно между тѣмъ прося, и за трудъ мой единственнаго награжденія желая, дабы Его Величество никому въ Царскихъ чертогахъ не дозволялъ переписывать книгу. Понеже, естьли бы между тѣмъ временемъ, какъ я продолжалъ трудъ мой, и не намѣревалъ ее въ томъ образѣ, какой она тогда имѣла, издать въ свѣтъ; между тѣмъ, говорю, естьли бы зделалось инако; то и Цесарскому достоинству не принеслобъ сїе надлежащей чести, и мое сочиненїе великому подверженобъ было предосужденїю.

Но однакожъ, по заслугамъ грѣховъ моихъ, книга воровски унесена, и доставшись во многїя рѹки, была списана; и какъ одни у другихъ (что обыкновенно дѣлается) оную похищали, руками слугъ переписывать стараясь; и день отъ дня больше умножалось въ ней погрѣшностей; а я одинъ точїю имѣлъ у себя подлинникъ, изъ котораго оныя поправить было можно; то, въ самой истиннѣ говорю, нѣкоторые люди принесли ко мнѣ для исправленїя Екземпляры; которые, ежели бы говорить могли, не меньшимибъ книжниковъ своихъ, какъ и я похитителей моихъ, жалобами обвинили. Но понеже погрѣшность отъ погрѣшности раждается; то между тѣмъ, какъ я книгу мою къ концу привожу и помышляю о изданїи; вышелъ М. Аврелїй въ Испалѣ изъ печати.

Здѣсь я между собою и типографщиками въ судьи избираю читателей, пусть скажутъ, спра-

ведливоль

ведливо ль и достойно ль было, чтоб книгу, Цесарскому Величеству посвященную, еще при жизни Автора, ни оконченную, ни исправленную кто либо печатать и издавать в народ осмелился? Сим однакож еще не удовольствовались; но опять книга в Лузитаніи, и немедленно по том в Аррагонских Царствах напечатана. И по елику первое изданіе весьма многими погрешностьми опорочено; то и второе и третье изданіе ни чем не были исправнее перьваго. Таким образом сиречь то, что к общей пишется пользе, всяк старается употребить к приватной корысти.

Приключилось с М. Авреліем и другое нечто, о чем я стыжусь говорить; больше однакож стыдиться бы должны те, кои то отважились сделать; сиречь, некоторые всей оной книги назвали себя авторами; а другіе в своих книгах часть ее, аки бы собственно от себя изобретенную начертали. Сіе явственно видимо есть в некоторой напечатанной книге, в которой автор положил речь крестьянина; в другой так же книге, изданной в печать, положил автор речь М. Аврелія к Фавстине, когда оная просила ключа от книгохранительной комнаты: кои воры поелику мне известны учинились, вероятно, что и другія некоторыя сочиненія из дому моего похитили.

И так, из сего откроется, что М. Авреліи не был исправлен; поелику мы ныне издаем его в свет, прилежно очистив от погрешностей. Из сего явственно будет, что книга к окончанію приведена не была, которая ныне во всем совершенная в свете издается. Из сего видимо будет, что премногаго в ней недоста-

доставало, пока прибавленія сдѣланы. На конецъ, изъ сего ясно всякъ усмотритъ, что я не имѣлъ главнаго намѣренія переводить М. Аврелія ; но аки вновь состроить ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ , дабы оными весь христіянскій народъ былъ управляемъ: которое ученіе поелику къ пользѣ многихъ служить долженствовало; то сей ради причины я многихъ мудрыхъ людей правила и писанія въ ней употребить разсудилъ заблаго.

Самагожъ состава образъ сей есть, что въ двухъ или трехъ главахъ моихъ нѣкоторое М. Аврелія письмо , или другое изъ какого либо древняго автора ученіе предлагаю. Чего ради пусть не обманывается читатель, сіе или другое приписуя автору. Ибо хотя нить рѣчи моя; все однакожъ, что ни говорится, есть чужое. И понеже историки и учители, коихъ я употребилъ, суть многіе; а ученіе, которое я писалъ , токмо единое; то не спорю, что нѣкоторыя бесполезныя и ненужныя вещи исключилъ, и на мѣсто ихъ другія гораздо пріятнѣйшія и полезнѣйшія поставилъ. Потребно же наиприлѣжнѣйшаго разсужденія , дабы то, что на одномъ языкѣ (такъ сказать) было пригарью , на другомъ казалось быть затопо.

Сіи же ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ раздѣляются на три книги; изъ которыхъ,

ВЪ ПЕРЬВОЙ предписывается чтобъ государь былъ истиннымъ христіяниномъ.

ВО ВТОРОЙ говорится , какимъ образомъ государь съ супругою и дѣтьми своими поступать:

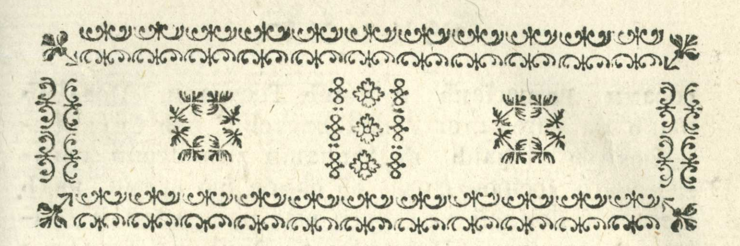
ВЪ ТРЕТЬЕЙ , какъ самимъ собою и обществомъ управлять долженъ.

Началъ

Началъ я еще и другую книгу, какимъ образомъ Государю по дворѣ и домѣ своемъ весть себя должно; но чрезвычайная наглость друговъ, просящихъ о изданіи сея книги, принудила перо оставить.

Въ прочемъ, поелику я весьма занятъ сочиненіемъ Цесарскихъ лѣтописей, отправленіемъ праздничныхъ дней, и во время четыредесятницы сказываніемъ въ придворной церьквѣ проповѣдей, сверьхъ того Цесарскому Величеству угодно показалось сдѣлать меня епископомъ, и вручить своея души попеченіе; очень сомнѣваюсь, будули имѣть нѣсколько свободнаго времени къ писанію. Сіе токмо единое обѣщаю, что доколѣ Спаситель мнѣ продолжитъ жизнь, не оставлю писать того, что моему государю и всему Ишпанскому обществу полезно будетъ.

О ЖИТІИ МАРКА АВРЕЛІЯ славнѣйшаго Императора, со вновь прибавленными ЧАСАМИ ГОСУДАРЕЙ КНИГА ПЕРЬВАЯ

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ

О родѣ и происхожденіи Императора Марка Аврелія.

Въ лѣто отъ созданія города шесть сотъ девятдесятъ пятое, и во сто шездесятъ третью Олимпіаду, по кончинѣ Антонина Пія (то есть, набожнаго), во время консульства Фульвія Катона и кн. Патрокла, М. Аврелій Антонинъ въ Капитоліи, октября четвертаго дня, по повелѣнію народа и по приговору Сената, объявленъ былъ Высочайшимъ всея римскія Монархіи Императоромъ. Сей знаменитѣйшій мужъ отечествомъ римлянинъ, родился въ шестой день мѣсяца Маія на горѣ Целійской. Дѣдъ его былъ Анній Верусъ (то есть, *справедливый*), коего римскимъ дворянствомъ пожаловали бывшіе цен-

сорами

сорами Веспасїанъ и Титъ Государи. Прадѣдъ такъ же назывался Аннїй Верусъ, изъ Суккубитанскихъ мѣщанъ въ Ишпанїи достигшїй сенаторскаго достоинства; въ самое то время, какъ Цесарь и Помпей междоусобныя производили брани, и премногїе Ишпанцы въ Римъ, а Римляне въ Ишпанїю для житья переселились. И такъ Императоръ сей прадѣда имѣлъ Римлянина, а прабабу Ишпанку. Отецъ такъ же, какъ прадѣдъ и дѣдъ его, назывался Аннїй Верусъ; почему и Марка Антонина историки не рѣдко Верусомъ именуютъ. По достоинству Адрїанъ Императоръ называлъ его Маркомъ Вериссимусомъ (то есть, справедливѣйшимъ); для того, что, кромѣ всегдашней истинны, никогда лжи въ немъ примѣчено не было. Iулїй Капитолинъ въ повѣствованїи своемъ доказываетъ, что фамилїя сего Аннїя Веруса простираясь въ глубину древности, ведетъ свое начало отъ крови Нумы Помпилїя и знаменитѣйшаго Римлянина М. Курцїя, который, когда посреди города сдѣлалась великая разсѣлина, бросился съ лошадью въ разверстую земную пропасть; дабы тѣмъ избавить отечество свое отъ видимой погибели, а себѣ прїобрѣсть безсмертную славу; отъ чего названо то мѣсто Лакусъ Курцїусъ (*или Курцїево озеро*).

Мать сего Императора была Домитїя Клавилла, какъ Цинна повѣствуетъ въ книгахъ, которыя издалъ онъ о фамилїяхъ Римскихъ. Родъ же Клавиллинъ былъ тогда въ великомъ почтенїи, яко заимствующїй начало свое отъ славнѣйшаго и счастливѣйшаго Римскаго полководца Камилла. Сей Камиллъ избавилъ Римъ отъ плѣненїя Галловъ, во осадѣ Капитолю державшихъ; чего ради въ память его, нисходящая линїя

мужескаго

мужескаго пола назывались Камиллами; а женской полъ тогожъ фамилїи именовался Клавиллы, для вѣчной памяти Камилловой дщери, которой имя было Клавилла. Сїя Клавилла, убѣгая супружества, посвятила себя въ общество Весталъскихъ дѣвъ, между которыми она долговременную и строгую жизнь провождала; и въ толикой чести у Римлянъ находилась, что гробъ ея до временъ Императора Севера, съ крайнимъ благоговѣнїемъ почитали, на которомъ слѣдующая учинена была надпись:

„ Подъ симъ камнемъ лежитъ Клавилла, „ единая Камиллова дщерь, которая лучше пожелала быть въ заключенїи между Весталь- „ скими дѣвами сорокъ шесть лѣтъ, нежели „ жить на волѣ, и выти въ супружество за „ великаго Тринакрїйскаго Царя. Сколь печально, „ что по смерти тѣло ее грызутъ черви, и снѣ- „ дають члены, которые чрезъ цѣлую жизнь „ чистотой сїяли!„

Сїя надпись Героическими стихами на Греческомъ языкѣ составлена была весьма изрядно.

Но дабы отъ исторїи намъ неудалиться, должно вѣдать, что у Римлянъ имѣлся законъ, писанной на двенатцати доскахъ слѣдующими словами: „ всѣ граждане особливымъ преимуще- „ ствомъ пользоваться должны, на самомъ томъ „ мѣстѣ, гдѣ предки ихъ Римскому народу ка- „ кое либо знатное оказали благодѣянїе „. Понеже неоспоримая справедливость требуетъ, чтобъ городъ воздавалъ честь гражданину на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ жизнь свою положилъ за отечество. По сему то праву, всѣ произшедшїе отъ колѣна Камиллова, всегда имѣли первенство въ оборонѣ Капитолїи; для того, что онъ

храбростью и тщаніемъ своимъ спасъ ее отъ осады Галловъ. Не безъизвѣстно, что храбрый полководецъ Камиллъ и другія такіяжъ, или и превосходнѣе сихъ дѣла произвелъ; но какъ онъ сію толь достойную вещь учинилъ посреди самихъ стѣнъ градскихъ, то оная предпочтена была другимъ его знатнымъ дѣйствамъ. И по истиннѣ не безъ справедливости сдѣлали сіе Римляне, вѣдая, что изъ всѣхъ геройскихъ добродѣтелей, та за превосходнѣйшую признавается, которая заключаетъ въ себѣ какую либо для общества услугу.

Римскіе историки безмѣрно жалуются, что перемѣна временъ, множество тиранновъ, и замѣшательства междоусобныхъ браней возпричинствовали упадокъ древней республикѣ Римской, и на мѣсто ее ввели новой и порочной родъ жизни. Но сему никто удивляться не долженъ, для того, что и во всѣхъ другихъ царствахъ и народахъ обыкновенно, при перемѣнѣ Государей, тотъ часъ въ подданныхъ страньные прозябаютъ пороки. Говоритъ однакожъ Полліонъ, что ни различныя перемѣны, произшедшія въ Республикѣ; ни частыя утѣсненія, какія претерпѣлъ Римъ; не могли у Камилловыхъ потомковъ отнять того преимущества, по которому оставалась во владѣніи ихъ Капитолія; кромѣ временъ Консульства Силлы, когда сія фамилія жесточайшее претерпѣла гоненіе, за одно только то, что Консула Марія стороны держалась. Но по смерти свирѣпаго Силлы, милосерднѣйшій Диктаторъ Іулій Цесарь, получа верьховное правительство, всѣхъ изгнанныхъ Римлянъ возвратилъ по прежнему въ городъ.

Что же касается до дѣда и родителей Марка Аврелія Императора, какое было ихъ состояніе,

нїе, и достоинство; убогиль, или богаты; вЪ почтенїиль, или презрѣнїи находились; не могли мы ни гдѣ отыскать извѣстїя, хотя и употребили на то все свое прилѣжанїе. Причиною сему не иное, какЪ токмо, что Римскїе историки умалчивали о житїи родителей ИмператорскихЪ; а тѣмЪ еще наипаче, понеже сыновья ихЪ больше помощїю собственныхЪ заслугЪ, нежели по наслѣдственному достоинству родителей, возводимы были на престолЪ монаршїй. Iулїй КапитолинЪ объявляетЪ, что МарковЪ отецЪ Аннїй ВерусЪ командовалЪ войскомЪ на островѣ РодусѣЪ, и другими пограничными управлялЪ мѣстами, во время добродѣтельнѣйшаго Траяна, премудраго Адрїана, и набожнаго Антонина ИмператоровЪ, кои только отмѣнною храбростью и разумомЪ одаренныхЪ мужей учреждали полководцами вЪ своемЪ войскѣ: понеже знаменитые и мудрые Государи обыкновенно выбираютЪ такихЪ полководцовЪ, чтобЪ воинскими дѣлами управляли разумно, и гдѣ позоветЪ надобность, сЪ непрїятелемЪ бились храбро.

Римляне, кромѣ постороннихЪ браней, безпрерывно содержали вЪ четырехЪ странахЪ свѣта крѣпчайшую оборону, какЪ то: вЪ Византїи, называемой нынѣ Константинополь, для отбиванїя ПарѳовЪ; вЪ городѣ ГадахЪ, который нынѣ зовутЪ КадиксЪ, для удержанїя ЛузитанцовЪ; при берегу рѣки Родана, именуемой вЪ нынѣшнее время РейнЪ, противЪ набѣговЪ ГерманскихЪ; и на островѣ КолоссайскомЪ, который слыветЪ теперь РодусомЪ, для покоренїя народовЪ варварскихЪ.

ВЪ мѣсяцѣ Янѣ, называемомЪ у ЛатинщиковЪ IануарїусЪ или Генварь, когда Государственные

чины Сенатомъ распредѣляемы были; то по учрежденіи Диктатора, полугодоваго магистрата, и двухъ годовыхъ консуловъ; немедлѣнно по томъ выбирали четырехъ мужей достойныхъ, для стражи тѣхъ четырехъ Имперскихъ границъ, наипаче опасностямъ подверженныхъ. И поелику Римляне ни адскихъ мученій не боялись, ни небесныя славы нечаяли; то все свое попеченіе въ томъ полагали, дабы возъимѣть случай ко оставленію по себѣ какой либо памяти; и тотъ за храбрѣйшаго и любезнѣйшаго Сенату гражданина былъ признаваемъ, которому самая трудная и опасная война поручалась. Ниже обогащенія ради гонялись они за чинами; но для того, чтобъ начальствуя у обороны границъ, искоренять непріятелей. Сколь же важна была тѣхъ четырехъ границъ стража, мы и изъ того узнать можемъ, что всякой храбрѣйшій Римлянинъ нѣкоторую часть своего юношества провождалъ въ защищеніи тѣхъ предѣловъ, пока его оттуда къ большей не отозвали должности. Ибо въ тѣ поры нельзя было хуждшаго ругательства сказать въ Римѣ, какъ естьли говаривали гражданину: *понъ, понъ поди! пить ты не въ военной службѣ воспитанъ!*

А дабы увѣрить о томъ изъ примѣровъ, должно вѣдать, что великій Помпей съ Византійцами, счастливый Сципіонъ съ Колоссайцами, мужественный Іулій Цесарь съ Гадитанцами, славный Марій съ обывательми рѣки Родана или Рейна зимовали; и сіи четыре мужи во время своего юношества на тѣхъ четырехъ границахъ не токмо воеводами были, но и учинили тамо толикія дѣла, что память ихъ чрезъ многіе вѣки въ тѣхъ мѣстахъ незабвенна пребывала.

Сіе

Сїе упомянулъ я на тотъ конецъ, дабы прїемля за основанїе, что М. Аврелїя отецъ Аннїй Верусъ состоялъ въ числѣ тѣхъ четырехъ пограничныхъ военачальниковъ, показать, что онъ былъ между Римлянами мужъ храброй и знатной. Понеже не безъизвѣстны слова Сципїоновы, которыя сказалъ онъ другу своему Масиниссѣ въ Африкѣ: „ нельзя статься, чтобъ Римской пол„ководецъ не одаренъ былъ мудростью или сча„стїемъ; когда Римскїя дѣти съ такимъ жре„бїемъ родятся. „

Ни одинъ изъ Классическихъ писателей не упоминаетъ въ своихъ книгахъ; гдѣ, когда, какъ, въ которыхъ земляхъ, и съ какими людьми сей Императоръ провелъ лѣта своего отрочества: чему причиною то, что Римскїе историки не имѣли обыкновенїя, описывать дѣла Государей прежде, нежели они сїе достоинство получили; кромѣ тѣхъ только юношъ, которые изъ младыхъ лѣтъ оказали изрядной образецъ врожденнаго имъ геройскаго духа. И по истиннѣ, кажется, дѣлали они сїе весьма справедливо. Ибо вящшей славы достоинъ тотъ, который чрезъ собственную свою мудрость престолъ получаетъ, нежели кто на оной по наслѣдству вступаетъ, толькобъ не было тиранскаго насилїя.

Светонїй Транквиллъ первой книги о Цесаряхъ въ 49 главѣ, весьма пространно описывая дѣла Iулїя Цесаря, повѣтствуетъ: коликимъ юношество его безславїемъ пылало, и сколь чужды были всѣ отъ того мнѣнїя, чтобъ достигъ онъ быть Императоромъ Римскимъ. О семъ пишутъ Историки съ тѣмъ намѣренїемъ, дабы примѣчали Государи, что Цесарь хотя и нашелъ

средство, овладѣть Монархїею; но удержать оную, не имѣлъ разума.

Нѣкоторый Философъ изъ Рима къ Фалариду Сицилїйскому тиранну послалъ письмо, вопрошая: „ для чего онъ толь долговременно тиранскую надъ тѣмъ островомъ власть продолжаетъ „? Которому Фаларидъ вкратцѣ чрезъ письможъ отвѣтствовалъ: „ ты называешъ меня „ тиранномъ за то, что я насилїемъ доспалъ сїе „ царство, и уже тритцать второй годъ обладаю онымъ; да я и самъ признаюсь, что въ „ завладѣнїи его былъ тиранномъ. Ибо всякъ „ похищающїй чужое, по достоинству заслуживаетъ имя тиранна. Однакъ тиранномъ меня „ называть, не признаю за справедливость; когда я уже тритцать второй годъ владѣю „ царствомъ. Ибо хотя я насильно и незаконно „ его похитилъ, но разумно и правосудно управлялъ онымъ. И такъ вѣдай, что похитить „ чужое удобно, но сохранить оное весьма „ трудно.

М. Аврелїй имѣлъ въ супружествѣ Фавстину дщерь Антоника набожнаго, шестагонадесять Римскаго Императора, которая, за неимѣнїемъ у отца мужеска пола дѣтей, была наслѣдницею Имперїи. И такъ М. Аврелїй акибы посредствомъ брака, и вмѣсто приданаго получилъ Императорское достоинство. Сїя Фавстина сколько была прекрасна лицемъ, столько напротивъ того не постоянна въ жизни. Съ нею прижилъ онъ двухъ сыновей, Коммода и Вериссимуса. Дважды торжествовалъ М. Аврелїй полученныя побѣды, первую надъ Пароами, вторую надъ морскими разбойниками и Аргонавтами. Онъ былъ мужъ весьма ученой и превосходнаго разума;

въ

вЪ Греческомъ и Латинскомъ матерьнемъ языкахъ чрезвычайно искусенъ; въ пищѣ и питiи крайнѣ воздерженъ. Многiя написалъ книги, наполненныя важнѣйшими и прiятнѣйшими витiйствами. Окончалъ жизнь въ Паннонiи, обратя оружiе свое къ покоренiю сего царства, которое нынѣ Унгарiя или Венгерское Королевство именуется: и не меньше смерть его оплакиваема, какъ и жизнь отъ всѣхъ граждан была вожделѣнна и любима; такъ, что для сохраненiя вѣчной его памяти, каждый Римлянинъ въ своемъ домѣ, поставили ему статуи: чего никогда не случилось никакому Императору, ни же самому Августу Цесарю, коего ни одинъ изъ Императоровъ Римлянамъ любезнѣе не былъ.

Правительствовалъ Имперiею осмнатцать лѣтъ съ похвальнѣйшимъ правосудiемъ. Преставился отъ рожденiя своего на шездесятъ третьемъ, то есть, подозрительномъ или степенномъ году, въ которомъ обыкновенно жизнь человѣческая крайнимъ опасностямъ подвержена бываетъ; по тому, что тогда се́мью девятой, и вопреки, девя́тью седмой годъ исполняется; о чемъ въ особливой главѣ толкуетъ А. Геллiй въ собранiи Аттических ночей книги 3 въ главѣ 10, и книги 15 въ главѣ седьмой.

По истиннѣ М. Аврелiй за святость житiя, превосходство ученiя, и доброе счастiе, былъ одинъ изъ славнѣйшихъ всея подсолнечныя Государей; ежели только супругу Фавстину и сына Каммода выключить. Напослѣдокъ, дабы увидѣть, какого состоянiя былъ М. Аврелiй отъ младенчества, заблаго разсудилось, ниже слѣдующее его письмо здѣсь представить.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Письмо М. Аврелїя Императора къ другу Поллїону, въ которомъ повѣствуетъ о теченїи своея жизни; упоминая между прочимъ, какой ценсору Римскому у Кампанскаго Гостинника случай послѣдовалъ.

Маркъ Аврелїй, единственный Императоръ Римскїй, Поллїону старому другу здравїя и благоденствїя желаетъ. Во храмѣ Вестальскихъ дѣвъ получилъ я твое письмо, гораздо давно отъ тебя посланное, а еще долговременнѣе мною ожиданное, въ которомъ обрѣтаю я сїе несходство, что ты кратко ко мнѣ пишучи, требуешъ отъ меня пространнаго отвѣта, каковъ самодержавнаго владѣтеля достоинству, а наипаче ежели онъ нѣсколько скромнѣе, ни мало не приличенъ. Ибо нѣтъ ни чего не пристойнѣе Государю, какъ непомѣрная тароватость въ словахъ, и чрезвычайная скупость въ щедротахъ ко своимъ Министрамъ.

Что пишешъ ты, ногой боленъ, и жестокая сдѣлалась на ней язва; сердечно соболѣзную о лишенїи того, чего и я тебѣ желаю, и самому тебѣ необходимо нужно, сирѣчь, нерушимости здравїя. Ибо всѣ горести въ житїи сносны бываютъ, ежели только человѣкъ при совершенномъ здоровьѣ остается. Что же увѣдомляешъ о прїѣздѣ твоемъ въ Родусъ, и просишъ отъ меня изъясненїя, какимъ образомъ я туда младолѣтной заѣхалъ, сколько времени препроводилъ тамъ въ наукахъ, и какое на послѣдокъ было теченїе моея жизни, пока возшелъ на степень Римскаго Императора; весьма требованїю твоему, а еще

больше

больше тому удивляюсь, поелику ты неразсуждаешь, что я безъ крайняго посрамленія на вопросъ твой не могу отвѣтствовать. Ибо ни кто въ юношествѣ не поступалъ ни когда толь благочинно, чтобъ не честняе ему было поправить, нежели пересказать свои дѣйства.

Отецъ мой Анній Верусъ, желая изъявить комнѣ родительскую любовь, когда не выросъ я еще изъ тринатцати лѣтъ, удалилъ меня отъ городскихъ шалостей, и отослалъ въ Родусъ учиться свободнымъ наукамъ, наградя больше книгами, нежели деньгами. Тамъ я толь удобно и счастливо успѣлъ въ наукахъ, что на двадцать шестомъ году отъ рожденія, въ Академіи естественную и нравоучительную Философію, а публично преподавалъ риторику; и ни что больше не поощряло меня, прилѣжать къ наукамъ, какъ недостатокъ въ деньгахъ. Ибо скудость многихъ благородныхъ юношъ заставляетъ любить добродѣтель; дабы помощію ея могли они получить то, что другіе достигаютъ чрезъ богатства.

Отсутствіе изъ города, по истиннѣ, дражайшій Полліонъ, было мнѣ прискорбно; а наипаче, когда увидѣлъ, что остался я одинъ на островѣ. Но какъ провелъ десять лѣтъ въ Родусѣ, преподавая ученіе Философіи; то казалось мнѣ, что я уже былъ природный тамошній житель; о чемъ я и нынѣ такогожъ мнѣнія, понеже во обращеніи наблюдалъ честность. Ибо извѣстнѣйшее есть правило, что посредствомъ добродѣтели и чужеземецъ гражданиномъ, а чрезъ пороки и гражданинъ въ собственномъ своемъ отечествѣ дѣлается чужеземцемъ.

Когда же отецъ мой, (о чемъ, уповаю, тебѣ не безъизвѣстно) Анній Верусъ, пятнатцать лѣтъ по Указу Государя моего Адріана и тестя набожнаго Антонина, достопамятныхъ Государей, бывшій воеводою противъ Варваровъ на той границѣ, препоручилъ меня въ неоставленіе старымъ своимъ пріятелямъ; то сіе такъ много мнѣ пособило, что я, забывъ городскія веселости, привыкъ къ скучной на островѣ жизни; въ чемъ я превеликую имѣлъ надобность. Ибо врожденная къ отечеству любовь, часто бываетъ вредна человѣку. Вѣдай же, что Родійскіе жители, люди весьма пріятные и благодарнѣйшіе за оказанную имъ услугу; какое свойство рѣдкіе обитатели острововъ имѣютъ. Ибо многіе изъ нихъ по большой части бываютъ лукавы, обманчивы и неблагодарны. Говорю я сіе для того, понеже отцовскіе пріятели во все время помогали мнѣ и деньгами и совѣтомъ; которыя двѣ вещи столь мнѣ были необходимы, что я не вѣдаю, былали мнѣ когда какая вещь ихъ нужняе. Ибо странному человѣку деньги противъ горестей, съ нищетою сопряженныхъ, суть лѣкарство противъ яду; а совѣты къ забвенію любезнаго отечества дѣйствуютъ такъ, какъ наводящее сонъ и нечувствіе питье Непенте.

Я желалъ въ Родусѣ преподавать Философію столько же лѣтъ, сколько родитель мой военную на томъ островѣ отправлялъ службу; но не могъ сего зделать, будучи отозванъ въ Римъ по указу Государя моего Адріана; которое повелѣніе о возвращеніи во отечество, ни мало мнѣ не было противно; хотя я, повышереченному, жилъ не инако, какъ тамошній уроженецъ. Ибо

въ

въ чужихъ земляхъ сколько ни наслаждай глаза зрѣнїемъ; сердце однакожъ ни когда удовольствоваться не можетъ. Вотъ тебѣ родїйская исторїя! теперь слѣдуетъ мнѣ изъяснить, какимъ образомъ сперьва на горѣ Целїйской, гдѣ отецъ мой имѣлъ свое жительство, въ Римѣ изъ младенчества я воспитанъ.

Римляне имѣли ненарушимой законъ, и заматерѣвшее изъ древности обыкновенїе; дабы всякой гражданинъ, пользующїйся вольностью римскою, сына по исполненїи ему десяти лѣтъ отъ роду, не пускалъ по улицамъ бѣгать и шататься. Ибо по тогдашнему римскому обычаю дѣти благородныхъ отцовъ, даже до втораго года кормились грудью; до четвертаго мягкими и нѣжными питались пищами; до шестаго читать; до осмаго писать; а на десятомъ году начальной грамматикѣ обучались. По прошествїи же десяти лѣтъ, надобно было мальчикамъ учиться по способности одному какому нибудь ремеслу, и приниматься или за свободныя науки, или за военную службу; дабы праздно по Риму не бродили.

Въ нѣкоторомъ законѣ, на двенатцати досках писанномъ, сїи изображены слова: „ всякой „ римской гражданинъ, внутри или внѣ стѣнъ „ градскихъ имѣющїй свой домъ, сына, которому „ миновало десять лѣтъ, долженъ держать въ „ строгости. Будеже паче чаянїя отрокъ, какое „ либо злодѣянїе учинитъ, по той причинѣ, что „ отецъ его или оставилъ шататься празднаго, „ или никакому не обучилъ ремеслу; то равнымъ образомъ отца и сына да накажутъ. „ Ибо ни отъ чего больше въ народѣ не умножаются пороки, какъ отъ безмѣрнаго нерадѣнїя родителей, и излишней вольности дѣтей. Кромѣ

мѣ того и другій нашъ законъ предписывалъ: „ какъ только отрокъ по прошествіи ему десяти лѣтъ отъ рожденія, учинитъ какое либо „ злодѣйство; то пускай отецъ или въ иномъ „ мѣстѣ его воспитываетъ, или дастъ по немъ „ достойныхъ порукъ, что онъ впредь спокоенъ „ будетъ. Ибо не праведно есть, чтобъ сынъ съ „ одной стороны веселилъ отца; а съ другой оскорблялъ народъ „. Понеже благосостояніе общества, отъ сохраненія миролюбивыхъ, и изверженія возмутительныхъ, зависитъ.

Скажу я тебѣ, любезный Полліонъ, нѣчто, чему ты, безъ сомнѣнія удивишся: въ то время, когда Римъ торжествовалъ побѣдами, и преизъящнаго ради благочинія, обладалъ вселенною, считалось Римскихъ гражданъ болѣе семи сотъ тысячь; и между ими, какъ изъ сего заключить можно, свыше ста тысячь малолѣтныхъ отроковъ находилось; то оные надзирателю благочинія нравовъ столь были всѣ послушны, и такъ даже и въ самомалѣйшихъ вещахъ изъучены, что Катона Утиценскаго сынъ, за разбитіе имъ глиняннаго кувшина у дѣвушки идущей за водою; а другой добродѣтельнѣйшаго Цинны за то только, что влѣзъ въ нѣкоторой садъ нарвать плодовъ, посланы въ заточеніе; хотя и обоимъ отъ роду пятнатцати лѣтъ не исполнилось. Ибо въ тѣ поры жесточае за здѣланныя не нарокомъ погрѣшности, нежели нынѣ за умышленныя злодѣйства, наказаніе чинили.

Цицеронъ нашъ въ книгѣ о законахъ говоритъ, что Римляне ни о чемъ усерднѣйшаго не прилагали попеченія, какъ о томъ, дабы отроки, юноши и старики не жили въ лѣности и безъ дѣла; и дотолѣ Римъ процвѣталъ славою, пока не

не дано въ немъ воли, шататься молодымъ людямъ праздно. Ибо ту только страну по справедливости благополучною назвать должно, гдѣ каждый собственнымъ своимъ трудомъ питается, и никто не пожираетъ чужаго пота.

Еще и за моего малолѣтства, любезный Полліонъ, хотя и нынѣ я не очень старъ, не вольно было ни кому въ Римѣ выходить въ публику, не имѣя при себѣ знака того художества или искусства, въ которомъ кто упражнялся, и получалъ свое пропитаніе: естьли же кто въ противномъ тому нашелся случаѣ, то не токмо мальчики, бѣгая за нимъ въ слѣдъ по улицамъ, какъ безумнаго провожали крикомъ; но сверьхъ того Ценсоръ не медлѣнно съ прочими на ряду тюремниками присуждалъ его къ публичнымъ работамъ. Ибо не меньше бесчестенъ былъ праздношатающїйся юноша въ Римѣ, какъ несмысленный Философъ въ Грецїи. Но дабы не почелъ ты сего за басни; вѣдай, что передъ Императоромъ носили зажженную восковую свѣчу; передъ Консуломъ военной бердышъ; жрецы имѣли на головахъ скуфейку по подобїю волосяной сѣточки; Сенаторы на плечѣ жемчужную раковину; Ценсоры вѣски; Трибуны булаву; Регулы скипетръ; Епископы сплетенные вѣнцы; Ораторы книгу; поединщики мечь; мастера золотаго дѣла плавильной горнокъ носили; то же дѣлали и прочїе ремесленники, кромѣ обрѣтавшихся за какими либо дѣлами чужестранцовъ, которые ходить должны были всѣ подъ однимъ знакомъ. Ибо ни кому изъ иностранныхъ одинакое съ благородными Римлянами платье и знаки имѣть въ Римѣ было не позволено.

Сколь

Сколь пріятно было въ то время, дражайшій Полліонъ, смотрѣть на доброй порядокъ и благоденствіе города! и сколь печально зрѣть нынѣшнее его злосчастіе и упадокъ! Кленусь милостію безсмертныхъ боговъ, и управляющимъ оружіе мое на брани Марсомъ, что который въ нынѣшнемъ вѣкѣ почитается за добронравнѣйшаго, едвали возможно сравнить его съ самымъ развращеннымъ тѣхъ временъ человѣкомъ. Ибо тогда не могъ бы ты изъ тысячи единаго во всемъ городѣ сыскать худаго человѣка; а теперь и въ двадцати тысячахъ чуть ли одного добродѣтельнаго во всей Италіи найдешъ. Истинно, не знаю; для чего такъ ко мнѣ не милостивы боги, и чего ради столько на меня свирѣпствуетъ фортуна, что я уже сорокъ лѣтъ ни чего болѣе не дѣлаю, токмо проливаю потоки слезъ, зря, что добродѣтельные умираютъ, и память ихъ скоро въ забвеніе приходитъ; на противъ того беззаконные живутъ, не прерывнымъ благоденствіемъ наслаждаясь. Понеже благородный духъ всѣ, какія на человѣческую жизнь упадаютъ, тягости терпѣливно снесть можетъ, кромѣ, ежели увидитъ, что добрый человѣкъ страждетъ, а нечестивый утѣшается благополучіемъ. Сего то сердцу ни стерпѣть, ни умолчать, ни какъ невозможно.

Въ доказательство сего хочу я тебѣ, любезный Полліонъ, написать нѣчто найденное мною въ Капитольскихъ архивахъ, которыя гласятъ о временахъ Марія и Силлы, по истиннѣ достойное примѣчанія, а именно: въ Римѣ, даже отъ временъ Цинны, имѣлся обычай и законъ не нарушимый, назначенному отъ Сената Ценсору всѣ мѣста той провинціи, которая ему изъ всѣхъ

странѣ Италіи по жребію досталась, проѣжжая осматривать: которое испытаніе троякой конецъ имѣло. *Первой*, чтобъ узнать, нѣтъ ли отъ кого жалобъ на неправосудіе; *второй*, чтобъ вывѣдать, въ какомъ состояніи находилось общество; *третїй*, чтобъ повсягодно требовать отъ народа присяги въ вѣрности Римлянамъ. Что мнится тебѣ, любезный Полліонъ? Ежелибъ теперь такъ Италію, какъ въ древнія времена Римъ, пересмотрели; коликія нашлись бы тмы злодѣйствъ; когда уже разрушилась республика, исчезло наблюденіе правды, и паче всего Римскимъ законамъ никакого не отдаютъ послушанія? да и не безъ причины: Ибо по достоинству теряетъ свою власть городъ, который будучи прежде царствомъ добродѣтелей, превращается на послѣдокъ въ гнусное скопище беззаконій.

Когда же по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ Силланскихъ и Маріанскихъ браней, годовой Ценсоръ пріѣхалъ въ Кампанской городъ Нолу, для обыкновеннаго посѣщенія той страны, и за чрезвычайнымъ въ лѣтнее время тамо солнечнымъ жаромъ, ни кто невыходилъ на площадь; то сказалъ онъ Гостиннику, у котораго въ домѣ слѣзъ съ лошади: „ другъ мой! я Ценсоръ, посланной отъ Римскаго Сената посѣтить сію „ страну; чего для поди скоряе, и немедлѣнно „ позови ко мнѣ сюда всѣхъ добрыхъ здѣшнихъ „ людѣй, которымъ я имѣю нѣчто объявить „ именемъ высокаго Сената. „ Гостинникъ будучи разумнѣе, хотя и убоже Ценсора Римскаго, пошедъ на кладьбище, гдѣ погребены мертвые, кричалъ громкимъ голосомъ: „ слушайте, доб„ рые мужи! подите со мной, зоветъ васъ Рим-

„ скій

„ скій Ценсоръ. „ Ценсоръ видя, что никто не идетъ, приказалъ Гостиннику вторично звать ихъ. Гостинникъ возвратясь опять ко гробамъ, кричалъ на мертвыхъ: „ ступайте добрые лю-„ ди, зоветъ васъ Римскій Ценсоръ! „ такимъ образомъ и въ третій разъ тѣмижъ словами звалъ ихъ. Но какъ за вторымъ и третьимъ позывомъ нешолъ никто; то скучась и разсерчавъ Ценсоръ, говорилъ Гостиннику: „ когда доб-„ рые люди по моему приказанію ко мнѣ не хо-„ тятъ явиться, то я самъ къ нимъ пойду; и „ такъ ступай со мною, и мнѣ ихъ покажи. Ибо „ тотъ жестокое заслуживаетъ истязаніе, кто „ сенатскому повелѣнію ослушенъ. „

Бѣдненькой Гостинникъ повелъ Ценсора за руку ко гробамъ, къ коимъ ходилъ прежде, и пришедши опять звалъ мертвыхъ громкимъ голосомъ, говоря: „ вотъ добрые люди! пришелъ „ къ вамъ Римскій Ценсоръ, желающій бесѣдо-„ вать съ вами. „ Ценсоръ вознегодовавъ, и распалясь яростію, *что ты это затѣваешъ*, сказалъ Гостиннику, *я приказывалъ тебѣ звать живыхъ, а ты зовешъ мертвыхъ?* Которому Гостинникъ отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ: „ не дивно тебѣ покажется сіе, что я „ учинилъ, естьли ты разуменъ, о Ценсоръ Рим-„ скій! вить всѣ добрые здѣшней страны люди „ уже давно померли, и почитаютъ въ сихъ гро-„ бахъ; и не тебѣ должно на отвѣтъ мой гнѣ-„ ваться, но ты пуще меня оскорбилъ своимъ „ требованіемъ, взыскивая добрыхъ людей, а то-„ го неразсуждая, что ни гдѣ столько злыхъ, „ какъ здѣсь, не найдешъ. Я тебя увѣдомляю, „ буде самъ ты паче чаянія не знаешъ, что, „ естьли желаешъ бесѣдовать съ добрымъ чело-

„ вѣкомъ;

„ вѣкомъ, несыщешъ его ни гдѣ и въ цѣломъ
„ свѣтѣ; и не обходимо надобно, чтобъ или
„ изъ мертвыхъ его воскресили, или вновь соз-
„ дали боги.

„ Силла консулъ, вашъ повелитель, въ семъ
„ Кампанскомъ городѣ Нолѣ продолжалъ сѣвъ
„ свой чрезъ пять мѣсяцовъ, плоды котораго вы
„ изъ рукъ его собрали въ Римѣ: какъ то, его
„ свирѣпство причиною, что осиротѣли чада
„ отъ родителей, внуки отъ дѣдовъ, дщери
„ отъ матерей; овдовѣли мужья отъ женъ, и
„ жёны отъ мужей; лишились дяди племянни-
„ ковъ, ищущїе покровительства заступниковъ,
„ вельможи слугъ, боги храмовъ, храмы жрецовъ;
„ го́ры обнажились отъ пасствы стадъ; поля
„ пусты стали плодами; и всего вреднѣе, пря-
„ клятой тотъ человѣкъ истребивъ сея страны
„ добрыхъ людей, пороками и злодѣями вмѣсто
„ того оную наполнилъ. По истиннѣ, ни одно
„ паденїе никогда не сокрушило толь жестоко
„ стѣнъ градскихъ; ни какая гусеница не изгри-
„ зала такъ дѣрева; ни одна моль не изъѣдала
„ такъ одежды; ни одинъ червь непопортилъ
„ такъ плодовъ; ни одна сарана не ощечила такъ
„ класовъ какъ Силла человѣкоубїйствомъ сво-
„ имъ раззорилъ Кампанїю.

„ Но сколь ни великой вредъ причинилъ онъ
„ здѣшнему народу, бесконечно однакожъ жесто-
„ чае повредилъ нравы. Ибо добродѣтельные отъ
„ него умерщвлены, и уже почиваютъ съ мер-
„ твыми; а оставленныя имъ беззаконїя, живыхъ
„ нынѣ во гробъ насъ вселяютъ. Теперь въ сей
„ странѣ одни только гордые и неукротимые,
„ кои господствовать желаютъ; завистливые,
„ кои ничему болѣе не научилися, кромѣ еди-

„ наго недоброхотства; злобные, кои ничего „ болѣе не знают, кромѣ охуждать и злословить; праздные, кои только сластолюбствовать умѣют; прожоры, кои родились токмо „ къ поглощенію хлѣба; воры, кои ни о чем не „ помышляют, кромѣ татьбы; клеветники и „ возмутители, кои кромѣ лжи, ничего незнают. Сих, ежели ты и римляне ваши полагаете въ числѣ добрых людей; то подожди не много, я тебѣ созову всѣх. Здѣсь злодѣев столько, что естьли бы их колоть, и „ вмѣсто говяжьяго или другаго какого нибудь мяса продавать на вѣс въ лавках; то не „ токмо всѣм сосѣдям нашим довольно было „ бы корму, но и цѣлая Италія моглаб насыщаться со избытком. Так то, о цензор „ римскій, у нас въ Кампаніи не называют „ иных добрыми, кромѣ миролюбивых, трезвых, разумных, терпѣливых, честных, „ мудрых, добродѣтельных; и на конец, не „ слывут добрыми, кромѣ тѣх, кои от злодѣйства удаляясь, въ добрых токмо дѣлах „ упражняются.

„ Не без пролитія слез говорю, что ежели надобно нам искать таковых; нигдѣ болѣе найти не возможно, развѣ въ сих токмо „ гробах. Ибо праведный суд Божій опредѣлил, чтоб тѣ въ земных нѣдрах покоились, коих сожитіем общество наслаждаться было недостойно. Ты пришел посѣтить такую землю, гдѣ негодные люди тот „ час начнут пред тобой ласкаться, и для „ прикрытія своих пороков усердно тебѣ прислуживать будут: но повѣрь мнѣ, что буде „ желаешь спастись от погибели; надежнѣе и

„ безопаснѣе

„ безопаснѣе ввѣрить себя изгнившимъ симъ ко-
„ стямъ, нежели на злоковарныя тѣхъ людей
„ сердца положиться. Ибо полезнѣе суть при-
„ мѣры мертвыхъ, кои жили добродѣтельно;
„ нежели совѣты живыхъ, но развращенныхъ„.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

М. Аврелій Императоръ въ заключеніи письма пространно изъясняетъ, какимъ обучался знаніямъ, и какихъ учителей слушалъ; полагая при концѣ достопамятныхъ пять вещей, о которыхъ Римляне особливое имѣли попеченіе и старательство.

Говорилъ я о семъ тебѣ, любезный Полліонъ, для того; дабы ты вѣдалъ, коль много злодѣевъ въ свѣтѣ, и коль мало и недостаточно добрыхъ людей въ Италіи; которой вредности единственная есть причина та, что отцы о воспитаніи дѣтей своихъ не прилагаютъ толикаго попеченія, коликое о томъ предки во свое время имѣли. Ибо статься не возможно, чтобъ отрокъ, въ строгомъ ученіи хорошо воспитанный, былъ злонравенъ. Въ семъ то дѣлѣ отецъ мой Анній Верусъ столько заслужилъ похвалы, сколько я достоинъ порицанія. Ибо съ начала отроческихъ лѣтъ моихъ, никогда не далъ мнѣ почивать на постелѣ, сидѣть на стулѣ, и кушать съ собою за однимъ столомъ; такъ что я не токмо голову ободрить, или поднять къ верху, но и воззрѣть на него не имѣлъ дерзновенія. Поелику онъ ежечасто увѣщевалъ меня сими словами: „ я лучше желаю,
„ сынъ мой, чтобъ ты былъ честнымъ Римляниномъ, нежели злонравнымъ философомъ„.

Что же просишь отъ меня изъясненія, сколько я имѣлъ учителей, и какимъ знаніямъ въ малолѣтствѣ учился; вѣдай, что многіе и преискусные были у меня учители, хотя я и не весьма достойнымъ ученикомъ сдѣлался. Премногимъ такожъ обучался я наукамъ, хотя мало теперь ихъ знаю, не по причинѣ самовольнаго забвенія; но поелику государственныя дѣла какъ будто насиліемъ у меня владѣніе ихъ отняли. Ибо природа такъ устроила, что знаніе, ежели духъ не свободенъ отъ попеченій, твердо въ умѣ пребывать не можетъ. Грамматикѣ обучалъ меня Евферіонъ, родомъ, какъ сказываютъ, Ишпанецъ, мужъ по истиннѣ украшенный сѣдиною, скромнѣйшій въ словахъ, строжайшій въ ученіи, и добродѣтельнѣйшій въ жизни. Ибо, по Римскому закону, дѣтскимъ учителямъ надлежало быть довольныхъ лѣтъ; такъ чтобъ, ежели ученику совершался десятой годъ, учитель свыше пятидесяти лѣтъ имѣлъ отъ рожденія. Краснорѣчію и правамъ долговременно обучался я у Александра Грека, Ликаонскаго уроженца, толь превосходнаго Оратора, что ежелибъ одаренъ былъ такою склонностію въ писаніи, какую имѣлъ пріятность въ краснорѣчіи; не меньше бы прославился онъ между Греками, какъ Цицеронъ между Римлянами. Когда же сей учитель мой окончилъ жизнь свою въ Неаполѣ; то поѣхалъ я въ Родусъ, и вступилъ въ слушаніе риторики у Герода, Аттика, Фронтона и Полліона, мужей къ Ораторскому краснорѣчію рожденныхъ, которые наипаче въ комедіяхъ, трагедіяхъ и забавныхъ рѣчахъ крайнюю пріятность и удачу имѣли.

Естественную философїю во перьвыхЪ слушалЪ я у Коммода Халкидонскаго, старика многолѣтнаго, который былЪ вЪ великомЪ почтенїи и милости у Адрїана. ОнЪ перевелЪ изЪ Греческаго на Латинской языкЪ Омира. А по кончинѣ его слушанїе продолжалЪ у Секста Херонейскаго, племянника великому Плутарху, бывшему Траяновым учителемЪ. Сего Секста Херонейскаго спозналЪ я еще вЪ тритцать пятомЪ году отЪ рожденія, который вЪ то время толикое имѣлЪ почтенїе, что не знаю, былЪ ли когда столько славенЪ другой философЪ во всей Имперїи Римской. ОнЪ и теперь находится при мнѣ; и хотя ему отЪ роду восемдесятЪ лѣтЪ, пишетЪ однакожЪ исторїю и временЪ моихЪ приключенїя.

Кромѣ того, любезный ПоллїонЪ, еще два года учился я правамЪ, и испытавЪ законы всѣхЪ народовЪ, позналЪ между тѣмЪ многїя древности. Сему знанїю обучалЪ меня Л. Волузїй МецїанЪ, человѣкЪ вЪ толкованїи законовЪ преискусный, а еще гораздо большїй знатокЪ вЪ нарушенїи оныхЪ; такЪ, что когда спросилЪ меня нѣкоторымЪ временемЪ вЪ шутку: „ скажи мнѣ, „ МаркЪ, какЪ тебѣ мнится; есть ли хотя „ одинЪ законЪ вЪ свѣтѣ, котораго бЪ я не зналЪ?„ НапротивЪ того я ему отвѣтствовалЪ: „ скажите вы мнѣ, господинЪ учитель, есть ли вЪ „ свѣтѣ хотя одинЪ законЪ, которой бы вы „ наблюдали и исполняли?„

Пятаго года по прїѣздѣ моемЪ вЪ РодусЪ, произшедЪ жестокое моровое повѣтрїе, рассыпало нашу школу. И какЪ жилЪ я вЪ маленькомЪ и тѣсномЪ уголку, гдѣ было нѣсколько и живописцовЪ, кои вЪ Палестинское царство писали многоцѣнную картину; то учился сЪ прилѣжа-

нїемъ рисовать и писать у мастера Дїогнета, славнаго тѣхъ времень живописца. Сей въ Римѣ на нѣкоторой картинѣ написалъ шесть Императоровъ добродѣтельныхъ, и на другой столько же мучительныхъ. Изъ числа злонравныхъ Неронъ такъ существенно изображенъ былъ, что смотрящимъ на него живой казался. Оная картина, на которой Неронъ толь искусно былъ написанъ, сожжена по повелѣнїю Сената, для того, что толь беззаконной жизни человѣкъ не достоинъ былъ такой изрядной живописи. Сказываютъ, лице его толь живо и сурово было изображено, что зрителей устрашало; и есть ли тамъ на малое время кто оставался, надобно было опасаться, чтобъ онъ, какъ живой, говорить не началъ.

Не много времени учился я и Магїи (то есть волшебной хитрости), и всѣмъ родамъ гаданїй или вражбитства, не имѣвъ въ семъ искусствѣ особаго учителя, кромѣ что чаще ходилъ слушать Аполлонїя.

Послѣ того, какъ получилъ въ супружество Фавстину; принялся за обученїе козмографїи въ Аргируптѣ столичномъ Иллирическомъ городѣ, употребя на то учителей Іунїя Рустика и Цинну Катула, историковъ и совѣтниковъ Государя моего Адрїана и тестя Антонина. А дабы не оставить безъ испытанїя, что только постигнуть можетъ человѣческая слабость; то во время пребыванїя моего въ Дацїи съ войскомъ, приложилъ старанїе къ музыкѣ, по тому что имѣлъ къ ней природную склонность. Оной обучалъ меня Геминъ комедїантъ, который изъ всѣхъ, сколько ни видалъ я въ Римской Имперїи, проворнѣе дѣйствовалъ руками на музыкальныхъ инстру-

инструментахъ, и въ пѣніи наиприятнѣйшимъ одаренъ былъ голосомъ.

Вотъ тебѣ похожденіе моея жизни, и употребленное мною время на обученіе знаніямъ и искусствамъ! И по истиннѣ человѣку, который въ толикихъ наукахъ упражнялся, надлежало быть весьма трудолюбивымъ и прилѣжнымъ. Однакъ клятвенно тебѣ признаюсь, что я не углублялся столько въ ученій, чтобъ каждаго дня не прогуливалъ знатную часть времени. Ибо юность толь не обузданна, и плоть толь роскошна, что хотя и чрезвычайными трудами; утомляется; на увеселеніе однакожъ свое нѣсколько времени всегда употребляетъ.

Въ прочемъ, древніе Римляне, хотя во многихъ дѣлахъ были нщасливы, не усыпнѣе однакожъ хранили пять установленій, въ наблюденіи которыхъ не дремалъ Сенатъ, не помогали преступникамъ ни чьи прозьбы и ходатайства, и ни одинъ старой или новой законъ не изключалъ ни кого отъ тѣхъ учрежденій: которое раченіе, воистинну, похвалы достойно. Ибо Государи, обладающіе пространными царствами и землями, должны обращать свой взоръ и мысли туда, откуда государству вреднѣйшихъ и пагубнѣйшихъ чаютъ слѣдствій.

Изъ тѣхъ пяти установленій, „ПЕРЬВОЕ, „ недозволяло быть въ Римѣ непостояннымъ жре„ цамъ. „ Ибо, гдѣ священной санъ живетъ беззаконно, явное есть доказательство, что боги народу той страны не милостивы.

„ ВТОРОЕ, запрещало быть въ Риме развра„ щеннымъ Вестальскимъ дѣвамъ. „ Ибо дѣвица, самохотно предъ всѣмъ народомъ добродѣтельное житіе обѣщавшая, какъ публично, такъ

и привашно хранишь въ жизни чистошу своего дѣвства, повсякой справедливости обязана.

„ ТРЕТЬЕ, недозволяло бышь въ римѣ не„ правосуднымъ Ценсарамъ. „ Ибо ни чшо шакъ не разоряешъ общества, какъ ежели судья въ правосудіи не наблюдаешъ ко всѣмъ надлежащаго равновѣсія.

„ ЧЕТВЕРТОЕ, предостерегали, дабы полко„ водцы, оправляющіеся въ военной походъ, „ не были робки и нерадивы. „ Ибо нѣшъ ничего обществу вреднѣе, и для человѣка срамнѣе, какъ ежели ввѣряешся войско шакому предводишелю, кошорый повелѣвашь на войнѣ первенство себѣ присвояешъ; но когда дѣло дошло до сраженія, ослабѣвъ даешъ непріяшелю мѣсто.

„ ПЯТОЕ, римляне не допускали учишелямъ „ бышь злонравнымъ. „ Ибо нѣшъ ничего безобразнѣе и соблазнишельнѣе, какъ учишелемъ отрочества бышь ученику пороковъ.

Какъ шебѣ мнишся, любезный Полліонъ? Недумаешъ ли, чшо и въ шѣ поры, когда все сіе римляне наблюдали, столько же, какъ нынѣ, юношество было злонравно? Не считаешъ ли шы нынѣшній римъ за шошъ, кошорый имѣлся въ древности, и въ золошомъ ономъ вѣкѣ, когда были премногочестные сшарики, добронравнѣйшіе юноши, войска наистрожайше хранили свою дисциплину, Ценсоры и Сенашоры крайнѣ наблюдали правосудіе? Нѣшъ! Кленусь милостію Боговъ, и честію моею! римъ сей уже не шошъ есть, и древняго ни какихъ слѣдовъ, ни единыя красошы, и ни малѣйшаго подобія не имѣешъ. И естьли бы кшо нынѣшній римъ ушверждалъ за древній, шошо конечно вовсе не знаешъ рима. Ибо по кончинѣ древнихъ добродѣшельныхъ римлянъ,

Боги

Боги насъ и селенія ихъ не достойными быть судили. И такъ, или Римъ сей уже не тотъ есть, или мы не природные Римляне. Понеже, зря славныя дѣла и добродѣтели древнихъ, великое привлекли бы мы на нихъ безчестіе; естьли бы назвали себя потомками оныхъ.

Говорилъ я тебѣ сіе, любезный Полліонъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы ты усмотря, каково состояніе наше было прежнихъ временъ, и въ какомъ находимся нынѣ, вѣдалъ, что настоящее съ прешедшимъ ни почему сравниться не можетъ. Ибо великія вещи долгаго времени и особливаго труда ко устроенію и приращенію своему требуютъ; но и онѣ самомалѣйшей причины во мгновеніи ока разрушаются и упадаютъ.

Пространнѣе, нежели намѣренъ былъ, я пишу, и за упражненіями, о которыхъ мною говорено, переставалъ писать три или четыре раза: но когда къ твоему письму приложить, что излишнее въ моемъ, то со обоихъ сторонъ настоящая будетъ письма мѣра. И ежели я краткости твоего письма тебѣ въ вину не ставлю; то и ты извини меня въ моемъ многорѣчіи. А поелику видѣлъ я давно еще въ Алексанріи, что ты искалъ рога единорожцева; то посылаю тебѣ онаго большой отломокъ, и при томъ изрядную, по моему мнѣнію, лошадь. Буде дочь твоя Друзилла, съ которою я часто шучивалъ, здравствуетъ; то дай мнѣ знать, дабы я могъ пособить тебѣ въ выдачѣ ея замужъ. Сожительницѣ, свекровѣ и дочери твоей отъ меня и отъ Фавстины поклонъ засвидѣтельствуй; съ которыми тебя, любезный Полліонъ, въ сохраненіе боговъ препоручаю. Прости! „ На горѣ Целійской Маркъ Им„ператоръ Римскій писалъ собственною рукою. „

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О преизящеcтвѣ Христіанскаго благочестія, заключающаго въ себѣ познаніе истиннаго Бога, и о суевѣріи древнихъ народовъ, кои толикое число боговъ имѣли; такожъ, что въ древнія времена непріятели, возобновляя между собою миръ, приводили боговъ въ Капища для взаимныхъ объятій.

Единое слово, единородный сынъ Бога отца, бесконечный царь царей, древнѣйшій паче всѣхъ вѣковъ, владыка вѣчности, начало, отъ котораго всякое начало, первенецъ Божій, и создатель всего вещества, въ непостижимомъ беспредѣльныя премудрости своея совѣтѣ положилъ, всю Христіанскаго благочестія связь на толь твердомъ основаніи устроить, чтобъ ее ни мучительскія гоненія поколебать, ни лже Христіянскія наводненія разрушить, ни бурные Еретическіе вѣтры испровергнуть не могли. Ибо удобнѣе Небу и землѣ погибнуть, нежели благочестію Христіанскому и на одинъ день истреблену быть на свѣтѣ.

На противъ того языческіе боги, которые суть только однѣ человѣческія выдумки, поелику основаніемъ пагубныхъ ихъ соборищъ былъ зыблемый пѣсокъ, рыхлая и песчаная земля, утопательное болото, и беспутная дорога; бѣднѣйшіе и несчастнѣйшіе отъ части на подобіе опрокинутаго корабля пожерты пучиной, а отъ части какъ храмины источенныя червями изъ основанія упадши сокрушились; на последокъ всѣ они, понеже именемъ точію были Боги, въ вѣчномъ погребены забвеніи,

и память ихъ въ конецъ погибла. Ибо то только вѣчно быть можетъ, что въ Богѣ, чрезъ Бога, и отъ Бога имѣетъ свое начало.

Издревле превеликое множество въ свѣтѣ имѣлось различныхъ народовъ, каковы были: Сиріане, Ассирійцы, Персіане, Мидяне, Македоняне, Греки, Скиѳы, Аргивцы, Коринѳяне, Халдеяне, Индѣйцы, Аѳиняне, Лакедемоняне, Пинцы, Вандальцы, Шведы, Аланы, Унны, Германцы, Британцы, Евреане, Палестинцы, Галлы, Иверцы, Лидійцы, Мавританцы, Лузитанцы, Готы, и Ишпанцы; и коликое во всѣхъ сихъ особо обрѣталось различіе народовъ, толикая почитаемыхъ ими Боговъ, и употребляемыхъ въ богослуженіи обрядовъ имѣлась разность. Ибо язычники сего суевѣрія держались, что въ разсужденіи толикаго множества созданныхъ вещей, думали, аки бы одинъ Богъ создать ихъ довольнаго не имѣлъ могущества. По истиннѣ, дерзновенно скажу предъ всѣми мудрецами, и не оспорятъ всѣ, сколько прежде было, или еще и нынѣ есть, нечестивыхъ идолопоклонниковъ, что безконечно вящшее множество имѣлось у нихъ боговъ, которыхъ они отъ безумнаго суевѣрія вымыслили и почитали, нежели покоренныхъ и обладанныхъ ими царствъ и провинцій. Ибо до толикаго дошли сумозбродства наипаче древніе стихотворцы, что не усумнились въ сочиненіяхъ своихъ утверждать; яко бы одной каковой либо страны Боги смертельными другой провинціи непріятельми были; такъ что будто Троянскіе Боги жесточае враждовали на Грецію, нежели самые Греческіе Князья недоброхотствовали на Трою.

Кто могъ безъ огорченія видѣть, что Ассиріане боготворили Вила; Египтяне Апія; Халдеяне

яне Изида; Вавилоняне пожирающаго Дракона или змѣя; Фараониты злапаго истукана; Палестинцы Веелзевула; Римляне Юпитера; Пинцы Марса; Коринѳяне Аполлона; Аравляне Астарота; Аргивяне обожали солнце; Ахейцы Луну; Сидоняне Веелфегора; Аммониты Ваала; Индійцы Бахуса; Лакедемоняне поклонялися Огигу; Македоняне Меркурію; Ефесіане почитали Діанну; Греки Юнону; Армяне Либера; Трояне Весту; Лапинцы Феврума; Тарентинцы Цереру; Родійцы Яна, какъ о томъ повѣствуетъ Аполлоній Ѳіанейскій: Но то еще большаго удивленія достойно, что часто между собою ссоры и войну вчинали, не столько о владѣніи царствъ, сколько показанія ради, чьи Боги были лучше и сильняе; вѣруя, что гдѣ Боги были слабѣе, тамъ необходимо надлежало быть и народу бѣдному, беззащитному и несчастливому.

Полліонъ во второй книгѣ о опустошеніи Восточныхъ царствъ повѣствуетъ, что прежде всѣхъ провинція Палестинская взбунтовалась противъ Елія Адріана пятагонадесять Римскаго Императора, для укрощенія которой посланъ былъ отъ него Іулій Северъ, мужъ храброй и въ побѣдахъ весьма счастливой. Ибо въ добрыхъ полководцахъ не одно точію мужество сердецъ, но и счастливой во оружіи успѣхъ требуется. И такъ подъ его предводительствомъ не токмо покорена Іудеа, но и учинены въ той странѣ толикія убивства и разоренія, что разбито и раскопано пятдесятъ крѣпчайшихъ замковъ; истреблено до подошвы и сожжено огнемъ девять сотъ осмдесятъ пять знаменитыхъ и преславныхъ селъ; людей на выласкахъ и сраженіяхъ побито, и смертію казнено болѣе пятидесяти тысячь.

тысячь. Ибо гордой и свирѣпой полководецъ не вмѣняетъ себѣ за славу, ежели кровїю человѣческою земля не обагрится. Кромѣ того по городамъ, во осадѣ бывшимъ, отъ глада и мороваго повѣтрїя бесчисленное множество бѣдныхъ, и старыхъ, отроковъ и женъ погибло. Понеже въ долговременныхъ войнахъ токмо нѣкоторое число людей упадаетъ отъ меча непрїятельскаго: а повѣтрїе, измѣна, и голодъ всѣмъ равно пагубу наноситъ.

По окончанїи войны Іудейской, не медлѣнно другая гораздо той жесточае, между Аланами и Армянами востала. Ибо трудовъ и бѣдствїй, какїя въ случаѣ толикихъ смятенїй терпятъ области и царства, начало многїе; а спасительныя средства и конецъ рѣдкїе видятъ. Причиною сей войны было то, что когда оба сїи народы сѣхались на Олимпїйскїя игры, произшелъ между ими споръ; у кого изъ нихъ были лучшїе Боги? И какъ одни въ томъ стояли, а другїе крѣпко оспоривали; то по окончанїи игръ и возвращенїи во отечество, толикая загорѣлась между ими война, что подъ видомъ защищенїя чести Боговъ своихъ, чуть было и память сихъ государствъ неистребилась. Ибо, естьли не много прилѣжнѣе испытываемъ; то находимъ, что самыя маловажныя причины бывали началомъ достопамятнѣйшихъ браней.

Въ прочемъ Императоръ Елїй Адрїанъ, того же Іулїя Севера, о коемъ выше сказано, послалъ примирить Алановъ и Армянъ, съ такимъ повелѣнїемъ, чтобъ, ежели не успокоятся, принудилъ ихъ къ тому оружїемъ. Ибо мятежники по достоинству заслуживаютъ себѣ лишенїе жизни. Но Іулїй Северъ такъ поступилъ разумно, что

что прежде, нежели дошло дѣло до сраженія и битвы, уговорилъ ихъ помириться: которая вещь не меньше была пріятна Императору, какъ и полезна государству. Ибо полководецъ, покоряющій провинцію миромъ, не меньшей достоинъ славы, какъ и тотъ, который одолѣваетъ ее силою оружія. Въ поставленныхъ мирныхъ договорахъ включено было и то, чтобъ Алане Армянскихъ, и взаимно Армяне Аланскихъ боговъ приняли: и когда примиренной народъ дружески въ собраніи обниматься будетъ, равнымъ образамъ и боги, оставившіе вражду, въ капищахъ другъ друга во объятія взимали. Толикое было суевѣріе древнихъ! Толь плачевная слѣпота смертныхъ, діявольскимъ лукавствомъ помраченныхъ, что какъ нынѣ Божественная премудрость удобно созидаетъ истиннаго человѣка, такъ легко въ тѣ поры суевѣрнѣйшій человѣкъ изобрѣталъ божество ложное. Ибо Спартанцы такого были мнѣнія, что человѣческой родъ неменьше имѣетъ силъ находить боговъ, какъ и самые боги созидать человѣковъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О житіи и почтеніи Бруксилловомъ, какое онъ имѣлъ между древними, и притомъ рѣчь, говоренная имъ передъ смертію къ Римлянамъ; такожъ о двухъ стахъ осмидесяти тысячахъ боговъ, данныхъ отъ него Римлянамъ.

Фаразманъ въ двадесятой книгѣ о вольности боговъ, упоминаемыхъ Цицерономъ въ книгѣ о природѣ боговъ, повѣствуетъ, что въ то время, какъ Галлы плѣнили Римъ, и держали во оса-

дѣ

дѣ Капитолію, пришелъ съ ними философъ, именемъ Бруксиллъ, и по изгнаніи изъ Италіи Галловъ, жилъ у Камилла въ Римѣ: и поелику Римляне не имѣли тогда у себя философовъ, то содержанъ былъ онъ въ великой у всѣхъ чести; такъ что изъ иноземныхъ первому ему за жизни въ Сенатѣ поставлена была статуя. Ибо Римляне гражданамъ и за жизни; но чужестранцамъ не прежде, какъ по смерти ихъ, статуи полагать обычай имѣли.

Сего Бруксилла, который жилъ сто тритцать лѣтъ, и изъ оныхъ шездесятъ пять въ самомъ городѣ Римѣ имѣлъ свое пребываніе, кромѣ другихъ въ жизни достопамятныхъ его дѣлъ, слѣдующія семь были.

„ ПЕРЬВОЕ, чрезъ шездесятъ лѣтъ ни одинъ „ Римлянинъ не видалъ, чтобъ выходилъ онъ „ когда за ворота городскія „. Ибо въ древнія времена мало почитали тѣхъ философовъ, кои отмѣнною сія мудростію, не любили жить во уединеніи.

„ ВТОРОЕ, что чрезъ толико же лѣтъ ни „ кто не слышалъ отъ него ни единаго празд- „ наго слова „. Ибо не умѣреннымъ болтаніемъ люди много теряютъ своего почтенія.

„ ТРЕТЬЕ, во все то время никогда не при- „ мѣчено, чтобъ хотя одинъ часъ провелъ праз- „ дно „. Ибо погрѣшность мудраго ни какая за столь важную не почитается, какъ ежели напрасно потерялъ онъ одну минуту времени.

„ ЧЕТВЕРТОЕ, во все то время ни какой ви- „ ны за нимъ ни когда не присмотрено „: и воистинну не посредственное есть сіе преимущество. Ибо рѣдко сыщешъ такихъ долголѣтныхъ, чтобъ въ каковомъ либо порокѣ не были примѣчены.

„ ПЯТОЕ,

„ ПЯТОЕ, во все то время не подалъ ни единому человѣку причины на себя досадовать „ или жаловаться „. Сіе не меньше похвально, какъ и выше сказанное. Ибо чудомъ естества можно назвать того человѣка, который такъ поступалъ въ своей жизни, что ни кого ни чемъ не оскорьбилъ и не опечалилъ.

„ ШЕСТОЕ, временемъ по три и по четыре „ года проживалъ безвыходно въ капищахъ; чѣмъ „ доказалъ онъ святость и чистоту своея жи„ зни „. Ибо не довольно для добродѣтельнаго человѣка, жить беспорочно; но сверьхъ того и отъ сообщенія развратныхъ людей убѣгать ему должно.

„ СЕДМОЕ, что чаще съ богами, нежели съ „ человѣками бесѣдовалъ „.

А какъ приближался онъ уже къ смерти, и весь Сенатъ пришелъ къ нему посѣщенія ради и отданія благодарности за толь долговременное, и толь похвальное и благопріятное съ ними его сожитіе, дабы тѣмъ показать, коль печально всему городу лишеніе и кончина толико знаменитаго мужа; то сей добродѣтельнѣйшій философъ въ присудствіи всѣхъ, слѣдующимъ образомъ отвѣтствовалъ Сенату.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рѣчь помянутаго Философа, говоренная имъ къ Римскому Сенату при самомъ почти издыханіи, въ которой показываетъ, что онъ городу двѣсти восемдесятъ тысячь боговъ оставляетъ.

Понеже, высокопочтенные господа Сенаторы, вы мужи мудрые; то, по моему мнѣнію, кажется не

не прилично вамъ тужить о моей смерти, которую я пріемлю радостнымъ сердцемъ. Ибо не смерть, но беззаконно проведенную жизнь оплакивать намъ должно. И тотъ весьма глупъ, который единственно для того боится смерти, что чрезъ нее лишится утѣхъ сея жизни. Ибо смерти не для того страшиться должно, что отъимаетъ жизнь; но поелику лютая смерть, есть не иное что либо, какъ палачь беззаконной жизни.

Я, господа Сенаторы, умираю съ веселіемъ; *во первыхъ*, понеже ни единаго въ семъ городѣ не оскорбилъ человѣка; безъ сомнѣнія будучи увѣренъ, что тому, который въ жизни своей неучинилъ ни кому зла, боги по смерти его зла учинить не имѣютъ.

Во вторыхъ умираю съ веселіемъ, видя; коль печально Римлянамъ мое съ ними разлученіе. Ибо нѣтъ ни кого безсчастнѣе, какъ тотъ, для чьей жизни всѣ проливаютъ слёзы, и чьею смертію премногіе утѣшаются.

Кромѣ того, умираю съ веселіемъ, воспоминая, что чрезъ всѣ шездесятъ лѣтъ, прожитыхъ мною въ Римѣ, всегда старался я быть полезнымъ обществу. Ибо праведные боги мнѣ открыли, что ни какая смерть не опасна, кромѣ той, которую бесплодная жизнь предварила.

Напослѣдокъ, умираю съ веселіемъ, не столько ободряясь благодѣяніями, оказанными мною человѣкамъ, сколько тѣмъ служеніемъ, которое я богамъ отдалъ. Ибо естьли вникнемъ въ нашу жизнь, и посмотримъ, въ какихъ бесплодныхъ дѣлахъ оную иждиваемъ; то по справедливости сказать можемъ, что жили мы въ то

только время, которое на божественную употребили службу.

Но оставя касающееся до меня, скажу теперь вамъ, господа Сенаторы, нѣкоторую тайну, относящуюся до общества вашего: Праотецъ нашъ Ромулъ основалъ Римъ; Нума соорудилъ капитолїю; Анкъ Марцїй укрѣпилъ городъ стѣнами; Брутъ избавилъ отъ тиранновъ; славнѣйшїй Камиллъ выгналъ изъ онаго Галловъ; и Квинтїй Цинциннатъ распространилъ оной покоренными и присоединенными къ нему царствами; а я оставляю городъ изобилующїй богами, кои лутче защитятъ его, нежели каковыя либо стѣны или воинства. Ибо, по истиннѣ, единаго Бога покровительствующая десница, превосходитъ силы всѣхъ человѣковъ. Во время моего пришествїя въ Римъ, не малой былъ стыдъ видѣть городъ, толь богами нищїй, когда было въ немъ точїю пять, сирѣчь: Юпитеръ, Марсъ, Янъ, Верекинѳїя и Веста; но нынѣ видимъ мы уже тому противное, естьли каждой собственнаго Бога покровителя имѣетъ. Ибо весьма не справедливо, зрѣть сокровищницы наполненныя златомъ, а храмы на противъ того видѣть пустые и неукрашенные богами.

Поелику нынѣ считается гражданъ двѣсти восемдесятъ тысячь; то будьте не сомнѣнно увѣрены, что толикоежъ число и боговъ я оставляю; и тѣмижъ самими богами васъ, Римляне, заклинаю, и прошу, чтобъ всякъ довольствуясь домашнимъ своимъ богомъ, не присвоялъ себѣ боговъ всеобщихъ. Ибо тотъ предъ богами виновенъ, и предъ человѣками бываетъ ненавистенъ, который то, что многимъ общее, привагно въ свою собственность привлекаетъ. И буде

де вы желаете не заблудить ни мало въ богопочитаніи; то сіе правило хранить должны, сирѣчь: призывайте мать Верекинѳію на умилостивленіе прогнѣванныхъ боговъ; Весту ко отвращенію злой судьбины; Юпитеру препоручите правленіе республики, и признавайте его обладателемъ надъ всѣми небесными и земными богами; который естьли бы не укрощалъ на небесахъ гнѣва и ярости боговъ, давно бы уже истребилась на земли и память рода человѣческаго.

Что же касается до прочихъ боговъ, которыхъ оставляю вамъ, каждому особаго; всякъ въ домѣ своемъ имѣть и пользоваться ими можетъ. Однакъ крѣпко, о Римляне, содержите въ памяти, чтобъ въ случаѣ какой либо неудачи или несчастія, не отважился кто хулить и бесчестить домашняго бога. Понеже боги мнѣ открыли, что чрезъ мѣру довольно и одного умалчиванія ими своей обиды непочитающимъ ихъ; хотя самовольныхъ оскорбителей своихъ безъ наказанія и неоставляютъ. Ниже льстите себя тѣмъ обманомъ, аки бы домашные боги не сильны; но вѣдайте, что нѣтъ ни единаго бога толь слабаго, который бы не имѣлъ довольно силъ ко отмщенію своея обиды.

Достойно теперь, о Римляне, всѣмъ провождать жизнь свою въ веселіи, и твердое о безопасности имѣть упованіе, вѣруя несомнѣнно, что нельзя вамъ отъ непріятелей своихъ быть побѣжденнымъ; когда уже не вы у сосѣдей, но сосѣди у васъ боговъ въ заемъ просить будутъ.

Напослѣдокъ вамъ, потому что уже болѣе со мной неувидитесь, объявляю имѣющую быть сего дня мою кончину. И понеже я умираю; то

кажется мнѣ, что съ нынѣшняго дня начинаю жить. Ибо отхожу къ богамъ, которыхъ вамъ оставляю; и паки оставляю вамъ тѣхъ же самихъ боговъ, къ которымъ преселяюсь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Язычники вѣрили, что одинъ Богъ не имѣлъ довольно силъ защитить ихъ отъ непріятелей; чего ради Римляне противо нападенія Готскаго требовали въ заемъ боговъ чрезъ разосланныхъ во всю Имперію посланниковъ.

Въ лѣто отъ созданія города тысяча сто шездесятъ четвертое, который годъ, по нашему изчисленію, былъ четыреста вторый по воплощеніи Христовомъ, какъ о томъ Павелъ Орозій истории отъ начала свѣта въ книгѣ седьмой, и Павелъ Діаконъ въ книгѣ второйнадесять исторіи римской, повѣствуютъ; Готы, именуемые отъ Спарціана Геты, а отъ другихъ Гетули или Массагеты, будучи выгнаны отъ Унновъ изъ старыхъ жилищъ, пришли въ Италію искать новыхъ мѣстъ для своего поселенія. Въ то время былъ Императоромъ римскимъ Валенцій, не имѣвшій мужества въ военныхъ дѣлахъ и злонравный; потому что Аріанской держался ереси.

У Готовъ вмѣсто королей обладали два знаменитые мужи, Радагайзъ и Аларикъ; изъ коихъ первой Радагайзъ былъ идолопоклонникъ, звѣрскаго сѣрдца, и имѣлъ въ повелѣніи своемъ войска гораздо болѣе двухъ сотъ тысячь Готовъ; которые согласились съ нимъ, всѣми силами стараться пролить кровь римскую до послѣдней капли, и оную богамъ своимъ принесть въ жертву.

живу. Ибо варварскіе народы по избіеніи непріятелей, обыкновенно помазывали боговъ своихъ кровію человѣческою въ капищахъ.

Какъ разнесся слухъ о пришествіи жесточайшаго непріятеля, устремившагося не точію разорить городъ Римъ, но и въ конецъ истребить Римское имя, такъ, чтобъ ни когда уже болѣе и памяти его на свѣтѣ не имѣлось; то напалъ на всю Италію страхъ и трепетъ, и всѣ, сколько нибыло, храбрые и мужественные кавалеры единодушно опредѣлили собраться въ Римъ, и жизнь свою положить за вольность. Ибо по обыкновенію Римскому необходимо должно было всякому при вступленіи своемъ въ число кавалеровъ, подъ присягою обѣщать клятвенно три вещи: *перьвое*, что онъ во всю жизнь свою ни въ чемъ болѣе, кромѣ военной службы, упражняться не будетъ. *Второе*, что ни для убожества своего, ни обогащенія ради, ниже для другихъ причинъ, ни у кого, кромѣ получаемаго имъ отъ отечества своего Рима, награжденія взимать не станетъ. *Третье и послѣднее*, что лутче будетъ желать, умереть свободнымъ, нежели жить плѣннымъ.

Когда же всѣ Римскіе кавалеры, жившіе въ разсѣяніи по всей Италіи, съѣхались въ Римъ; то приговорили отправить посланниковъ не токмо къ подданнымъ, но и ко всѣмъ союзнымъ народамъ съ грамотами слѣдующаго содержанія.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Грамота, къ подданнымъ всея Имперіи и къ союзникамъ отъ Сената посланная.

Сенатъ и народъ Римскій, вѣрнымъ подданнымъ, и любезнѣйшимъ союзникамъ, здравія и побѣды надъ врагами отъ безсмертныхъ боговъ желаетъ.

„ Перемѣна временъ, нерадѣніе ваше, и судьбины нашея противный рокъ, довели насъ до „ того, что Римъ, который съ начала своего „ иностранныя покорялъ и управлялъ царства, „ нынѣ разорить, покорить и истребить устремляются пришельцы; такъ, что варвары, какихъ мы имѣли у себя невольниками, сговорились на насъ возложить иго рабства. Хотя „ же сей варварской народъ, какъ видимо есть, „ восталъ противо общей нашей матери Рима, „ и съ Королемъ своимъ торжественною утвердился клятвою, всю кровь Римскую принесть „ въ жертву богамъ своимъ; однако уповать „ можно, что фортуна, воззря на нашу невинность „ и ихъ напрасное неистовство, опредѣлитъ „ тому противное. Понеже всеобщее гласитъ „ правило, что Государю, который безъ законныхъ „ причинъ всчавъ войну, свирѣпо и пышно ее „ производитъ, нельзя одержать побѣду.

„ Хотя же требованія ихъ не справедливы, и „ самая невинность наша насъ оправдаетъ, однако „ по многомъ и прилѣжномъ разсужденіи ни чего „ болѣе дѣлать не осталось, какъ только признали мы за необходимо нужное, противиться симъ „ варварамъ. Ибо и праведно пріобрѣтенное, ча-

„ сто

„ сто чрезъ нерадѣніе теряется. И дабы воспре-
„ пятствовать непріятелю въ его намѣреніяхъ,
„ и отвратить худыя слѣдствія; Сенатъ опре-
„ дѣлилъ чинить ниже слѣдующее, ко исполне-
„ нію котораго требуетъ отъ васъ искренняго
„ усердія и помощи.

„ *Во первыхъ, повелѣно*: съ крайнимъ прилѣ-
„ жаніемъ и скоростью починить рвы, ворота и
„ стѣны городскія, и всѣ военныя орудія: На
„ что, такожъ и на другія военныя надобности
„ потребны деньги. Ибо извѣстно вамъ, что
„ имѣя недостатокъ въ деньгахъ, воевать съ
„ успѣхомъ противъ многочисленнаго непріятеля
„ ни когда не можно.

„ *Во вторыхъ заблагоразсуждено*, чтобъ
„ всѣ присяжные къ военной службѣ собрались
„ въ Римъ для обороны; чего ради сколько ни
„ сыщется у васъ не свыше пятидесяти, и не
„ менѣе двадцати лѣтъ, всѣхъ имѣете къ намъ
„ выслать. Ибо къ произведенію войны съ поль-
„ зою, не меньше потребны старики, для пода-
„ ванія совѣтовъ; какъ и храбрые юноши испол-
„ ненія ради повелѣннаго.

„ *Сверьхъ того опредѣлили*, запастись въ
„ городѣ покрайнѣй мѣрѣ на два года провіан-
„ томъ; чего для васъ просимъ, прислать къ
„ намъ вина десятую, мяса пятую, и хлѣба
„ третью долю. Ибо хотя мы посвятили себя
„ жизнію жертвовать за цѣлость отечества;
„ однако не во осадѣ непріятельской отъ глада
„ и жажды, аки боязливые, умереть; но въ про-
„ странныхъ поляхъ, яко храбрые Римляне, тво-
„ ря брань, главы наши положить желаемъ.

„ *На послѣдокъ*, поелику стремятся разо-
„ рить насъ незнаемые варвары, *заблаго усмо-*

„ *трено*, противо ихъ пригласить на помощь въ „ Римъ чужихъ боговъ. Ибо извѣстно вамъ, что „ еще отъ временъ великаго Константина мы „ такъ оставлены и скудны богами, что, кро- „ мѣ Христїанскаго Бога, не имѣемъ у себя ни „ единаго. Чего ради прилѣжно васъ просимъ, „ въ сей видимой опасности не отречься прїити „ на помощь къ намъ съ богами вашими. Ибо мы „ не вѣдаемъ, есть ли какой Богъ столь сильной, „ чтобъ одинъ могъ защитить весь народъ Рим- „ ской.

И такъ когда укрѣпимъ стѣны града, вве- „ демъ во оной юношество къ войнѣ способное, „ наполнимъ домы припасами, обогатимъ казну „ деньгами, расположимъ въ надлежащихъ мѣс- „ тахъ военныя орудїя, и паче всего храмы „ исполнимъ богами; то съ помощїю ихъ не со- „ мнѣнно уповаемъ одержать надъ непрїятелемъ „ побѣду. Ибо побѣды всегда надѣяться можно, „ ежели только съ человѣками, а не съ богами „ брань творится; и нѣтъ никакихъ людей „ столь сильныхъ, которыхъ бы не могли одо- „ лѣть такїе же, какъ и сами они, человѣки. „ Простите!

Римляне такимъ образомъ разославъ грамоты во всѣ предѣлы Имперїи, и не ожидая отвѣта, всенародно уже имя Христово ругали, и поставя паки во храмахъ идолы, по обыкновенїю языческому имъ покланялися; всего же беззаконнѣе, говорили явно, что Риму не приключалось ни когда поношенїя отъ тиранновъ, кромѣ точїю съ того времени, какъ начали они быть Христїянами; и ежели боги не возвратятся по прежнему въ городъ, то Римъ въ безопасности и спокойствїи пребывать ни когда не можетъ.

Понеже

понеже съ бесчестїемъ изгнанные боги, мстятъ за обиду свою наведенїемъ сихъ варваровъ.

Но промыслъ Божїй, который не попускаетъ злобѣ человѣческой распространять на всякомъ мѣстѣ свои силы, прежде обновленїя городскихъ стѣнъ, полученїя чрезъ посланниковъ отвѣта, и введенїя въ Римъ чуждыхъ боговъ; Готскаго Короля Радагайза, безъ пролитїя Христїанской крови, устрашилъ и принудилъ съ двумя стами и пятью десятьми тысячами варварскаго народа бѣжать на Фезуланскїя горы: гдѣ не токмо все воинство его отъ глада, жажды и одожденїя летящихъ съ небесъ камней погибло, такъ, что ни одинъ человѣкъ не спасся; но и самъ Король съ сыновьями своими плѣненъ, отведенъ въ Римъ, и тамо казненъ смертїю. Симъ то чудомъ предвѣчная оная премудрость научала Римлянъ, что Христосъ есть истинный Богъ Христїанскїй, и къ защищенїю рабовъ своихъ, не требуетъ помощи отъ боговъ чуждыхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О Богѣ истинномъ и тщетѣ ложныхъ боговъ; и коликими въ ветхомъ завѣтѣ чудными дѣлами Богъ показалъ свое могущество.

О глубочайшее невѣжество! О неслыханное упрямство! О неиспытанныя судьбы Божїя! Язычники сїи имѣя Бога истиннаго, искали ложныхъ и вымышленныхъ боговъ! Имѣя собственнаго Бога, чужихъ въ заемъ просили! Имѣя Бога справедливаго, взыскивали лживыхъ и обманчивыхъ! На послѣдокъ, край безумїя, думали, что Богъ, который создалъ все вещество, для оборо-

ны единаго токмо Рима, требуетъ отъ другихъ боговъ вспоможенія! Пускай же выйдутъ нынѣ съ одной стороны всѣ боги на позорище, а я съ другой стану съ единымъ истиннымъ Богомъ, и всѣ дѣла ложныхъ боговъ сравнимъ хотя съ самомалѣйшимъ истиннаго нашего Бога дѣломъ; то ложь и тщета силъ ихъ весьма ясно откроется, и наша истинна возсіяетъ. Ибо глаголющій о Богѣ языкъ не можетъ потнуться на ложь; но велерѣчащія о идолахъ уста ни единой истинны проглаголать не возмогутъ.

Естьли мнится быть велико, что Богъ создалъ міръ своимъ могуществомъ; то не за меньшее почитать должно, что оной и сохраняетъ и управляетъ премудростію своею: ибо многія вещи въ минуту и скоропостижно совершаются, къ сохраненію которыхъ долгаго времени и чрезвычайнаго труда надобно.

Вопрошаю васъ, скажите мнѣ, который языческій богъ сдѣлалъ то, что сотворилъ Богъ нашъ? то есть, чтобъ въ одномъ ковчегѣ смирно и согласно между собою обращались, левъ съ барсомъ, волкъ съ агнцемъ, медвѣдь съ юницею, песъ съ кошкою, лисица съ курицею, собаки съ заицами, такожъ и прочія животныя, которыя гораздо лютѣйшимъ, нежели человѣкъ съ человѣкомъ, раздѣлены между собою не согласіемъ. Ибо между человѣками недоброхотства раждаются отъ зависти; а въ звѣряхъ оное отъ природы бываетъ.

Паки вопрошаю: чье, кромѣ истиннаго Бога, толикое было могущество, что въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ часъ и минуту, мужей, женъ, и всѣхъ животныхъ умертвилъ, погрузилъ и истребилъ: такъ, что сколько ни было во

вселенной,

вселенной, выключая осмь человѣкъ, всѣ потопомъ погибли? Которая пагуба на человѣческой родъ за тяжчайшіе грѣхи правосудіемъ Божіимъ наведена была по достоинству. Понеже Богъ ни когда не воздвигаетъ чрезвычайныхъ наказаній до толѣ, доколѣ многими и величайшими беззаконіями не раздраженъ будетъ.

Естьлижъ сіе ставится за велико; то кольми паче за вящшее почесть должно, что Богъ хотя и явилъ въ наказаніи строгость правосудія; но скоро по томъ въ заглажденіи сего недостатка показалъ свое могущество и милосердіе, сирѣчь: когда отъ толь малаго числа оныхъ осми человѣкъ умножился человѣческой родъ, и многія и пространнѣйшія обитателями населены царства? Что весьма достойно удивленія. Ибо, какъ Аристотель въ 7 Топик. говоритъ, великія вещи весьма удобно разрушаются; которыя возставить по прежнему весьма трудно.

Вопрошаю паки: Который изъ языческихъ боговъ могъ сдѣлать то, что Богъ Израильскій въ древнѣйшемъ и богатѣйшемъ Египетскомъ сотворилъ царствѣ? то есть: какъ ни восхотѣлъ, и когда ни показалось угодно волѣ его, превращалъ воды въ кровь, заражалъ мяса червями, сгущалъ воздухъ, оживлялъ песьи мухи, изсушалъ моря, избивалъ первенцовъ, помрачалъ солнце, и чудная сотворилъ въ земли Хамовой, страшная въ мори Чермнѣмъ; наконецъ, повелѣлъ морскимъ водамъ устремиться на Фараона и Египтянъ, и покрыть ихъ волнами; а Израилю сухой проходъ оставить. Ежелибъ хотя едино изъ сихъ учинили ложные боги, достойно было бы удивленія; но поелику истинный Богъ творилъ оное, то дивиться мы тому не должны.

Ибо,

Ибо, по слабости нашего разума, кажется оно намъ великое; но въ разсужденіи Божескаго всемогущества ни что есть: И гдѣ истиннаго Бога рука дѣйствуетъ, тамъ ни силы человѣческія, ни лютость звѣрей, ни высота Небесная, ни глубина морская противиться не могутъ; потому что онъ какъ даровалъ имъ бытіе, такъ напротивъ того отнялъ силу, учиня ихъ себѣ подвластными.

Паки вопрошаю: какой языческой Богъ, или и всѣ оные совокупясь вмѣстѣ, столько были сильны, чтобъ хотя единаго умертвили человѣка? Но истинный Богъ, во время царствованія Езекіи, единою нощію, когда Израильтяне покоились сномъ, сто осмдесятъ пять тысячь потребилъ воинства въ обозахъ Ассирійскихъ, которые крайними врагами были Израильтянамъ; сирѣчь, предержащихъ Государей и князей тѣмъ научая, что мало спасенія во многочисленномъ воинствѣ, мало пользуетъ изобиліе богатства, и мало помогаетъ огромность военныхъ орудій, ежели Богъ за грѣхи ихъ опредѣлитъ противное. Ибо война начало свое заимствуетъ отъ гордости и злобы человѣческой; но побѣда отъ воли Божіей зависитъ.

Паки вопрошаю: который изъ языческихъ боговъ сдѣлалъ то, что сотворилъ истинный Богъ нашъ, покорившій подъ ноги преславному вожду Іисусу Навину тридесятъ два царя съ царствами, коихъ онъ не токмо царствъ, но и самой лишилъ жизни, разсѣкая тѣхъ нещастныхъ царей по удамъ, и раздѣляя тѣ бѣдныя царства по частямъ на двенатцать колѣнъ Израильскихъ. Сіи царства поелику издревле старымъ принадлежали Евреямъ, и по отнятіи у нихъ болѣе

двухъ

двухъ тысячь лѣтъ насильно владѣемы были: то Богъ подъ предводительствомъ Навиновымъ возвратить оныя соизволилъ. И хотя Богъ долговременное оказывалъ имъ свое терпѣніе; дѣлалъ однакожъ сіе не для того, аки бы чрезъ долготу времени имѣлъ уже ихъ въ забвеніи; но что ъ сію медлѣнность наградить жесточайшимъ наказаніемъ. Ибо Государи, многія мучительныя дѣла истребляютъ изъ памяти, которыя предъ престоломъ Божескаго правосудія вопіютъ испрашивая отмщеніе.

Паки вопрошаю: чего ради всѣ древніе боги, ежели сильны были, царей своихъ и царствъ не защищали и не обороняли? Ибо сіе не вѣроятно, аки бы не имѣли они въ томъ благоволенія паче, нежели могущества; когда не меньшее сами боги разореніемъ храмовъ, какъ и человѣки потеряніемъ царствъ паденіе претерпѣвали, и жесточае казалось древнимъ разореніе единаго храма, нежели цѣлаго знаменитаго народа упадокъ. Вѣдаемъ мы, что не могли Троянскіе боги ни самихъ себя, ни народа оборонить отъ Грекокъ; но равно боги съ людьми, и люди съ богами въ Карѳагенъ, оттуда въ Сицилію, изъ оной въ Лацію, изъ Лаціи въ Лаврентъ, а изъ Лаврента уже въ Римъ переселилися, и какъ изгнанцы и бѣглецы странствовали по свѣту, тѣмъ самимъ очевидно представляя, что не меньше боги Троянскіе отъ Греческихъ боговъ, какъ и Князья Троянскіе отъ Князей Греческихъ побѣждены были: Что поистиннѣ весьма срамно и бесчестно было тѣмъ, кои за боговъ почитаемыми быть желали. Ибо истинному Богу не прилично бояться и бѣгать, но оказывать себя такимъ, чтобъ его боялися и любили. И такъ что мы о сихъ бо-

гахъ

гахъ говорили, тожъ самое можетъ подтвердить и о прочихъ, сирѣчь: хотя всѣ боги имѣли царства и храмы, въ которыхъ имъ жертвовали и покланялися; но одни отъ другихъ истреблены были, какъ то видимо есть, что Израильтяне покорены отъ Ассирійцовъ, Ассирійцы отъ Персіанъ, Персіяне отъ Македонянъ, Македоняне отъ Мидянъ, Греки отъ Пинцовъ, Пинцы отъ римлянъ, римляне отъ Готовъ, а Готы истреблены отъ Мавровъ, такъ, что ни одной провинціи, и ни одного народа въ свѣтѣ не имѣлось, кои бы подъ иго другой провинціи, или народу превращены не были.

Всѣ историки, которые боговъ своихъ и обряды поклоненія великолѣпно описали, не могли того оспорить, что боги съ почитателями своими, и почитатели купно съ богами напослѣдокъ конецъ возъимѣли; а одно токмо Христіанское благочестіе ни какому и никогда концу причастно не будетъ: поелику основаніемъ его есть тотъ, который самъ безначаленъ и безконеченъ. И по истиннѣ изъ числа доказательствъ, крѣпко утверждающихъ мое сердце къ содержанію Христіанскаго православія, есть сія видимость, что церьковь съ начала своего основанія, хотя отъ сильнѣйшихъ царей и царствъ была раззоряема и мучительски гонима; но обоoронили ее и защитили подлые, самые послѣднїе и не ученые люди.

О преславная воинствующая церковь! Она по теперь ни что иное есть, какъ золото въ пригари, роза между терніемъ, зерно между плевами, мозгъ въ костяхъ, жемчугъ въ раковинѣ, нетлѣнная душа въ смрадномъ трупѣ, единственный Фениксъ въ клѣткѣ, корабль путешествую-

щїй

щій въ глубокомъ и бурномъ моръ, который, чемъ жесточаѣ бьютъ волны, тѣмъ выше подымаетъ свои парусы. Ибо крѣпость и постоянство церькви никогда не усматривается такъ, какъ въ то время, когда мучители противъ ея воюютъ. Нѣтъ ни одного толь малаго Христіанскаго царства, и нѣтъ ни одного человѣка, находящагося въ толикой у всѣхъ ненависти, которомубъ во время терпимаго имъ отъ одного или двухъ утѣсненія, не доброхотствовали и не помогали други, ближніе и покровители; такъ, что кои намѣревали истребить другихъ, сами погибаютъ, и чувствуютъ жесточайшими непріятельми тѣхъ, которыхъ чаяли они быть своими помощниками. Сіе не безъ тайной судьбы Божіей дѣлается: понеже, хотя Богъ терпитъ беззаконному, дабы онъ пребылъ въ злобѣ своей нѣсколько времени; другихъ однакожъ къ равномѣрному злодѣянію обольстить не попускаетъ.

Палестинцы смертельныхъ непріятелей имѣли Халдеянъ, Халдеяне Идумеянъ, Идумеяне Ассирійцовъ, Ассирійцы Персіянъ, Персіяне Аргивцовъ, Аргивцы Аѳинямъ, Аѳиняне Лакедемонцовъ, Лакедемонцы Сидонянъ, Сидоняне Родійцовъ, Родійцы Скиѳовъ, Скиѳы Унновъ, Унны Алановъ, Аланы Шведовъ, Шведы Вандальцовъ, Вандальцы Валеарцовъ, Валеарцы Сардіанъ, Сардіане Пинцовъ, Пинцы Римлянъ, Римляне Датчанъ, Датчане Готовъ, Готы Галловъ, Галлы Ишпанцовъ, Ишпанцы Иверцовъ; и сіи царства одно отъ другаго, а не всѣ отъ единаго утѣсняемы и раззоряемы были. Но Святая Матерь Церковь отъ всѣхъ сихъ царствъ претерпѣла гоненія, не имѣя инаго благодѣтеля, кромѣ Христа, который какъ благодѣтелемъ, такъ и покровителемъ

былъ

былЪ для нее самимЪ лучшимЪ и сильнѣйшимЪ. Ибо тѣ, коихЪ БогЪ пріемлетЪ вЪ свое сохраненіе, не можно статься, чтобЪ погибли; хотя бы и цѣлой свѣтЪ на нихЪ брань воздвигнулЪ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

БогЪ истинный токмо одинЪ есть, и блаженно царство, коимЪ обладаетЪ Государь прямый и не ложный ХристіанинЪ; такожЪ о мнѣніи язычниковЪ, которые добродѣтельныхЪ Государей по смерти вЪ число боговЪ, а злонравныхЪ вЪ число демоновЪ относили; что утверждаетЪ авторЪ нѣсколькими примѣрами изЪ древности.

Хотя общее простаго и неученаго народа было мнѣніе, что боги суть многіе; но нѣкоторыя Философскія школы, не многихЪ, но единаго Бога быть признали, называя его иные подЪ именемЪ Юпитера БогомЪ БоговЪ; другіе перьвымЪ смысломЪ или умомЪ, понеже всѣ миры создалЪ; иные перьвою виною или причиною, для того что была началомЪ всѣхЪ вещей. ТаковажЪ мнѣнія кажется былЪ и Аристотель, когда второй надесять книги МетафизическихЪ разсужденій вЪ послѣдней главѣ сказалЪ: „вся вышняя и нижняя требуютЪ порядочнаго управленія, „ и лутче управляются повелѣніемЪ единаго, нежели разумомЪ и волею многихЪ; слѣдовательно „ одинЪ токмо есть обладающій, отЪ котораго „ онѣ управляются „.

М. ВарронЪ вЪ Митической или баснословной богословіи, и М. Туллій вЪ книгахЪ о природѣ боговЪ, хотя и сами идоламЪ покланялися, и не безЪ

безъ усердія боговъ почитали; однакожъ язычникамъ, кои признавали и вѣровали быть многимъ богамъ, насмѣхаются утверждая, что Марсъ, Меркурій, Юпитеръ, и вся толпа полагаемыхъ язычниками боговъ были такіежъ, какъ и мы, смертные человѣки. И поелику они ни добрыхъ, ни злыхъ Ангеловъ не познавали, ниже вѣрили быть или раю для награжденія добродѣтельныхъ, или Аду наказанія ради беззаконныхъ; то приняли сію ложную выдумку, якобы всѣ человѣки по смерти добрые въ боговъ, а злые въ бѣсовъ превращаются. И аки бы не довольно было сего обмана, то довелъ ихъ сатана до толикаго безумія, что думали, будто бы во власти у Римскаго Сената состояло, кого нибудь или богомъ, или демономъ сдѣлать; такъ, что когда отходилъ отъ жизни Римскій Императоръ, который Сенату былъ любезенъ, немедлѣнно въ числѣ боговъ: когда же умиралъ такой, который ему былъ ненавистенъ, въ числѣ демоновъ поставляли.

А дабы не показалось сіе баснею; засвидѣтельствуемъ примѣрами изъ писателей. Иродіанъ повѣствуетъ о Фавстинѣ, дочери набожнаго Антонина, что она была супругою Марка Аврелія, который по немъ возшелъ на Императорской престолъ; и по истиннѣ изъ всѣхъ какъ прежде, такъ и послѣ ихъ бывшихъ Императоровъ, очень не много толь добродѣтельныхъ, а по моему разсужденію и ни одного сихъ двухъ лучшаго не имѣлось. Ибо какъ отъ Императора, для пріобрѣтенія безсмертной памяти, требуются въ жизни сей пять качествъ, сирѣчь: чтобъ былъ непороченъ житіемъ, крайній хранитель правды, счастливъ въ войнахъ, изъученъ въ знаніяхъ, и любезенъ своимъ подданымъ;

то всѣ оныя свойства, дарованія и добродѣтели въ сихъ обоихъ Государяхъ были превосходны.

Въ прочемъ Фавстина Императрица одарена была превосходнѣйшею красотою, которую писатели крайне великолѣпно похваляя, говорятъ, акибы не возможно было сдѣлаться, чтобъ она толь плѣняющую красоту имѣла, естьли бы боги частицы божества своего ей не сообщили. Сїе хотя и такъ есть; я однакожъ будучи сомнителенъ, вопрошаю, и оставляю на разсужденїе: вящшеель было въ ней превосходство красоты, или мерзость и нечистота жизни? Ибо первая зрителей въ несказанное приводила удивленїе, а другая въ свѣдущихъ объ оной возбуждала негодованіе.

Когда же М. Аврелїй Императоръ, по отправленїи торжества надъ побѣжденными Пареами, поѣхалъ въ Азїю для осмотрѣнїя тамошнихъ провинцїй, и Фавстина отъ горячки въ четвертой день скончалась при самой подошвѣ горы Тавра, а тѣло ея напоивши ароматами отвезли въ Римъ; то поелику она была толь добродѣтельнаго отца дщерь, и толь любезнаго Императора супруга, Сенатъ нарекъ ее богинею, и въ числѣ боговъ поставилъ. И какъ по причинѣ безстыднаго и невоздержнаго ея житїя, которымъ она себя весьма опорочила, никто не надѣялся, что ѣ Римляне толикую ей честь выразили; то Императору оная толь была прїятна, что никогда не преставалъ благодарить Сенату. Ибо по истиннѣ наивящшую благодарность заслуживаетъ то благодѣянїе, которое случается паче надежды. Противное сему послѣдовало въ смерти Тиверїя третьяго Римскаго Императора, котораго не токмо умертвили,

ли, и трупъ повѣсивъ на крюкъ палачи разорвали; но еще стекшись изъ всѣхъ капищъ жрецы, всенародно просили боговъ не принимать къ себѣ умершаго, и умоляли Адскихъ фурій жесточайшими терзать его мученіями; признавая за существеннѣйшую справедливость, чтобъ тираннъ, который въ жизни своей отъ сообщенія добродѣтельныхъ людей удалялся, по смерти инаго, кромѣ съ Адскими фуріями, не имѣлъ пребыванія.

Но оставя беспутнаго народа общее мнѣніе, который въ древніе вѣки не достигъ познанія истиннаго Бога; и пріемля за справедливое разсужденіе Аристотеля, полагающаго первую вину; такожъ мнѣніе Стоиковъ, которые утверждаютъ перьвой умъ или смыслъ, и на конецъ Цицероново, который подъ видомъ Юпитера признаваетъ не инаго, какъ онаго бога; говорю и исповѣдую по правилу Христіянскія благочестивыя вѣры, что одинъ только Богъ есть, создавшій небо и землю, котораго благость, сила, величество и слава суть толикія, что ни саммалѣйшей его частицы языкъ человѣческій изобразить не можетъ. Ибо божественныхъ дѣлъ ни разумъ нашъ проникнуть, ни смыслъ распознать, ни память вомѣстить, ни языкъ изглаголать не въ силахъ.

Чего ради вѣровать и признавать о богѣ Государи и всѣ православные Христіяне должны, что Богъ есть благо верьховнѣйшее, безсмертное, нетлѣнное, непремѣнное, неизмѣримое, и всемогущее; по тому что въ разсужденіи божескаго могущества, вся сила человѣческая есть одинъ только смѣхъ и игрушка.

ВО ПЕРЬВЫХЪ ГОВОРЮ, что одинъ токмо Богъ есть пребоcходнѣйшее благо; понеже все благо, какое не имѣетъ тварь, не есть величайшее добро. Ибо ежели владѣемое человѣкомъ добро сравнить съ бѣдствіями и горестьми, въ которыхъ онъ страждетъ; бесконечно большее есть имъ терпимое зло, нежели владѣемое благо.

ВО ВТОРЫХЪ говорю, что одинъ только Богъ есть во вѣки безсмертный, который какъ начала не имѣлъ, такъ и конца имѣть не будетъ. Но съ бѣднымъ человѣкомъ дѣлается сему противное, котораго какъ раждающагося иные видѣли, такъ и умирающаго напослѣдовъ другіе увидятъ. Ибо рожденіе младенцевъ ни что иное есть, какъ поспѣшеніе во гробъ престарѣлыхъ.

ТРЕТЬЕ, что одинъ Богъ есть нетлѣнный, котораго существо ни какому поврежденію или уменьшенію не подвержено. На противъ того смертныхъ человѣковъ всѣхъ души вредъ отъ пороковъ, а тѣла расточеніе отъ червей пріемлютъ. И нѣтъ ни единаго толь свободнаго, коегобъ какъ плоть истлѣнію, такъ душа или спасенію, или вѣчной пагубѣ была не причастна.

ЧЕТВЕРТОЕ, что одинъ Богъ есть непремѣнный; и крѣпко должно вѣрить, что хотя Богъ иногда намѣреніе свое отлагаетъ; но однакожъ по причинѣ той не перемѣняетъ предвѣчнаго своего совѣта. А въ человѣкахъ противное тому бываетъ, которые часто со особливою важностью принимаются за какое нибудь дѣло, но отмѣнивши по томъ свои мысли, оное въ самомъ кратчайшемъ времени весьма легкомысленно оставляютъ.

Пя-

ПЯТОЕ, *что одинъ Богъ есть неизмѣримый*, котораго ни величества познать, ни премудрости постигнуть не можно. Но человѣческой разумъ не таковъ: ибо нѣтъ ни единаго человѣка, коегобъ мудрость толь была совершенна, чтобъ когда нибудь другой не домыслился того, что онъ разумѣетъ.

НА КОНЕЦЪ гопорю, *что одинъ Богъ есть Всемогущѣй*, коему не токмо живые, но и мертвые; не токмо добрые, но и злые всѣ подвластны. Ибо который человѣкъ не заслужилъ милости его къ полученїю небесныя славы, тотъ почувствуетъ гнѣвъ его, осуждающїй къ вѣчному наказанїю.

И такъ во истинну достойно и праведно есть вамъ, о Князи сего вѣка! Признавая себя даропрїемниками и рабами владыки неба и земли искать у него милости; и колико возведены на вящшую высоту, толико благоговѣйнѣйшее и раболѣпнѣйшее воздавать ему почитанїе. Понеже вы сколько ни имѣете или власти или богатства, или могущества; сравнивъ однакожъ васъ съ тѣмъ величайшимъ обладателемъ, вы ни чего не сильны, ни чемъ невладѣете, и ни чего не можете. Ибо нѣтъ ни одного на свѣтѣ Государя, который бы не меньшую имѣлъ силу, нежели желаетъ; и не болѣе желалъ, нежели чемъ владѣетъ.

Естьлижъ сїе такъ есть, какъ и въ самой есть вещи; то пускай знаютъ великїе Государи и Князи, что согласно съ справедливостью и достодолжно, дабы всѣ твари, поелику отъ единаго суть созданы, единому токмо создавшему ихъ и покланялися. Ибо какъ Государь въ царствѣ своемъ другому называться и быть Ца-

ремъ не допускаетъ ; равнымъ образомъ и Богъ не хощетъ, чтобъ, кромѣ его, другаго почитали богомъ.

Великое есть благодѣяніе, что Богъ отецъ, безъ всякаго прошенія, насъ создалъ, сынъ Божій, не требуя ни отъ кого помощи, искупилъ ; а Духъ Святый, безъ всякихъ заслугъ, творитъ насъ Христіянами. Ибо какія ни приносимъ мы Богу наши службы и угожденія, ни за малѣйшее благодѣяніе его удовлетворить не могутъ.

Истинно, за велико почитать должны Государи, что Богъ создалъ ихъ человѣками, а не звѣрьми; и тѣмъ за большее, что учинилъ властителями, а не рабами; бесконечно же за вящшее признавать обязаны, что не Маврами и идолопоклонниками, но Христіянами ихъ устроилъ. Ибо тщетно было бы имъ имѣть скиптры и царства во осужденіе ; есть ли бы не познали святой церькви, внѣ которой никто спастися не можетъ.

О Божественная благость ! Сколь бы многіе идолопоклонники, можетъ спаться, лучшіе, нежели я, были, естьли бы ты избралъ было ихъ въ твою церьковь ! И ежелибъ восхотѣлъ было меня оставить идолопоклонникомъ, колико былъ бы я ихъ хуже ! Ты оставилъ тѣхъ, которые тебѣ угождалибъ, и избралъ меня, который тебя раздражаетъ. Ты, Господи! вѣдаешъ, что творишъ тамо; но я и того, что здѣсь говорю, не знаю. Ибо хвалить Божественныя дѣла мы обязаны ; но располагать и перемѣнять по своему мнѣнію не имѣемъ воли. Императоры и Цари языческіе, которые благонравны и добродѣтельны были, (какихъ по истиннѣ много имѣлось) чѣмъ тщательнѣе должность званія своего на-

блю-

блюдали, тѣмъ легшее во время испытанія о дѣлахъ отвѣта будутъ терпѣть наказаніе; напротивъ того беззаконные Христіянскіе Государи, чѣмъ изобильнѣйшую восприяли благодѣяній мѣру, тѣмъ жесточайшее въ вѣчномъ пламени истязаніе восприимутъ. Ибо по мѣрѣ не благодарности за полученныя въ свѣтѣ семъ благодѣянія, положится и жестокость имѣющаго быть наказанія во адѣ.

Ежели Госурари много дѣлать должны, поелику суть человѣки, одаренные смысломъ; то гораздо больше дѣлать обязаны, понеже суть Христіяне; но еще и того больше, яко имѣющіе власть и поставленные на толь высокомъ степени. Ибо прямое величество не въ томъ, что Государи много имѣютъ, но что много могутъ, заключается. Отъ маленькаго и слабаго деревца, кромѣ плода въ надлежащее время, ни чего болѣе не требуется; но отъ высокаго, толстаго и широковѣтвеннаго дѣрева, озябающіе стужею взыскиваютъ дровъ, утружденные и упрѣвшіе отъ зноя требуютъ прохладной тѣни, алчущіе домогаются подаванія плодовъ; а сверьхъ того и самому себя надлежитъ защищать противъ стремленія вѣтровъ. Равнымъ образомъ и добродѣтельные Государи не инымъ чемъ либо, какъ тѣнью для прохлажденія всѣхъ добрыхъ, быть должны.

Ко многимъ дѣламъ увѣщеваетъ насъ церьковь, и отъ многихъ остерегаться возбуждаетъ совѣсть наша; но есть ли бы мнѣ два только дѣла обязались исполнять Государи, сирѣчь, соблюсти законъ почитаемаго ими Бога, и мучительски не повелѣвать ближними, надъ которыми они царствуютъ; теперь же вожделѣнную

 славу

славу и вѣчное блаженство имъ обѣщаю. Ибо тотъ токмо Государь умираетъ безопасно и съ надеждою, который умираетъ въ Христовой вѣрѣ, и жилъ въ любви ближняго. Когда же Великимъ Государямъ и Князьямъ, кои желаютъ считаться истинными Христїянинами, не дремлющимъ окомъ взирать должно, чтобъ всѣ дѣла къ Божїей относилися славѣ, съ Божїимъ начиналися благословенїемъ, съ Божїимъ производилися поспѣшествованїемъ, и съ Божїею оканчивалися помощїю; въ семъ, говорю, когда надлежитъ имъ быть не усыпными; то пусть повѣрятъ мнѣ, что въ дѣлахъ, касающихся до распространенїя и сохраненїя вѣры, обязаны толико бодрствовать духомъ, дабы всѣ познали, что они за оборону благочестїя охотны и готовы не пощадить своея жизни. Ибо, естьли Государь вѣруетъ, что въ будущей жизни положены добрымъ воздаянїя, и злымъ уготованы казни; статься не возможно, чтобъ не старался онъ житїе провождать беспорочно, и государствомъ управлять благочинно.

Напротивъ того безъ сомнѣнїя извѣстно, что ежели Государи не боятся Бога; ни сами, ни подданные ихъ счастливыми быть не могутъ. Понеже благоденствїе, или злоключенїе царствъ не отъ трудовъ и попеченїй Царя и подданныхъ; но отъ заслугъ дѣлъ ихъ зависитъ. И такъ царство находится въ самой ближайшей опасности, владѣтель коего есть злонравный Христїянинъ; вопреки же счастливое и благополучное то государство, котораго Государь есть мужъ доброй совѣсти. Ибо человѣкъ, имѣющїй чистую совѣсть, ни какого зла въ обществѣ учинить не можетъ.

ГЛА-

ГЛАВА ПЕРЬВАЯНАДЕСЯТЬ.

О многихъ языческихъ богахъ, и ихъ званіяхъ; о мщеніи богамъ, которые волѣ ихъ не повиновалися; такожъ что двадесять боговъ избранныхъ, и бесчисленное множество простыхъ имѣлось.

Хотя дѣла Божія имѣющимъ прозорливой разумъ, сами по себѣ и кромѣ сравненія съ другими, кажутся велики; но поелику противоположенные два цвѣта, бѣлой и черной, яснѣе распознаются; то во удовольствіе любопытнымъ представлю я здѣсь реестръ боговъ ложныхъ, изъ которыхъ слабости откроется, колико истиннаго Бога почитать, и колико сихъ презирать должны Государи.

Хотя же древніе идолопоклонники имѣли различные роды боговъ, перьвѣйшіе однакожъ у нихъ были, которыхъ, аки свыше избранныхъ, верьховными называли, означая чрезъ то небесныхъ, кои, по ихъ суевѣрію, будто бы нѣкогда низходили на землю. Было же ихъ числомъ двадцать, какъ то: *Янъ*, *Сатурнъ*, *Юпитеръ*, *Генїй*, *Меркурїй*, *Аполлонъ*, *Марсъ*, *Вулканъ*, *Нептунъ*, *Солнце*, *Оркусъ* (т. е. адъ), *Либеръ Патеръ*, *Теллюсъ* (т. е. земля), *Церера*, *Юнона*, *Минерва*, *Луна*, *Дїана*, *Венера* и *Веста*; изъ которыхъ послѣдніе восемъ были женщины, а перьвые двенатцать мущины. Сихъ двадцати никому не вольно было присвоять, или котораго нибудь изъ нихъ здѣлать своимъ домашнимъ; но всѣ вообще, то есть или цѣлое царство, или знатная провинція, или славный городъ, пользовались оными.

Въ началѣ былъ богъ КАВЦІЙ именемъ, котораго жертвоприношеніями и дарами умоляли, чтобы давалъ остроумныхъ и понятныхъ дѣтей. Не ошиблись бы они, ежелибъ о томъ просили истиннаго Бога. Ибо когда толико повредилася человѣческая природа; наивящшимъ злоключеніямъ подверженъ бываетъ тотъ, кого промыслъ Божій остротою ума не украсилъ.

Во вторыхъ имѣли богиню именемъ ЛУЦИНУ, которую раждающія жены о благополучныхъ родахъ просили. Капище ея за городомъ было весьма богатое, на пути Саларійскомъ; гдѣ всѣ Римскія госпожи беременныя Луцинѣ жертвовали, и девятидневное отправляли празднованіе. Оное капище, по повѣствованію Фронтона въ книгѣ о почитаніи боговъ, создано Нумою Помпиліемъ, а разорено отъ Консула Рутилія. Ибо когда беременная его дщерь, по обыкновенію, девятидневнаго ради празднованія и разрѣшенія отъ бремени, вошла въ капище Луцины; то по несчастію не токмо младенца выкинула мертваго, но и сама скончалась; чрезъ что Рутилій консулъ будучи пораженъ жесточайшею и нестерпимою печалію, потщился зажечь оное тайнымъ образомъ. Ибо во многихъ книгахъ находимъ, что идолопоклонники ежечасно, когда во время нуждъ своихъ просили у боговъ помощи, и оную не вдругъ въ злоключеніяхъ получали; тотъ часъ или истребляли жертвенники, или разоряли капища, или самихъ боговъ перемѣняли.

Другая богиня у язычниковъ имѣлась, называемая ОПСЪ, которая раждающемуся младенцу помогала, равно, какъ Луцина была Божествомъ мучащейся родами матери. Обычай же былъ, что чрезъ цылые девять мѣсяцей беременности,

па-

портретикъ богини Опсы повѣшенной на поясѣ, или пристегнутой къ юпкѣ, надъ брюхомъ мать носила; и когда наступало время родовъ, то повивальная бабка взявши тотъ портретикъ, къ выходящему уже изъ утробы младенцу, прежде онымъ, нежели руками своими прикасалась. И ежели младенецъ раждался благополучно, въ тотъ день отецъ и родственники особливую оному идолу честь выражали; естьли же въ родахъ задавлялся, то портретъ богини Опсы родственники въ рѣкѣ утопляли.

Имѣли язычники и инаго бога, котораго называли ВАГИТАНОМЪ. Сему съ благоговѣнїемъ приносили жертвы, чтобъ младенцы не много плакали; и для того младенецъ патретикъ или печать Вагитанову носилъ на шеѣ. Ибо частое плаканїе младенцево язычники содержали за нещастливое; сказывая, что частой въ младенчествѣ плачъ, есть предзнаменованїе будущаго злополучїя младенцу.

Кромѣ того имѣли богиню КУНИНУ, которой покланялися и жертвы приносили, чтобъ вмѣсто покровительницы защищая младенцевъ въ колыбели, отгоняла чародѣйства; и убогїе люди вѣшали надъ люлькою патретъ Кунины, а богатые дѣлали многоцѣнныя колыбели съ вырѣзанными на нихъ многими изображенїями Кунины. Иродїанъ и Поллїонъ въ житїи Севера повѣствуютъ, что, когда Северъ Императоръ воевалъ противо Галловъ, и супруга его Іулїя родила перворондую дщерь; сестра оной Іулїи именемъ Меза Финикїянна, изъ Финикїйскаго города Емезы прислала въ Римъ колыбель, сдѣланную изъ рога Единорожцева и чистѣйшаго золота; въ окружности которой рѣзною работою вырыты были пре-

премногіе патреты Кунины. Сія колыбель, драгоцѣнности ради, чрезъ долгое по томъ время соблюдалась въ казенной полатѣ между удивительными рѣдкостьми; хотя Римляне такія вещи больше для памяти и славы, нежели жадности ради къ богатствамъ хранили.

Почитали язычники также и РУМИНУ, которая была хранительница сосущихъ младенцевъ. Римскія госпожи приносили ей многія жертвы, чтобъ сосцы ихъ сберегала, и добраго млека изобиліе подавала на кормъ младенцамъ. Во все же то время, къ которое питали младенцевъ грудью патретикъ сея богини изъ шѣи даже до грудей висящій носили; и каждаго дня по утру прежде, нежели давали сосать младенцу, матерй выдаиваючи собственнаго молока по маленькому блюдичку, въ жертву Руминѣ посылали; которой капища естьли не было тамъ, гдѣ жила мать, то сама мать молокомъ своимъ имѣющуюся у нее Руминину печать обмывала.

Преемникомъ ея былъ другой богъ, именемъ СТЕЛЛИНЪ или СТАТИЛИНЪ, который имѣлъ власть надъ младенцами, сперьва стоять начинающими. Сему госпожи многіе дары приносили, чтобъ дѣти ихъ ходили прямо, и не сдѣлались карлами, хромыми или кривоногими. Ибо у Римлянъ хромоногіе и карлики въ такомъ презрѣніи находилися, что ни въ Сенаторскія достоинства, ни въ Жреческіе чины ихъ не производили. Ираклитъ въ третьей книгѣ о республикѣ повѣствуетъ, что Корнелія знатная госпожа, мать Гракховъ, родивши первыхъ двухъ сыновей, одного карлика, а другаго хромоногаго: и по той причинѣ думая, аки бы Статилилъ на нее разгнѣвался, выстроила ему капище во вторыйнадесять

десятѣ части, близъ Ватиканскаго пола, промежъ Девинскихъ рощъ. Оное стояло даже до временъ Радагайза, который держа во осадѣ Римъ, испровергъ всѣ капища, и посѣкъ бывшія въ окружности города рощи.

Кромѣ того имѣли другую богиню, именемъ АДОНЕЮ, которой званіе было дѣлать, чтобъ робенокъ, умѣющій уже ходить, приходилъ къ матери, и ее любилъ. И хотя Цицеронъ, во второй книгѣ о природѣ боговъ, между другими упоминаетъ и о сей богинѣ; однакъ не помню, читалъ ли я гдѣ, чтобъ сія богиня имѣла въ Римѣ свое капище, даже до временъ Маммеи, матери Антонина Императора. Сія знаменитая жена, поелику находилась во вдовствѣ, и имѣла двухъ весьма малолѣтныхъ сыновей; то желая воспитать ихъ въ благонравіи, и всѣять въ нихъ ту добродѣтель, чтобъ они возмужавъ, ее любили, сооружила Адонеѣ великолѣпное капище во вторійнадесятѣ части, на Ватиканскомъ полѣ, близъ Домитіевыхъ рощъ, а подлѣ онаго устроила другое зданіе, называемое предѣлъ Маммеи, гдѣ она чрезъ долгое время жила во уединеніи. Ибо по тогдашнему обыкновенію вдовы, желающія воспитать дѣтей своихъ благочинно, тотъ часъ уединялися, и отъ городскихъ роскошей и шалостей убѣгали.

Почитаема была отъ древнихъ и богиня МЕНСЪ, къ такому званію опредѣленная, аки бы она доброй или худой смыслъ отрокамъ давала. Оной древніе Греки съ вящшимъ усердіемъ и великолѣпнѣйшія, нежели Римляне, приносили жертвы. По чему Сенека говоритъ: „ мнѣ не то „ дивно, чего достигли знаніемъ Греки; но то „ удивительно, чего не знали. Ибо они въ учи-

„ лищахъ

„ лищахъ имѣли храмъ сея богини. '„ Закономъ же у Аѳинянъ было уставлено, чтобъ отроки прежде вступленія въ философскія науки, три года во ономъ капищѣ служили. Но оставя Сенекины слова, гласящія о Грекахъ, я многимъ нынѣ обрѣтающимся въ жизни осмѣливаюсь сказать, дабы они, ежели правда, что тамо обитаетъ *Менсъ или разумъ*, лутче въ настоящемъ, нежели будущемъ году ѣхали туда торжествовать во ономъ храмѣ девятидневнее празнованіе. Ибо нѣтъ ничего несчастнѣе въ свѣтѣ, какъ человѣкъ, здраваго ума лишенный.

Обожали древніе такожъ ВОЛУМНА и ВОЛУМНУ. Подъ опекою ихъ состояли обрученныя лица; чего ради и было ихъ двое, перьвой сирѣчь вмѣсто мущины, а другая вмѣсто женщины. Обычай же имѣлся такой, что послѣ сговору обрученныя лица, каждое божества своего образы, которымъ надлежало быть или серебренымъ или золотымъ, повѣсивъ на шѣѣ носили; и въ день бракосочетанія женихъ невѣстѣ Волумна, а невѣста жениху Волумну отдавали. Въ то время, когда республикой управляли Консулы, по отмѣненіи Королей, прежде царствованія Императоровъ, и не за долго передъ учиненнымъ онѣ Корнеліевъ бунтомъ, былъ между прочими консулъ Балбъ. Онъ первой устроилъ Волумну и Волумнѣ капище, стоявшее въ девятой части подлѣ Коринѳскихъ воротъ, которыя назывались Балбовы переходы, и смежное съ другимъ строеніемъ, именуемымъ тогда Театръ Балбовъ. Въ сіе капище, состроенное Балбомъ, Консулы, Сенаторы, и другія знатныя персоны входили торжествовать обрученіе. (Можетъ быть въ сходственность сего обычая и обряда, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ во Франціи.

ціи, такъ въ Лютеціи и Авреліи по церьквамъ обрученія отправляютъ.) И нѣкто въ самую ту ночь, когда дщерь Іулія Цесаря обручена была за Великаго Помпея, сіи произнесъ слова въ Римѣ:,, ,, понеже Помпей не восхотѣлъ празновать об- ,, рученія во храмѣ боговъ Волумна и Волумны ; ,, то нынѣ же пророчествую, что супружество ,, сіе не долговременно будетъ ; ,, какъ о томъ повѣствуетъ Публій Викторъ въ третьей книгѣ о бракахъ древнихъ.

Почитали древніе и бога АГРЕСТА , сирѣчь , начальника пахатныхъ нивъ и плодовъ, которому не всегда, но дважды токмо на всякой годъ жертвовали, то есть, во время сѣва и жатвы , когда плоды созрѣвали. Сему божеству со особливымъ благоговѣніемъ покланялися Фригійцы (сирѣчь Трояне) и Сициліане, для того, понеже обѣ сіи страны толико изобиловали хлѣбомъ , что Фригія для Азіи; а Тринакрія , называемая нынѣ Сицилія , для Европы житницею и хлѣбнымъ анбаромъ были.

Кромѣ того почитали и другую богиню , именемъ БЕЛЛОНУ, въ покровительствѣ которой состояли ополчающіеся противо непріятеля на брани. Ибо какъ Христіяне , намѣревая вступить въ жестокое сраженіе, просятъ у Бога своего помощи; такъ и древніе въ подобной опасности живота своего будучи, къ Беллонѣ съ усердными молитвами прибѣгали. По повѣствованію Ливія, между прочими винами , какія причтены кавалерамъ, которые при Каннахъ сразилися съ Аннибаломъ, поставлена была и сія , что ни Беллонѣ передъ сраженіемъ въ защиту себя не поручили; ни Марсу , пока дѣло недошло до бою, не принесли жертвъ; а Пинцы одержа-

ли

ли побѣду за тѣмъ, что въ тотъ день обыкновенное богамъ своимъ жертвоприношеніе учинили. Когда Пирръ, Царь Епирскій, то есть Албанскій, перешелъ въ Италію; то Римляне увѣдомясь, что онъ везетъ съ собою разныхъ родовъ военныя орудія и машины, опредѣлили устроить Беллонѣ капище внутри города, въ девятой части подлѣ Карментальскихъ воротъ, называемое храмъ Беллоны прежде, пока не поставленъ на томъ мѣстѣ преудивительной работы столбъ, на которомъ вырѣзанъ былъ образецъ, показывающій, какъ на войнѣ распоряжать и управлять войскомъ.

Была у Язычниковъ и другая богиня, называемая ВИКТОРІЯ. Сію съ вящшимъ благоговѣніемъ Римляне, нежели другіе народы, почитали, въ томъ намѣреніи, чтобъ Богъ даровалъ имъ надъ врагами побѣду. Многія и знаменитыя въ Римѣ ей посвящены были капища; но огромнѣйшее и великолѣпнѣйшее подлѣ Невійскихъ воротъ, во второйнадесять части, на площади именуемой Викторіи. Оной храмъ и площадь устроены отъ созданія города въ четыре ста семдесятъ седьмомъ году, побѣды ради полученной Анніемъ, Клавдіемъ и К. Фабіемъ, на перьвомъ Сицилійскомъ сраженіи, которое Римскій народъ имѣлъ съ Карѳагенцами во время царствованія въ Сициліи Гіерона. Отъ сей войны и побѣды возъимѣли начало между Римлянами и Пинцами жестокія, долговременныя и тяжчайшія брани.

Между прочими покланялися древніе и богу ГОНОРИНУ. Сей долженствовалъ дѣлать то, чтобъ странствующимъ въ чужихъ земляхъ обитатели выражали честь, и ласково въ другихъ царствахъ и областяхъ, чрезъ которыя они проѣжжать

ѣжать будутъ, принимали. И для того имѣлось обыкновенiе въ Римѣ, что, ежели кто изъ Римлянъ въ далекой путь отправлялся, жена его тотчасъ шла жертвовать *Гонорину*. На пятомъ надесятъ году прихода Аннибалова въ Италiю, Римляне нашедъ слѣдующiе стихи въ Сивиллинскихъ книгахъ: „ когда иноземный не„ прiятель нападетъ войною на Италiю; то „ можно его изъ оной прогнать и побѣдить, еже„ ли матери Идеи божество изъ Пезинунта въ „ Римъ привезено будетъ; „ отправили пословъ въ Фригiю, которая есть часть Азiи, славная въ древнiя времена по причинѣ бывшаго въ ней Троянскаго царства; для привезенiя въ Римъ богини *Верекинѳги*. И дабы посланники ихъ, благополучно окончавши путь свой, здравы и нерушимы возвратилися, и въ проѣздѣ туда и обратно приниманы были съ честiю; соорудили *Гонорину* капище внутри города, въ четвертой части на площади, которая называлася Транзиторiя или проѣздная.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

О другихъ знаменитѣйшихъ и особливѣйшихъ богахъ, коихъ имѣли древнiе. Авторъ пишетъ сiе съ тѣмъ намѣренiемъ, дабы усмотрѣлъ Христiянскiй Государь, коликое есть благодѣянiе, что онъ не болѣе, какъ единаго токмо позналъ истиннаго Бога.

Но понеже было бы продолжительно всѣхъ Языческихъ Боговъ описывать, и при томъ изъяснять, въ которыя времена, и въ какихъ царствахъ усерднѣе, нежели въ другомъ мѣстѣ

ихъ почитали, и по какимъ на послѣдокъ случаямъ поставлены имъ капища; то я заключу сїе повѣствованїе, нѣкоторыхъ токмо показывая имена и званїя, ради которыхъ отъ Язычниковъ обожаемы были, съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ прочетшїе сїю книгу, усмотрѣли; колико они Богу, обратившему ихъ въ Христїянскую вѣру, должны.

ЕСКУЛАНЪ былъ богъ рудокопныхъ мѣстъ; которому молилися, чтобъ открывалъ золотыя и серебреныя жилы. *Пекунїя* была богиня металловъ; оную просили о дарованїи богатства и достатка. ПЕССОНIЯ была божествомъ путешествующихъ, которую просили; дабы ноги на пути не утомлялися. Богини ПЕЛЛОНIИ должность была, во владѣнїе не допускать, и выгонять непрїятелей. ЕСКУЛАПIЙ былъ богъ страждущихъ въ болѣзни, которые находясь въ великой опасности призывали и *Аполлона* отца *Ескулапїева*. СПИНIЕНСЪ былъ богъ, которому покланялися древнїе. чтобъ отъ бодягъ и волчца очищалъ растущїй хлѣбъ. Богиня РУБИГО имѣла званїе, защищать виноградную лозу отъ гусеницы, и оборонять хлѣбъ отъ саранчи.

ФОРТУНА была богиня счастїя, которой, во времена Силлы и Марїя, госпожи въ Римѣ великолѣпное поставили капище. Богиню МУТУ молили древнїе, дабы не попускала непрїятелямъ ихъ говорить, но учинила нѣмыми, коликократно они злословить ихъ хотѣли. АГЕНОРЫ богини званїе было, не допускать къ лѣности и нерадѣнїю тѣхъ, которые ей себя препоручали. Сїю особливо Греки, а найпаче Философы, почитали при входѣ или вступленїи въ училище. Богиня СТИМУЛЯ разбужала и поощряла обязанныхъ

всякими дѣлами, дабы оные въ своихъ исправленіяхъ не были медлительны, которой статуя поставлена была у дверей Сенатскихъ: сія жъ богиня была покровительницею ссору или тяжбу имѣющихъ. МУРЦІЮ какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ призывали, кои не желали быть сухощавыми и тонкими; и оной Римскія госпожи многіе дары приносили, чтобъ быть дороднѣе. Ибо съ вящшею трудностію въ Римѣ сыскивали себѣ супруговъ сухощавыя, нежели безобразныя.

РУНЦИНА была богиня луговъ и степей; оной древніе приносили жертвы, чтобъ растущую въ поляхъ траву охраняла. Скиѳы весьма свято ее почитали; которые, по елику ни городовъ, ни домовъ не имѣютъ, но кочуютъ въ степяхъ, погиблибъ за недостаткомъ скотинѣ своей корму. ЮГАТИНУ препоручаемы были верьхи горъ, и древніе вырывали ему на высокихъ горахъ подземныя пещеры, куда во множествѣ собиралися приносить жертвы, а наипаче во время грома или молніи. ВАЛЛОНІЯ учреждалася надъ долинами; ея званіе было удерживать источники и ручьи, дабы воды изъ высокихъ горъ проливаясь, стремленіемъ своимъ тамъ, гдѣ проходятъ, нивъ и мѣльницъ не повреждали.

Богиню СЕЮ всѣ народы свято почитали; понеже была богинею сѣва, и оной обыкновенно приносили въ жертву хлѣбъ изъ всякихъ сѣменъ, которыя сѣяли. Ее землянки или маленкіе жертвенники имѣлися въ поляхъ; но кромѣ оныхъ и въ Римѣ было не большое капище въ девятой части, на полѣ Марсовомъ, подлѣ Лукулловыхъ рощъ; и сказываютъ, что изъ сего капища выступилъ ключъ Сципіоновъ. Богини СЕГЕЦІИ званіе было проращать посѣянной хлѣбъ. Не

помню, читалъ ли я гдѣ, чтобъ богиня сія имѣла капище въ Римѣ. ТУТИЛИНЫ должность была, препятствовать Юпитеру, чтобъ при наступленіи жатвы, хлѣба не побивалъ градомъ. Древніе изображали ее такъ, аки бы Юпитеръ дождилъ камнями, а она тѣ камни подхватывала. Капище ея въ Римѣ было въ десятой части, при кругу Аполлоновомъ, подлѣ капища Ромулова; и коликократно гремѣлъ громъ, Римляне во ономъ капищѣ тотчасъ зажигали многіе свѣтильники, для умилостивленія ее, что бы градъ не потолокъ хлѣба. ФЛОРА Богиня была хранительница виноградныхъ садовъ, чтобъ оные отъ стужи не позябли. Сея благоговѣйнѣйшіе почитатели были Кампанцы, которые какъ сказываютъ, первые въ Италіи завели виноградныя рощи. МАТУРЫ богини должность была, приводить виноградныя ягоды въ зрѣлость; и древніе имѣли обычай, тѣ ягоды, которыя прежде всѣхъ созрѣвали, богинѣ сей тамъ, гдѣ она была поставлена, приносить въ жертву; и во многихъ виноградныхъ садахъ были не большіе предѣлы, въ которыхъ они ей жертвовали. РУАНА была надзирательницею собирающихъ пожатой хлѣбъ, дабы они такъ его поднимали, чтобъ не сломались стебла и не высыпались сѣмена изъ класовъ. Оную изображали древніе, въ правой рукѣ держащую снопъ пшеницы, которой имѣлъ цѣлые и неповрежденные класы.

ФОРКУЛЪ почитаемъ былъ богомъ замковъ и запоровъ, которому жертвовали, чтобъ крѣпко запиралъ двери, и не допускалъ разломать замки, или тайно отомкнуть, или ключи испортить. Сего бога древніе, замокъ съ цѣпочкой въ рукѣ держащаго, изображали. Истуканъ его ставился

вился на Тригеминскихъ воротахъ, и на дверяхъ тѣхъ людей, кои имѣли вражду или ссору.

ЛИМЕНТИНЪ надъ порогами у воротъ былъ начальникомъ; но ни гдѣ не могъ я найти, какая бы выдумать сіе божество была причина: чего хотя я въ книгахъ и не нашелъ, однакожъ, какъ думаю, просили они сего бога о томъ, дабы приходящіе недоброжелатели на порогѣ потткнувшись падали, ежели бы паче чаянія за оплошностью двери не заперты были. ПОРТУЛЪ былъ богъ воротъ, коего въ рукахъ двѣ половинки створчетыхъ воротъ держащаго изображали. Сему богу древніе приносили жертвы, дабы непріятелямъ и злодѣямъ, въ то время, какъ они спали, ворота не отворялися. Римляне жертвовали ему при всѣхъ городскихъ воротахъ; и тѣ, кои имѣли у себя враговъ, изображали его на дверяхъ своего дому.

КАРДА была богиня дверьныхъ крюковъ на тотъ конецъ, чтобъ дверей не могли сорвать съ крюковъ злодѣи, и естьли бы къ тому покусилися, хозяинъ онаго дому отъ треску и скрыпѣнія крюковъ услышалъ, что за дверьми недоброхоты.

СИЛЬВАНЪ былъ одинъ изъ любимѣйшихъ и почтеннѣйшихъ боговъ у древнихъ, а найпаче Римлянъ. Онъ долженствовалъ остерегать отъ несчастливаго приключенія тѣхъ, кои ходили для увеселенія и прогулки въ рощи, какъ о томъ Плиній въ нѣкоторомъ къ Рутилу письмѣ упоминаетъ. Первой *Сильвану* поставилъ капище Меценатъ, жившій во время Августа Императора, который паче прочихъ Римлянъ крайній былъ охотникъ учреждать пиршества и столы въ рощахъ. Оное капище имѣлось въ первойна-

десятѣ части на площади *Венериной*, подлѣ жертвенника *Мурцги*; и при Антоникѣ набожномѣ отѣ великаго землетрясенія, коимѣ премногія строенія испровержены вѣ Римѣ, пало и разрушилось.

ЮГАТИНѣ былѣ богѣ супружныхѣ лицѣ; званіе его вѣ томѣ состояло, что ѣ любовь, которую вѣ младыхѣ лѣтахѣ супружныя лица взаимно другѣ кѣ другу имѣли, даже до старости была не поколебима. Удивительно было зрѣть, коль ревностно сего бога почитали новобрачныя жёны, и какія во храмѣ его дары приносили! Что имѣлѣ сей богѣ капище, о томѣ явствуетѣ изѣ Светонія Транквилла; но кто оное создалѣ, ни гдѣ я не нахожу, кромѣ того, что Еліогабалѣ Императорѣ, по повѣствованію Елія Спарціана, во храмѣ *Югатиновомѣ* великое нашелѣ сокровище, которое все безѣ остатка употребилѣ на военныя надобности.

БАХУСѣ былѣ божествомѣ пьяницѣ. Праздникѣ его обыкновенно совершался вѣ Римѣ отѣ людей крайнѣ безчувственныхѣ; которые, ежели примѣтили между собою кого хотя мало скромнѣйшаго и не вовсе съума сшедшаго, тотчасѣ выгоняли изѣ капища, и опредѣляли на его мѣсто другаго винопійцу. Капище *Бахусово* было вѣ десятой части на лугахѣ, называемыхѣ Бакханальскими, за городомѣ на пути Саларійскомѣ, подлѣ жертвенниковѣ богини *Фебры*. Сіе капище отѣ Галловѣ, при Камиллѣ державшихѣ во осадѣ Римѣ, устроено.

Богиня ФЕБРА попеченіе имѣла о горячкахѣ и лихорадкахѣ; и вѣ Римѣ обыкновенно тѣ, коимѣ болѣзнь сія приключалась, тотѣчасѣ богинѣ *Фебрѣ* приносили жертву. Она не имѣла капища,

пища, но истуканъ ея былъ во храмѣ, называемомъ ПАНТЕОНЪ, сирѣчь общій соборъ всѣхъ боговъ; тамъ ей жертвы совершали.

ПАВОРЪ былъ богъ страха, и его званіе, истреблять изъ сердецъ у римлянъ страхъ, и придавать имъ противо непріятелей великое мужество и смѣлость. Капище его въ Римѣ было въ шестой части на площади Мамуріи, подлѣ старой Капитоліи; и во всякое время, когда ни случалось имъ имѣть враговъ и непріятелей, немедлѣнно въ томъ мѣстѣ жертвоприношеніе творили. Тамъ стояла статуя Сципіона Африканскаго литая изъ чистаго серебра, которую посвятилъ онъ послѣ торжествованія о побѣдѣ и взятіи Карѳагена.

МЕРЕТРИКСЪ была богиня блудницъ; и какъ П. Викторъ повѣствуетъ, въ Римѣ сорокъ четыре любодѣйничьи слободы имѣлись, и посреди оныхъ стояло капище сея богини. Во время царствованія Анка Марція, четвертаго изъ семи прежнихъ Римскихъ Королей, была въ Римѣ блудница, природою Ларентинка, которая превосходной ради красоты лица, блудодѣйнымъ промысломъ скопивши многія богатства, при смерти своей въ завѣщаніи все безъ изъятія отписала въ наслѣдство Римскому народу; и такъ Римляне въ память толикаго благодѣянія, создали храмъ, и богинею всѣхъ блудницъ ее учинили.

КЛОАЦИНА была богиня нужниковъ, и опредѣленныхъ ко испражненію мѣстъ. Помощи у нее просили тѣ, которые страдали коликою, чтобъ пособляла очищенію желудка. КВІЕСЪ была богиня утѣхъ и веселія, которой Римляне великолѣпно жертвовали, чтобъ покой и прохладу, а найпаче, во время торжественнаго празднованія

вѣ Римѣ, сердцамѣ ихѣ даровала; и многїе дары вѣ капищѣ ея приносили, умоляя, дабы оную радость и славу вѣчными учинила. Сей богинѣ Нума Помпилїй, вторый Король Римскїй, поставилѣ капище за городомѣ, намѣревая тѣмѣ показать, что человѣкѣ, доколѣ вѣ настоящей пребываетѣ жизни, спокойствїемѣ наслаждаться не можетѣ.

ТЕАТРИКА богиня пеклась о позорищныхѣ театрахѣ вѣ то время, когда Римляне публичными забавлялися играми. Кѣ изобрѣтенїю сея богини подало причину слѣдующее: Римляне для представленїя комедїй, или травли звѣрей, толь великїе и пространные устроивали театры, что по двадцати тысячь человѣкѣ вѣ верьхнихѣ, и по толикомужѣ числу вѣ нижнихѣ ложахѣ смотрящаго игрѣ народа вмѣщалось; по чему нѣсколько разѣ треснувѣ отѣ чрезвычайной тяжести перекладныя брѣвна, нижнихѣ зрителей задавляли: и такѣ увеселительныя игры перемѣнялися вѣ плачѣ, и тѣ, кои пришли на умерщвленїе звѣрей, сами на театрахѣ бездушны лежали. Чего ради Римляне, будучи во всемѣ осторожны, опредѣлили жертвовать богинѣ *Театрикѣ*, дабы она отѣ опаснаго на позорищахѣ приключенїя ихѣ спасала; и вѣ девятой части вѣ слободѣ Корнелїевѣ подлѣ Фабїанскаго блудодѣйнаго дому создали ей капище, которое Домитїанѣ вторыйнадесятѣ Императорѣ Римскїй разорилѣ для того, что вѣ присутствїи его на играхѣ упадши театрѣ, много подавилѣ народа; и понеже богиня *Театрика* не берегла театра, то Императорѣ повелѣлѣ испровергнуть храмѣ ея.

Можетѣ

Можетъ быть сіе тѣмъ, кои мало читывали, покажется баснями и выдумкой: но пусть лишъ только прочтутъ Цицероновы книги о природѣ боговъ, Іоанна Бокаттія о родословіи боговъ, Поллїона о древнихъ богахъ, и Святаго Августина перьвуюнадесять и девятуюнадесять о градѣ Божіемъ; то еще и сихъ больше найдутъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯНАДЕСЯТЬ.

Тиверій знаменитый мужъ, возведенъ на Императорской престолъ по той единственно причинѣ, что былъ истинный Христіянинъ.

Тиверій Константинъ, пятидесятый Императоръ Римскій, возшелъ на престолъ послѣ Іустина меньшаго. Сей Іустинъ былъ Государь весьма злонравной, и какъ Павелъ діаконъ въ книгѣ осмойнадесять упоминаетъ, презрѣтель убогихъ, грабитель богатыхъ, крайнѣ старателенъ въ собираніи сокровищъ, и чрезвычайно скупъ въ употребленіи оныхъ. Ибо, по словамъ Ювенала въ четвертойнадесять Сатирѣ, сребролюбецъ не разсуждаетъ, „ коликая глупость и „ развратъ, жить для того бѣдно, чтобъ умереть „ богатымъ, „

Симъ Императоромъ толь неистовая обладала жадность, что повелѣлъ желѣзные сковать сундуки, и въ чертогахъ своихъ поставить, въ которыхъ похищаемые таланты собиралъ и пряталъ; чему никто дивиться не долженъ. Ибо, какъ Сенека говоритъ, сребролюбивые Государи, не токмо подданныхъ своихъ, но и самихъ себя подозрѣваютъ и опасаются.

ВЪ то время церьковь весьма заразилась Пелагїанскою ересью, коея безчастный сей Императоръ Іустинъ былъ начальникъ и покровитель; такъ, что себѣ собиралъ богатства, а сатанѣ прїобрѣталъ души человѣческія. Ибо тѣ, кои вовсе лишились благодати Божїей, не токмо себя сатанѣ порабощаютъ; но и о прїумноженїи корысти аду усердно пекутся.

А какъ многїе и тяжкїе бываютъ человѣческїе грѣхи, и судьбы Божїя суть скрыты и непостижимы; и поелику ежечасно гдѣ милосердїе его души спасти восхощетъ, тамъ правосудїе наказать тѣла опредѣляетъ; то по усмотрѣнїю Всевышняго, что чѣмъ далѣе онъ продолжался, тѣмъ жесточайшїй умножается ему судъ, нечаянно безъ всякаго предварительнаго знака болѣзни Іустинъ, потерявъ смыслъ, сдѣлался безумнымъ. Сей толь незапной случай, навелъ великой на Римлянъ страхъ. Ибо по той причинѣ, что Государь впалъ въ поврежденїе ума, Римская имперїя онѣмѣвъ въ молчанїи пребывала. Въ протчемъ, толикое Императора восхитило неистовство, что одинъ и тотъ же день, и жизнь и безумїе его окончилъ. Понеже болѣзней, насылаемыхъ на Государей отъ Бога, и происходящихъ не отъ замѣшательства и порчи тѣлесныхъ влагъ, но отъ развращенныхъ нравовъ, ни какой врачъ исцѣлить, и ни какое лѣкарство уврачевать не можетъ.

Римляне видя, что Императоръ ихъ за грѣхи, праведнымъ судомъ Божїимъ, впалъ въ неисцѣльное ума лишенїе, вознамѣрились избрать достойнаго и искуснаго мужа, коемубъ вручить правленїе государства. Ибо вящшаго труда и мудрости надобно, смотрѣть за чужимъ добромъ, не-

желли

жели собственное наблюдать домостроительство. И такъ опредѣлилъ жребїй знаменитаго мужа, Тиверїя именемъ, человѣка по истиннѣ цѣломудреннаго, справедливаго, искуснаго, мудраго, тщаливаго, милосердаго, щедролюбиваго, правосуднаго, побѣдоноснаго, и, что все сїе превосходитъ. существеннѣйшаго Христїянина. И по истиннѣ не за малое счастїе почесть должно, ежели Государь истинный христїянинъ бываетъ. Ибо нѣтъ благополучнѣе государства, какъ то, коимъ Государь, или намѣстный вельможа, имѣющїе непорочную совѣсть, правительствуютъ. И дабы не явилось въ немъ недостатка каковой либо изъ требуемыхъ отъ благонравнаго Государя добродѣтелей; былъ страшенъ многимъ, а любезенъ всѣмъ: что не малой цѣны стоитъ. Ибо величайшее есть украшенїе Государямъ; быть любимымъ за прїятное обхожденїе, и страшнымъ за равновѣсное правосудїе.

Была же супруга Императора Іустина Софїя Императрица, Героиня красная и мудрая; и что до собственнаго ея лица касалось, добрую имѣла о себѣ славу: которая вещь всего лутче. Ибо женскому полу во всю жизнь ни чего прилѣжнѣе остерегаться не должно, какъ чтобъ не подали причины, говорить о себѣ худо. Не избѣгла однакожъ она порока сребролюбїя, поелику чрезвычайно трудилася собирая богатства, и безмѣрно тѣшилась зря и храня сокровища; въ употребленїи же оныхъ сугубою (какъ обыкновенно дѣлаютъ скупые) терзалася досадой. Понеже сребролюбцы утрату жизни ни во что вмѣняютъ, только бы расло богатство.

Въ прочемъ, Тиверїй Константинъ, по воспрїятїи правленїя Имперїи, видя неисчетное богатство

гатство Софіи Императрицы, отнялъ у нее, и лутче желая употребить оное въ общую пользу, нежели самому себѣ пріобрѣтать сокровища, въ томъ единственно упражнялся, что строилъ обители, учреждалъ страннопріемные домы, надѣлялъ сиротъ, и выкупалъ плѣнныхъ. Ибо, ежели сказать по Христіянству, остающійся отъ употребленія нашего избытокъ на благочестное щедролюбіе расточать должно. На конецъ, сей благочестивѣйшій Государь, все то, что Христіянскому Государю, а не тиранну прилично, дѣлалъ. Ибо тиранну свойственно есть, чужія похищать сокровища, и оныя по томъ расточать на свои прихоти. Когда же сіи богатства, единому собранныя, Тиверій раздѣлялъ многимъ; то Императрица Софія, видя, что Іустинъ пораженъ безуміемъ, и ей нельзя уже грабить подданныхъ и обнажать богатыхъ; а Тиверій безъ пощадѣнія расточаетъ ея сокровища; отъ части удовольствованія ради скорбящаго сердца, а отъ части для испытанія, не возмо жноль со временемъ какой учинить помощи, нѣкоторымъ днемъ призвавъ къ себѣ Тиверія, говорила ему наединѣ слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

Рѣчь Софіи Императрицы говоренная къ Тиверію Констаптину, соучастнику Императорскаго правленія, которая заключаетъ въ себѣ единственной выговоръ и порицаніе, яко бы за безмѣрную его въ росточеніи государственной казны тароватость.

„ Я чаю, Тиверій, приходитъ тебѣ на память, „ что во время пребыванія твоего въ Алексан- „ дріи,

„ дрїи, ты никогда не думалъ, чтобъ Іустиновымъ намѣстникомъ и Имперїи правителемъ
„ быть удостоился: а хотя бы о томъ и найпаче помышлялъ, достигать однакожъ онаго
„ никогда не мыслилъ: ибо ты человѣкъ разумной; а мудрый мужъ, поколику счастїе его
„ больше или меньше возноситъ, потолику и
„ себя и замыслы свои или обуздываетъ или
„ ослабляетъ. Напротивъ того тѣ, кои имѣя
„ вѣтреной разумъ, и полагаясь токмо на крѣпость тѣлесныхъ силъ, хотятъ достигнуть
„ счастїя; въ непрерывной тоскѣ и горести
„ жизнь провождаютъ. Ибо ни что такъ не сокращаетъ жизни, какъ льщенїе суетной надежды. И понеже былъ ты таковъ, каковъ былъ
„ въ тогдашнее время, и въ великой находился
„ у супруга моего Іустина милости; то требовалъ тебя народъ, избралъ Сенатъ, приговорило воинство, и вся Имперїя о избранїи твоемъ веселилася: что не за малое счастїе почитать должно. Ибо воли всѣхъ въ избранїи
„ единаго рѣдко согласны бываютъ."

„ Да и мнѣ, Тиверїй, что за болѣзнїю Императорскою препоручили тебѣ правленїе государства, вѣрь, не было противно: а хотя бы я и
„ другаго, нежели въ какомъ была, мнѣнїя держалася, то заподлинно вѣдай, что ни пособлялабъ и
„ не препятствовалабъ твоему избранїю. Ибо мы
„ женщины толь мало важности и силы имѣемъ,
„ что полезнѣе бываетъ намъ соглашаться на
„ чужое какое нибудь мнѣнїе; нежели собственный, хотя бы и самый справедливѣйшїй, защищать голосъ. Когда же на толь высокой
„ степень возвело тебя счастїе; то прилѣжно
„ прошу, совѣтую и увѣщаваю, поступки свои

„ на

„ на ономъ учреждать со умѣренностію. Ибо къ „ достиженію чести довольно и тѣлеснаго поту; „ но къ сохраненію ея потребно крововыхъ „ сердечныхъ каплель. „

„ Не безъизвѣстно тебѣ, что при Царскихъ „ дворахъ не рѣдко большую власть, преимуще- „ ство, честь и богатство, происками паче и „ ласкательствомъ, нежели чрезъ достоинство „ заслугъ получаютъ; сіе ежечасно попускаетъ „ Богъ, дабы глазамъ нашимъ представилось „ гнусное низпаденіе тѣхъ, коихъ до того „ времени пышное возвышало счастіе. Ты „ мущина; а я женщина; я тебѣ приписую „ мудрость; а съ моей стороны полагаю долго- „ временное искусство. Не спорю, что ты много „ видалъ приключеній; но и я превеликое мно- „ жество оныхъ видала въ жизни. Въ достовѣр- „ ность чего сказываю, что подобные тебѣ му- „ жи при Царскихъ дворахъ двоякимъ образомъ „ теряютъ свое счастіе; во перьвыхъ, когда меч- „ тая о великомъ своемъ достоинствѣ и заслу- „ гахъ, думаютъ, что они въ малой силѣ и по- „ чтеніи находятся; ибо гордыя мысли вле- „ кутъ за собою непрерывное смущеніе духа. Во „ вторыхъ, когда одинъ нѣкто желаетъ имѣть „ въ своемъ повелѣніи Императора и Имперію: „ что получить всего трудняе. А хотя бы кому „ и найпаче удалось; однако достиженіе сего бу- „ детъ ему стоить многихъ трудовъ, а храненіе „ великихъ бѣдствій; и при всемъ томъ оное въ „ краткомъ времени исчезнетъ. Ибо въ чрезвы- „ чайной дружбѣ и обхожденіи Государей, статься „ ся не возможно, чтобъ счастіе надолго оста- „ лось постоянно.

„ Хотя

„ Хотя ты мудръ и разуменъ; однакожъ я „ тебѣ предписываю, всегда употреблять чужїе „ совѣты; а найпаче въ дѣлахъ касающихся до „ правленїя. Ибо великая разность, умѣть бла- „ гочинно повелѣвать, и умѣть повиноваться; „ для того что послѣднее изъ сихъ отъ здрава- „ го разсудка и добронравїя происходитъ; а пер- „ вому неинако, точїю долговременнымъ опытомъ „ научиться можно.

„ И такъ, непрестанно храни сїе правило: „ сирѣчь, не дерзай производить въ дѣйство вла- „ стїю, чего достигнуть можешъ прошенїемъ. „ Ибо повелѣнїе страшнымъ, а ласковость лю- „ безнымъ тебя сдѣлаетъ.

„ Обрѣтающимся при Царскихъ дворахъ весь- „ ма прискорбно бываетъ, что они мало силы, „ мало достатка, мало почтенїя и мало успѣ- „ ховъ имѣютъ. Ибо видящїй себя въ презрѣнїи, „ ослабѣвъ унываетъ. На противъ чего великихъ „ Царскихъ друговъ погубляетъ то, что они „ будучи многосильны и многовластны, гораздо „ болѣе на могуществѣ, нежели на мудрости; и „ на власти, нежели на справедливости утвер- „ ждаются. Ибо тотъ, который все въ государ- „ ствѣ располагаетъ по собственному прихотѣ- „ нїю; не можетъ долго пользоваться Царскою „ дружбою.

„ Говорю я сїе на тотъ конецъ, дабы ты „ зналъ, что поколику я весьма удивляюсь тво- „ ей премудрости, потолику терпѣнїе мое ос- „ лабѣваетъ, зря, что ты сокровища, отъ Іу- „ стина съ премногимъ трудомъ собранныя, и съ „ великимъ попеченїемъ донесь хранимыя, ны- „ нѣ толь не осторожно расточаешъ; чему ди- „ виться ты не долженъ. Ибо никому, сколь-

„ кобъ онъ терпѣливъ ни былъ, безъ огорченія „ видѣть не можно; естьли пожитки, крайнимъ „ трудомъ отъ него пріобрѣтенные, чужая рука „ нещадно разсыпаетъ.

„ Вѣдай, Тиверій, что въ скоромъ времени, „ ни на сбереженіе, ни на вспомоществованіе другимъ, казны не станетъ; а сего то самаго случая при царскихъ дворахъ не бываетъ ни чего „ опаснѣе. Ибо слухъ изобильнаго богатства, „ устрашаетъ и покоряетъ непріятелей Государю; чего ради необходимо надобно ему отмѣнною добродѣтеліею, и купно богатствомъ быть „ одаренну. Ибо они перьвою управляютъ подданныхъ, а другимъ укрощаютъ иноземныхъ. И какъ „ самому Государю надлежитъ быть не убогу, „ такъ и Государству его въ богатствѣ изобильну. Понеже отъ безмѣрной скудости подданныхъ многія происходятъ въ гражданахъ неустройства. На противъ того ежели Государство снабдѣно сокровищами и изобильно богатствомъ, Государю убожества не весьма опасаться должно. Подлинно я не спорю, что надѣлять убогихъ и помогать нищимъ, есть „ доброе дѣло; но купно говорю, что никто не „ обязанъ принужденно раздавать приватнымъ „ людямъ деньги, которыя для общей хранятся „ пользы. Ибо Государь, черезъ чуръ тароватo „ раздавая собственное, часто доходитъ до того, „ что самъ напослѣдокъ принужденъ бываетъ въ „ похищеніи чужаго сдѣлаться тиранномъ.

„ Повѣрь мнѣ, Тиверій, что мало сыщешъ Государей, незараженныхъ или гордостію, или „ тщеславіемъ, или сластолюбіемъ. Ибо юность, „ безженство, вольность и богатство, суть жесточайшіе непріятели честной жизни. Я не-

„ говорю , будто бы всѣ Государи были худые ,
„ однако утверждаю, что не много добрыхъ
„ имѣлось; чего ради тѣхъ, кои или прежде бы-
„ ли, или нынѣ есть добродѣтельные, по толи-
„ ку съ вящимъ подобострастіемъ почитать
„ должно. Ибо не могутъ иныя времена счастли-
„ выми назваться, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ до-
„ бродѣтельные царствовали Государи.

„ Вѣдай, Тиверій, что многіе Государи, добро-
„ нравные и одаренные здравымъ разумомъ пре-
„ вратилися въ тиранновъ, по той токмо при-
„ чинѣ, что пришли въ убожество. Ибо высо-
„ комысленный духъ, побѣжденный недостатка-
„ ми и нищетою, безъ уваженія все дѣлаетъ на
„ удачу. Въ прочемъ утверждаю я и то, что
„ когда Государи отъ чрезвычайнаго недостат-
„ ка дѣлаются тираннами ; не меньше и отъ
„ излишняго богатства впадаютъ въ пороки;
„ и въ семъ случаѣ изъ самыхъ сластолюбій по-
„ черпаютъ себѣ наказаніе. Ибо роскоши толь
„ бесполезны , что никакого плода изъ своея
„ пріятности получить не дозволяютъ.

„ Сего ради нынѣ тебя вопрошаю : что луч-
„ ше, или справедливѣе сказать, что изъ двухъ
„ вредностей легче, Государь убогой купно и
„ тираннъ , или вмѣстѣ богатой и злонрав-
„ ной? Истинно, по моему мнѣнію, лутче быть
„ ему злонравну и богату, нежели убогу и ти-
„ ранну. Ибо вредъ отъ пороковъ ни къ кому
„ болѣе, кромѣ самаго его; но польза отъ бо-
„ гатствъ ко всему народу простираться будетъ.
„ Естьли же онъ убогъ и тираннъ ; подлинно ,
„ тиранствомъ своимъ повредитъ многихъ, но
„ убожествомъ ни кого не воспользуетъ : для
„ того что убогой Государь, ни богатыхъ награ-

 „ ждать,

„ ждать, ни бѣднымъ пособлять не можетъ. Ко-
„ нечно, гораздо и обществу полезнѣе, и под-
„ даннымъ сноснѣе, имѣть злонравнаго человѣка,
„ но добраго Государя; нежели худаго Государя,
„ и добраго человѣка. Ибо, по мнѣнію Платоно-
„ ву, (говорю я сіе для вящшей твердости
„ словъ моихъ) Аѳиняне справедливо дѣлали,
„ лучше полезныхъ обществу, нежели добродѣ-
„ тельныхъ избирая Государей; напротивъ того
„ Лакедемоняне ошиблись, кои добродѣтельныхъ
„ Государей полезнымъ предпочитали.

„ И такъ можешъ усмотрѣть, Тиверій, что
„ къ безопасности и пользѣ государственной
„ лучше служитъ, естьли Государи богатства-
„ ми и казной изобилуютъ, которыми могутъ
„ они довольствовать служителей; нежели ко-
„ гда по причинѣ убожества къ грабленію и
„ отягощенію подданныхъ поборами будутъ имѣть
„ поводъ. Ибо скудость Государей, есть корень
„ и гнѣздо тягостныхъ налоговъ и даней.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Отвѣтъ Тиверіевъ къ Софіи Императрицѣ, которымъ доказываетъ онъ, что Государи для прославленія своего, не должны собирать богатства; послѣ чего приложена исторія, какимъ образомъ Богъ Тиверію, истиннаго ради христіянства его, открылъ закопанное въ чертогахъ великое сокровище.

Сію увѣщательную Императрицы Софіи рѣчь Тиверій принялъ съ крайнимъ великодушіемъ, и съ должнымъ почтеніемъ пріятно и учтиво отвѣтствовалъ ей слѣдующими словами: „ Го-
„ воренное

„ воренное вами, ПресвѢтлѢйшая Императрица,
„ я слышалЪ, и увѢщанія Ваши пріемля, за сообщенной мнѢ совѢтЪ приношу особливое мое
„ благодареніе, и тѢмЪ вящшее, чѢмЪ Ваше Величество вЪ подаваніи онаго пространнѢйшій
„ и отборнѢйшій употребили родЪ слова, Поне-
„ же часто больные брезгуютЪ кушаньемЪ не для
„ того, яко бы оное было не хорошо, но что не
„ искусно состряпано.

„ Я желаю, чтобЪ даровалЪ мнѢ безсмертный БогЪ толикое вЪ исполненіи всего того
„ постоянство, коликимЪ Вы одарены изобиліемЪ и красотою слова: что же я вЪ томЪ
„ сомнѢваюсь, ни мало Вы дивиться недолжны;
„ потому что мы обыкновенно добродѢтели сЪ
„ крайнею горячностію похваляемЪ, но самимЪ
„ дѢломЪ оныя творимЪ сЪ великою холодностію.
„ ОднакожЪ наблюдая вЪ словахЪ скромность и
„ почтеніе, каковымЪ я такой и толикой ГероинѢ долженЪ, на всякой пунктЪ рѢчи Вашей
„ порознь отвѢчать буду. Ибо, ежели Вы о дѢлахЪ моихЪ изЪяснили свои мысли; самая справедливость требуетЪ, чтобЪ и я равномѢрно
„ о вашихЪ словахЪ открылЪ мое понятіе.

„ Вы сказали, что во время пребыванія моего вЪ Александріи, вЪ Іустиновы намѢстники
„ и государственные правители удостоеннымЪ
„ быть я никогда не думалЪ, и не токмо заслужить, но и достигать онаго никогда не мыслилЪ. На сіе отвѢтствую, что ежели я
„ тогда власти разума повиновался; то и о заслуживаніи онаго достоинства, а не токмо о
„ достиженіи толь высокаго степени, вчинать
„ замысловЪ мнѢ не слѢдовало. Ибо рѢдкіе высочайшій достоинства и чести степень заслу-

„ живаютъ чрезъ добродѣтель; а еще гораздо
„ рѣже сыскивается такихъ, которые и по до-
„ стоинству своихъ заслугъ онаго достигаютъ.
„ Естьли же въ семъ случаѣ позволено утверж-
„ даться на однихъ чувственныхъ воображенїяхъ;
„ то увѣряю васъ, Августѣйшая Императрица,
„ что я не токмо о заслуживанїи мыслилъ, но
„ и получить оное имѣлъ надежду; чему ни ма-
„ ло удивляться вы недолжны. Понеже обыкно-
„ венно, чѣмъ меньше кто имѣетъ заслугъ и
„ достоинства, тѣмъ больше о себѣ думаетъ и
„ уповаетъ.

„ Что показался я Вамъ человѣкъ мудростїю
„ одаренный, понеже уздою разума нестройныя
„ укрощалъ похоти, отвѣтствую: Вы мудрость
„ мою или въ собственныхъ, или въ посторон-
„ нихъ дѣлахъ примѣтили; естьли въ чужихъ,
„ то поелику оно мнѣ нестоило ни какихъ иж-
„ дивенїй, я всегда любилъ правду.„ Ибо нѣтъ
„ ни одного, толь злонравнаго человѣка, который
„ бы чужимъ кошелькомъ не желалъ прїобрѣсть
„ себѣ имя щедролюбиваго. Буде же изъ соб-
„ ственныхъ дѣлъ меня такимъ признали; то
„ опасайтесь, чтобъ Вы, Государыня, легкомы-
„ сленно не обманулися. Ибо вѣдайте, что
„ нѣтъ никого, столь или мудраго, или справед-
„ ливаго, или правосуднаго, котораго бъ не пре-
„ обращало стремленїе собственныя пользы и ко-
„ рысти.

„ Вы говорите, что мужи, кои высокоум-
„ ствуя, подлое имѣютъ счастїе, въ беспрерыв-
„ ной бѣдности жизнь свою провождаютъ. По-
„ длинно, сїе такъ есть, какъ Вы сказали; но
„ понеже члены тѣлесные, суть орудїя духа,
„ то по моему мнѣнїю, необходимо надобно

„ имѣть

„ имѣть проницательныя и высокопарныя мысли,
„ дабы человѣческой родъ не ослабѣвалъ въ своей
„ тщаливости. Ибо Александръ, Пирръ, Іулій
„ Цесарь, Сципіонъ и Аннибалъ, ни когда бы толь
„ сильными Государями и знаменитыми полковод-
„ цами не сдѣлались, ежелибъ не простирали
„ въ высоту своихъ мыслей. Повѣрь мнѣ, Госуда-
„ рыня; не замысловъ высокость, ниже благо-
„ родство духа, ни бодрость и отважность сѣрд-
„ ца; но глупое предпріятіе, упрямое продол-
„ женіе, и неосторожное совершеніе дѣлъ, со-
„ пряженныя съ смятеніями и несогласіемъ, лю-
„ дей погубляютъ. Слѣдовательно, превосход-
„ ныхъ качествъ мужи, въ начинаніи трудныхъ
„ дѣлъ не къ тому, что имъ благородная мысль
„ представляетъ; но чего разумъ и справедли-
„ вость требуетъ, силы свои напрягать дол-
„ жны.

„ Вы удивляетесь зря, что съ толикимъ по-
„ печеніемъ Вами и Іустиномъ собранныя сокро-
„ вища, я толь не бережливо расточаю. На
„ сіе отвѣтствую, что чрезъ многіе годы нако-
„ пленныхъ денегъ единодневному расточенію ни
„ мало дивиться не должно. Ибо закопанныя въ
„ землѣ сокровища достойны суть того древня-
„ го проклятія, которое Епименидъ слѣдующи-
„ ми изобразилъ словами:

Тщаніемъ сребролюбца накопленные таланты, сластолюбиваго наслѣдника тарованая разсыплетъ десница.

„ Вы говорите, что отъ чинимаго мною иж-
„ дивенія вскорѣ ничего не останется, и нечѣмъ
„ другихъ надѣлять, нечего употреблять, и не
„ чѣмъ жить будетъ. На сіе отвѣтствую: ежели
„ бы Вы, Государыня, съ толикимъ попеченіемъ

„ старалися помогать бѣднымъ, съ коликою „ ревностїю сами вы и Іустинъ тщились огра- „ блять богатыхъ; то конечно вы жаловаться, „ а я дѣло мое охуждать, справедливую имѣли „ бы причину. Но доселѣ ни чего мы болѣе не „ видали, кромѣ что старанїемъ вашимъ многїе „ изъ богатыхъ въ нищету приведены, и тѣмъ „ еще хуже и жалостнѣе, что вамъ и на мысль „ не всходило выстроить симъ бѣднымъ для „ убѣжища хотя прокормительную богадѣльню.

„ Потребны, сказываете вы, Государямъ мно- „ гїя сокровища для вооруженїя себя противо „ непрїятелей. Въ томъ я не спорю, что Го- „ сударямъ, ежели они гордые, вѣтреные, не- „ спокойные, и жадные на чужїя царства, под- „ линно многочисленная казна, удовольствованїя „ ради несытыхъ желанїй, надобна. Ибо тираннъ „ единственно къ тому только предмѣту, „ чтобъ законнымъ ли или несправедливымъ об- „ разомъ набогатить себя, стремится. Естьли „ же напротивъ того любитъ онъ спокойствїе „ и добродѣтель; ежели воздерженъ, скроменъ, и „ на чужее добро не алченъ или въ самомъ дѣлѣ „ есть, или быть желаетъ; то на что такому „ Государю много сокровищъ? Ибо самую сущую „ говорю истинну, что при царскихъ дворахъ „ чаще изобилїе, нежели недостатокъ богатствъ „ къ порокамъ дѣлаетъ поводъ.

„ Я не стану углубляться въ даль, и сы- „ скивать во отвѣтъ доказательства, любя паче „ исполнять дѣломъ, нежели говорить языкомъ. „ И такъ въ заключенїе говорю: нѣтъ ни одного „ Государя, который бы столько иждилъ на до- „ бродѣтели, чтобъ не могъ иждивать больше. „ Нѣтъ говорю, ни одного Государя, который бы

„ обни-

„ обнищалъ дѣлая потребное токмо иждивенїе ;
„ но растачая и употребляя сокровища на дѣла
„ ненужныя. И ежели Государь на подаянїе ми-
„ лостыни нищимъ , и на искупленїе плѣнныхъ
„ щедроты свои изливаетъ ; то можетъ онъ
„ безъ малѣйшаго сомнѣнїя быть благонадеженъ,
„ что онъ того не токмо убоже не будетъ, но
„ еще усугубится его богатство. Ибо Христїя-
„ ская вѣра предписываетъ слѣдующее правило ;
„ что Богъ единымъ днемъ воздастъ рабамъ сво-
„ имъ вящше, нежели они чрезъ двантцать лѣтъ
„ во славу его употребить могутъ.

Въ прочемъ , да возвратится слово на прежнее мѣсто , Императоръ Іустинъ царствовавъ одиннатцать лѣтъ , въ безумїи и заблужденїи Пелагїанской ереси , къ радостному всея Римскїя Имперїи желанїю скончался ; коего смерть не меньше вожделѣнна , какъ и жизнь всѣмъ была ненавистна. Ибо мучительный Государь , который за живота своего многихъ принудилъ плакать , умирая тѣмъ же самимъ людямъ радоваться и смѣяться подаетъ причину.

По смерти Іустина Тиверїй Константинъ воспрїялъ Императорской престолъ , коимъ правительствовалъ толь премудро и правосудно , что ежели исторїи тѣхъ вѣковъ насъ не обольщаютъ, ни одного кажется предпочесть ему не должно. Ибо въ одномъ Государѣ весьма рѣдко случаются вдругъ такїя добродѣтели , какїя въ немъ, сирѣчь, равномѣрное ко всѣмъ правосудїе , святость житїя , и непорочная совѣсть видимы были. Понеже мало такихъ государей , коибъ не присмотрены были въ каковыхъ либо порокахъ.

Павелъ дїаконъ въ двантцать второй книгѣ о дѣлахъ Римскихъ , случившуюся сему Импера-

 тору,

тору, какъ въ то время удивляющую зрѣніе, такъ и нынѣ достойную памяти вещь повѣствуетъ: въ городѣ Константинополѣ имѣлся пребогатой, и великолѣпнѣйшій Римскихъ Императоровъ домъ, знаменитости и пространству Имперіи приличный, который еще при великомъ Константинѣ строить начали; а по томъ какъ одинъ послѣ другаго, то добродѣтельные, то злонравные наступали Императоры, такъ и во ономъ зданіи или умалялось, или прибавлялось чертоговъ. Ибо похвальныхъ Государей званіе, искореняя и истребляя изъ государства многіе пороки, преславными отечество украшать зданіями.

Въ прочемъ Тиверій, какъ выше объявлено, на искупленіе плѣнныхъ, построеніе публичныхъ страннопріимницъ, созиданіе монастырей, и снабдѣніе бѣдныхъ сиротъ, издержавъ многочисленную казну, отъ чрезвычайнаго въ сихъ обстоятельствахъ расточенія дошелъ даже до того, что не осталось уже почти и на столъ царской: которое убожество было блаженно. Ибо православные Государи то только за благоупотребленное считать должны, что во славу Христа они расточили. Однакожъ Императоръ нищеты сея не стыдился, но еще вмѣсто того за честь себѣ поставлялъ оную, досадуя токмо на одно Императрицыно посмѣяніе, которая скудостію его безмѣрно веселилась. Ибо утѣсненному бѣдствіемъ человѣку собственная своя печаль нестоль огорчительна бываетъ, какъ радость смертельнаго врага, который несчастіемъ его утѣшается.

Но промысломъ Божіимъ, который не оставляетъ ни когда обнищавшихъ его ради, Тиверій проха-

прохаживаясь въ нѣкоторой день по чертогамъ, увидѣлъ на полу мраморную плиту, на которой вырѣзанъ былъ крестъ Христа искупителя нашего; чего ради призвавъ одного изъ придворныхъ, повелѣвалъ ему „ *пынь отсюда сей камень, имѣющїй на себѣ изображенїе креста искупителя мїра: ибо недостойно попирать ногами крестъ, которымъ мы отъ непрїятелей лице и грудь нашу ограждаемъ.* „ По снятїи плиты художники, не чая ни чего быть подъ нею, нашли и другую, хитрымъ мастерствомъ вырытой крестъ на себѣ имѣющую; которую вскрывъ, узрѣли и третїй камень со изображенїемъ же креста, равно какъ и первые; а какъ и ту доску вынули изъ ямы, то подъ оною обрѣли уже закопанное великое сокровище, которое простиралось болѣе, нежели тысяща Кентинарїевъ злата. И такъ Тиверїй Константинъ добродѣтельнѣйшїй Императоръ, принося величайшее благодаренїе Богу, паче прежняго оказывалъ свое щедролюбїе. Ибо все оное сокровище раздѣлилъ нищимъ и обителямъ.

Въ сей примѣръ какъ въ зерцало Великїе Государи и Князи смотрѣть должны, вѣруя несомнѣнно, что не надлежитъ имъ опасаться, дабы отъ подаянїя милостыни бѣднымъ въ нищету не впали. Понеже какъ богатой, беззаконнымъ; такъ и убогой, добродѣтельнымъ, никто назваться не можетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Знаменитѣйшїй полководецъ Нарсисъ преславныя на сраженїяхъ одержалъ побѣды, единственно по тому, что былъ истинный Христїянинъ. Показывается при томъ, сколь худо поступила съ нимъ Императрица Софїя; на противъ чего открывается вредъ, какой влечетъ за собою неблагодарность Государей ко своимъ Министрамъ.

Историки повѣствуютъ, и найпаче Павелъ Дїаконъ въ 18 книгѣ о дѣлахъ римскихъ, что по воплощенїи Господнемъ пять сотъ двадесятъ осьмаго года, въ то время, какъ царствовалъ Іустїнїанъ, племянникъ Императору Іустину, предварившему его въ Имперїи; жилъ въ римѣ знаменитый мужъ, именемъ Нарсисъ, природою Грекъ, хотя изъ отрочества воспитанъ въ Италїи, сановитъ ростомъ, веснноватъ лицемъ, и весьма твердъ въ Христїанскомъ благочестїи; что по состоянїю тѣхъ временъ не маловажнымъ почиталось: поелику въ томъ вѣкѣ знатная часть дворянства, и почти всѣ Епископы Арїанской ереси въ Италїи держались. И понеже Нарсисъ былъ въ военныхъ дѣлахъ весьма искусенъ и мужественъ; то поставили его надъ всѣми войсками римскїя имперїи генераломъ. Ибо римляне за особливой предмѣтъ полагали, что ежели возможно было доставить себѣ храбраго и мужественнаго полководца, не жалѣли ни какихъ иждивенїй, хотя бы надлежало за него отвѣсить столько золота, сколько въ немъ самомъ было вѣсу.

Послѣ

Послѣ сего онъ толь знатныя дѣла учинилъ, такїе походы отправилъ, столько покорилъ царей, и толикїя надъ непрїятелями одержалъ побѣды, что римляне въ одномъ Нарсисѣ крѣпость Геркулесову, храбрость Гекторову, великодушїе Александрово, разумъ Пирровъ, и счастїе Сципїоново совокупившимися вмѣстѣ быть признавали. Ибо многїе язычники думали, что какъ тѣла въ жизни сей раздаютъ качества, такъ и души по смерти дарованія свои раздѣляютъ. Въ прочемъ Нарсисъ былъ полководецъ весьма милосердой, въ Христїанской вѣрѣ, непоколебимѣйшїй къ нищимъ, щедролюбивъ къ построенїю новыхъ обителей и къ возобновленїю обетшавшихъ церквей усерднѣйшїй рачитель; чего не можнобъ надѣяться отъ полководца, кои обыкновенно во время войны и безъ важныхъ причинъ испровергаютъ и разоряютъ божественные храмы.

Но всѣ тѣ добродѣтели превышало, всегдашнее хожденїе его въ церьковь, вседневное посѣщенїе странныхъ и болящихъ, и съ пролитїемъ изобильнѣйшихъ слезъ горячее моленїе, ради котораго иногда одинъ ночнымъ временемъ въ церьквахъ оставался; что перьвымъ его дѣламъ ни мало не уступаетъ, да и считать за меньшее никакъ не должно. Ибо въ военное время полководцы больше упражняются на поляхъ убивая соперниковъ, нежели оплакивая грѣхи свои въ церьквѣ. Словомъ: Нарсисъ былъ толь искреннїй Христїянинъ и прилѣженъ въ молитвахъ, что думали, акибы онъ не силою оружїя, но усерднымъ моленїемъ къ Богу получалъ побѣды. Ибо никогда примѣчено не было, чтобъ онъ проливалъ непрїятельскую кровь прежде, пока гдѣ-

либо

либо во храмѣ самъ изобильныхъ слезъ не пролилъ.

А дабы усмотрѣли Христіянскіе Государи, и великихъ войскъ предводители, что лутче могутъ они успѣть, умилостивляя Бога пролитіемъ изобильныхъ и нелицемѣрныхъ слезъ, нежели имѣя тмочисленныя арміи и богатства; то изъ многихъ храбрыхъ дѣлъ сего Героя, здѣсь нѣсколько предложить за благо разсуждаю.

Во время пребыванія Іустиніана Императора въ Александріи, Тотиль Готской король, учиня нападеніе со всѣхъ сторонъ на Италію, разорялъ оную всячески безъ пощады; и Римляне не токмо въ поле выѣжжать не дерзали, но и посреди стѣнъ не могли жить безопасно; потому что Готы днемъ рыскали по полямъ, а ночнымъ временемъ упражнялися въ губительствѣ и грабленіи жителей сельскихъ. О чемъ увѣдомясь Іустиніянъ, послалъ противо ихъ съ высочайшею властію и полномочіемъ Нарсиса, который пришедъ въ Италію, немедлѣнно заключилъ союзъ съ Лонгобардами, имѣвшими тогда жилища свои въ Панноніи, и чрезъ посланниковъ требовалъ отъ Короля ихъ Альбоина вспомогательнаго на Готовъ войска; обѣщая и увѣряя притомъ, что усмотритъ онъ самъ, сколь наблюдаетъ Нарсисъ къ доброхотамъ своимъ вѣрность дружбы, и съ коликимъ свирѣпствомъ мститъ непріятелямъ. Лонгобардской Король Альбоинъ выслушавъ требованія посланниковъ, безмѣрно радовался, и не медля ни мало, тотъ часъ отборными солдатами вооружилъ сильной флотъ, который чрезъ Адріатической заливъ прошелъ въ Италію, такъ скоропостижно, что въ одинъ день вдругъ и отвѣтъ и обѣщанную помощь прислалъ къ

Нарсису.

Нарсису. И такъ оба войска, Лонгобардское и римское, подъ однимъ флагомъ и повелѣніемъ генерала Нарсиса находилось.

Извѣстившись о семъ Король Готской Тотиль, который ни счастія храбраго генерала Нарсиса, ни мужественнаго сердца Лонгобардовъ еще не отвѣдалъ, вызвалъ ихъ самъ дать баталію; сраженіе произведено было на поляхъ Аквилейскихъ, и много съ обоихъ сторонъ послѣдовало урону; но на конецъ побѣжденъ Тотиль, и самъ со всѣмъ войскомъ своимъ наголову побиты. Добродѣтельный Генералъ Нарсисъ получа побѣду, и исполняя заключенной договоръ, пребогато наградилъ Лонгобардское войско, которое съ знатною добычею и побѣдою возвратилося въ Паннонію къ Королю своему Альбоину. И въ семъ случаѣ Нарсисъ хорошо отправилъ свою должность, зная, что нѣтъ такой удовлетворительной цѣны, котороюбъ можно было достойно заплатить другу, жизнь свою за друга опасностямъ подвергающему.

По отшествіи Лонгобардовъ, Нарсисъ всю непріятельскую добычу приказалъ раздѣлить своему воинству; а доставшееся на его долю раздалъ нищимъ и обителямъ. Такимъ преславнымъ дѣйствіемъ пріобрѣлъ себѣ Нарсисъ три имена, сирѣчь: великодушнаго, за награжденіе Лонгобардовъ; щедролюбиваго, за подаяніе во обители и нищимъ; и на конецъ храбрѣйшаго Генерала, побѣжденія ради толь сильнаго и свирѣпаго непріятеля.

Не много спустя потомъ, Ѳеодобертъ Король Франковъ, обрѣтающихся въ Галліи Трансальпинской, Государь младолѣтной, отважной, и чрезмѣрно славолюбивой, хотя обладать Италіею

и не имѣвъ ни какого права, рѣшился однакожъ напасть на оную, въ томъ единственно намѣренїи, чтобъ прославить свое имя. Ибо сердецъ гордостью надменныхъ, совѣсть не тревожитъ, хотя они и безъ справедливой причины войну начинаютъ. Въ прочемъ предпрїятїя его столь неудачливы были, что въ томъ же самой день, въ которой переправился онъ чрезъ рѣку Рубикону; поля Галлскїя отъ Авзонскихъ обывателей разграничивающую, о отложенїи всего царства получилъ извѣстїе. Сїе учинилося не безъ особливаго попущенїя Божескаго: ибо правосудїе Божїе отмщая Государю лишаетъ собственной его державы по достойнству, когда изъ единаго токмо человѣческаго тщеславїя нападаетъ онъ на чужїя царства. Ѳеодобертъ увѣдомясь о томъ, разсуждалъ съ Князьями и вельможами, находившимися въ его свитѣ, и по согласному всѣхъ совѣту опредѣлилъ возвратиться въ Галлїю; а дабы чрезъ то честь его не понесла ущербу, оставить все войско въ Италїи подъ предводительствомъ двухъ генераловъ, Буцеллина и Амнига, намѣренїе принялъ. Ибо лучше Государю правдою оборонять собственное свое государство; нежели насилїемъ отнимать чужое. „

И такъ Буцеллинъ, во перьвыхъ имѣя многочисленную армїю, а при томъ будучи человѣкъ гордой и высокомысленной, со всѣхъ сторонъ Италїю, и найпаче Кампанїю, грабилъ и разорялъ, тѣмъ съ вящшею жестокостїю, что какъ похищаемыхъ пожитковъ, такъ и взятыхъ въ полонъ людей ни подъ какимъ видомъ не возвращалъ ни безденежно, ни отдавалъ на выкупъ; но какъ что ни захватилъ, такъ къ Королю

ролю отсылалъ немедлѣнно; обличая чрезъ то себя, что онъ больший, разбойничать; нежели воевать былъ охотникъ. Когда же оной Буцеллинъ намѣревалъ расположиться въ Кампании со всѣмъ войскомъ своимъ на зимнихъ квартирахъ; то нечаянным Нарсисовымъ приходомъ притѣсненъ, и по жесточайшемъ сраженіи побѣжденъ и убитъ. Другой же полководецъ Галлской Амингъ, по умерщвленіи товарища его Буцеллина, заключилъ съ Готскимъ генераломъ Авиндиномъ союзъ; и оба сіи войска соединенными на Римлянъ стремилися силами: однакожъ Нарсисъ, получа о томъ вѣдомость, произвелъ сраженіе съ ними подлѣ Каепы, и одержавъ побѣду, взялъ обоихъ сихъ генераловъ живыхъ въ полонъ; изъ которыхъ Аминга казнилъ смертію, а Авиндина отослалъ къ Императору Іустиніану въ Константинополь.

Имѣлъ кромѣ того Нарсисъ и другое сраженіе съ Синдуальдомъ Королемъ Брентскимъ, который вошелъ въ Италію съ великимъ войскомъ, подъ претекстомъ отобранія Неаполитанскаго Королевства, утверждая, якобы оное по причинѣ той, что онъ происходилъ отъ колѣна Геруловъ, древнихъ королей того царства, ему принадлежало. Онъ забывъ многія благодѣянія, оказанныя ему отъ Нарсиса, во время пребыванія его въ непоколебимой къ нему вѣрности, захотѣлъ быть самодержавнымъ королемъ въ Италіи; чего ради и отложился не задолго предъ тѣмъ отъ Римлянъ, желая свергнуть съ себя иго повиновенія: чрезъ что въ Италіи загорѣлась между имъ и Нарсисомъ жестокая и долговременная война; и иногда той, а иногда другой сторонѣ побѣждать удавалося. Ибо нѣтъ

ни

ни одного толь счастливаго полководца, которомубъ въ долговременной войнѣ не подвижно счастіе служило.

На последокъ, Синдуальдъ и Нарсисъ условились, въ одинъ день доставить конецъ своимъ намѣреніямъ, и предаться судьбинѣ счастія. И такъ сошлись обоихъ арміи между Вероною и Тридентомъ, гдѣ Нарсисъ побѣдивъ Синдуальда, взялъ въ полонъ, и въ туже ночь приказалъ его на высокомъ бревнѣ повѣсить. Но понеже не привыкъ онъ поступать толь жестоко съ побѣжденными, а найпаче съ королями и знатными людьми; то поверьхъ бруса, къ которому оной былъ прицѣпленъ, велѣлъ выставить надъ нимъ слѣдующаго содержанія надпись: „ сего Короля „ приказалъ Нарсисъ повѣсить, не яко ополчающагося врага на брани; но яко нарушителя и „ измѣнника въ мирѣ. „ Сіи и другія многія на войнахъ счастливый полководецъ Нарсисъ одержалъ побѣды, не токмо на границахъ Италіи, но равно и въ Азіи, которою онъ много лѣтъ правилъ. И поелику былъ онъ военачальникъ истиннаго Христіянства; то во всѣхъ трудахъ его, Христова сила и помощь не отступно съ нимъ пребывала.

По окончаніи всѣхъ сихъ походовъ, Іустинъ младшій пожаловалъ Нарсиса главнымъ въ Константинопольской Имперіи надъ всѣми провинціями Губернаторомъ; который сколь благоразумно поступалъ въ дѣлахъ военныхъ, столь гораздо еще похвальнѣе велъ себя въ правленіи государственномъ. Ибо мужи, понесшіе много трудовъ въ военной службѣ, разумнѣе и порядочнѣе управляютъ подчиненными, нежели другіе неискусившіеся во оной. Чего ради Нарсисъ

всѣхъ

всѣхъ современныхъ ему въ томъ вѣкѣ превосходилъ славою, какъ за храбрость, съ которою на толь многихъ сраженіяхъ одержалъ побѣды; такъ за полученныя имъ въ добычу великія богатства; и на конецъ, власти ради и достоинства, каковы имѣлъ онъ въ правленіи государства.

Но сколько слава и богатства его возрастали, столько противъ него, яко природнаго Грека, многихъ Римлянъ распространялася зависть. Ибо храбрость, достоинство, и богатство, суть ни что иное, какъ токмо зажигательная матерія, распаляющая во многихъ огнь зависти противо одареннаго ими человѣка. И такъ, дошло до того, что многіе изъ знатныхъ Римскихъ персонъ, нѣкоторымъ днемъ пришедъ къ Іустину второму Императору и Императрицѣ Софіи, яко бы для донесенія о нестройномъ Нарсисовомъ правленіи, жаловались на него слѣдующимъ образомъ:

„ Во извѣстіе предлагаемъ Вашимъ Величе-
„ ствамъ, Пресвѣтлѣйшіе Государи, что легче
„ намъ кажется быть рабами Готамъ, нежели
„ Грекамъ. Сіе доносимъ мы для того, понеже
„ Нарсисъ, будучи Евнухъ, и природою Грекъ,
„ распространяетъ власть свою надъ нами,
„ и больше своимъ, нежели Вашимъ, Держав-
„ нѣйшій Императоръ, служеніемъ насъ пора-
„ бощаетъ; и всего хуже, что дѣлаетъ онъ
„ сіе или безъ Вашего свѣденія, или что Ваше
„ Величество, хотя о томъ и извѣстны, воспре-
„ пятствовать не стараетесь. И такъ изъ двухъ
„ одно избрать благоволите; или избавте насъ
„ отъ Греческія власти, или позвольте городу
„ и намъ самимъ отдаться въ подданство Готамъ.
„ Ибо для Римлянъ не столько бесчестно, при-

 „ носить

„ носить повиновенїе знаменитому Государю,
„ нежели раболѣпствовать Евнуху, Греку, да
„ еще и Тиранну.„

Нарсисъ, услыша на себя чинимыя жалобы извинялся во отвѣтъ такимъ образомъ: „Милостивѣйшїй Государь, говорилъ онъ, ежели я „ сдѣлалъ что худо; то статься не возможно, „ чтобъ кто либо и мнѣ добро сдѣлалъ: а буде „ поступалъ я хорошо, то конечно никто и „ самому мнѣ зла и вреда причинить не возможетъ.„

Императрица Софїя, какъ нѣкоторые говорятъ, давно уже его не навидѣла, за то, что онъ былъ Евнухъ; другїе сказываютъ, яко бы за то, что былъ богатъ; а иные утверждаютъ, будто бы за то, что большую, нежели она, имѣлъ власть повелѣвать въ государствѣ. И такъ услыша производимыя жалобы, и получа чрезъ то случай и время къ изъявленїю кроющейся въ сердцѣ своемъ на него злобы, съ крайнимъ бесчестїемъ упрекала ему слѣдующими словами: „Нарсисъ, поелику ты Евнухъ, а не „ мущина, и для того неспособенъ отправлять и „ имѣть на себѣ должность и честь приличную „ мужеску полу; то я приказываю тебѣ итти „ въ пкальную избу, гдѣ ткутъ мои дѣвки, и „ тамъ приготовлять волну, подавать пакли, и „ раздѣлять уроки, работая съ ними вмѣстѣ.„ Сїи слова хотя безмѣрно оскорбили Нарсиса, да и въ самой вещи чрезвычайно язвительны были; однакожъ онъ укрощая стремленїе раздраженнаго сердца, со смиренїемъ отвѣчалъ ей слѣдующее: „лутчебъ Вамъ, Пресвѣтлѣйшая Императрица, ругать меня такъ, какъ великой Госу„ дарынѣ и царской супругѣ прилично; нежели

„ укоряя

„ укоряя бесчестными словами, изъявлять жен-
„ скую слабость. Но понеже, съ коликою вла-
„ стїю Вы повелѣваете, съ толикоюжъ ревно-
„ стїю и я повиноваться долженъ; то иду ны-
„ нѣ начинать такой урокъ, котораго можетъ
„ быть Вы, пока жизнь продолжится, разоткать
„ будете не въ состоянїи. „

По томъ не медля отъѣхалъ въ Италїю, и прибывъ въ Неаполь, древнїй Кампанской городъ, тотъчасъ отправилъ посланниковъ въ Паннонїю къ Лонгобардамъ, имѣвшимъ тамо свое пребыванїе, совѣтуя и увѣщавая оставить неплодную, гористую, студеную и тѣсную землю, и переселиться въ гладкую, плодоносную, благорастворенную, пространную и пребогатую Италїю, которою завладѣть такого, какъ нынѣ, выгоднаго не было никогда случая. Неудовольствуясь тѣмъ Нарсисъ, дабы въ сердцахъ союзниковъ своихъ большую къ тому возбудить охоту и воспламенить желанїе, разныхъ родовъ вещи, коими Италїя изобилуетъ, какъ то: изрядныхъ и быстрыхъ лошадей, хорошаго мастерства збрую, весьма прїятнаго вкуса плоды, крайнѣ чистые металлы, всякаго рода благовонныя мази и ароматы, такожъ шелковыя и различныхъ обрасцовъ шитыя платья, послалъ къ нимъ въ подарокъ.

Посланники, по прибытїи ихъ въ Паннонїю, называемую нынѣ Унгарїя, приняты были радостнымъ образомъ; и Лонгобарды выслушавъ ихъ предложенїе, а при томъ усмотря привезенныя изъ Кампанїи во многомъ числѣ толь богатыя вещи, вознамѣрились покинувъ Паннонїю, ѣхать для завладѣнїя и обитанїя въ толь благополучной землѣ Италїи; хотя оная принадлежала

 Римской

римской Имперіи, и сами они съ римлянами въ дружбѣ и союзѣ находилися. Что же все оное нарушили Лонгобарды, ни мало не дивно. Ибо дружба тамъ совершенною никогда не бываетъ, гдѣ прозьба заключаетъ въ себѣ силу повелѣнія.

Какъ Лонгобарды опредѣлили переселиться въ Италію; то всѣ жители оной явно увидѣли на воздухѣ жестоко сражающіяся между собою огненныя воинства. Сіе необыкновенное знаменіе навело на всѣхъ страхъ и трепетъ; понеже они изъ того предвозвѣщали въ скоромъ времени имѣющее быть великое пролитіе ихъ и непріятельской крови. Ибо издревле примѣчено, что наступленіе жестокаго упадка царствамъ всегда предзнаменуютъ планеты, или стихіи.

И такъ неблагодарность Іустина втораго къ полководцу своему Нарсису, и укорительныя слова Софіи, Лонгобардскаго нападенія на Италію, и всецѣлаго разоренія оной были причиною. Почему въ разсужденіи сего примѣра должны остерегаться державные Государи, чтобъ неоскорблять неблагодарностью своихъ министровъ, оказавшихъ имъ знатныя услуги. Понеже всеобщее есть сіе правило, что неблагодарность за великую услугу подданнаго изъ отчаянія въ неистовство ввергаетъ, и изъ вѣрнаго министра смертельнымъ врагомъ дѣлаетъ. Тѣмъ пускай не льстятъ себя Государи, что министры, поелику суть природные ихъ подданные, давно служатъ при дворѣ, и при томъ всегда наблюдали вѣрность; по той причинѣ не могутъ уж оетложиться и быть непріятельми; ибо помышленія сіи тщетны, и Государь неблагодарный ко своимъ служителямъ не долго можетъ пользо-

ваться вѣрностью и службою добродѣтельнаго человѣка.

Въ прочемъ Іустинъ вторый Императоръ погрѣшилъ противо Нарсиса тѣмъ, чего всякому разумному Государю всѣми мѣрами убѣгать должно; какъ то: клеветъ враговъ его нетокмо слушалъ, но и повѣрилъ онымъ; не токмо же сіе учинилъ, но еще передъ ними посрамивъ привелъ его въ крайнее отчаяніе. Понеже ни одинъ благородный и знатный мужъ бесчестія, а наипаче естьли учинено ему будетъ оное въ присутствіи враговъ его, терпѣливно и безъ огорченія снесть не можетъ.

Не меньшаго порицанія достойна и Императрица Софія, которая преславному генералу Нарсису такими язвительными словами повелѣвала раздѣлять уроки, или подаваніемъ паклей прислуживать ткущимъ: потому что благоразумнымъ Государынямъ не точію непристойно произносить такихъ негодныхъ словъ; но еще раздраженныхъ супруговъ своихъ смягчать гнѣвъ, и на милость преклонять должно.

Послѣ того Нарсисъ, опасаясь Софіи Императрицы, въ Константинополь, гдѣ она жило, возвратиться болѣе уже не осмѣлился; но поѣхавъ изъ Неаполя въ Римъ, съ подобающимъ всякому Христіянину пріобщеніемъ церковныхъ таинствъ, скончался тамо въ лѣто предварившее приходъ Лонгобардовъ въ Италію; тѣло же его положено было въ серебреной ракѣ, осыпанной многими драгоцѣнными камнями, и для погребенія отвезено въ Александрію. Но невозможно изобразить, вящшаяль была печаль, въ которой погружалась вся Азія, видя отшедшаго отъ сея жизни Нарсиса; или радость Императрицы Со-

фіи, которую чувствовала она, взирая на привезенное мертвое его тѣло. Ибо пылающее яростію сердце не успокоится прежде, доколѣ не увидитъ противника своего бездушна.

ГЛАВА СЕДМАЯНАДЕСЯТЬ.

Письмо М. Аврелія къ Сицилійскому Королю, въ которомъ приводя ему на память претерпѣнныя ими во младыхъ лѣтахъ бѣдствія, укоряетъ его за непочитаніе храмовъ, и тѣмъ наипаче, что онъ для распространенія своихъ чертоговъ нѣкоторое разрушилъ капище.

Маркъ Аврелій, Императоръ Римскій, горы Целійской уроженецъ и избранный Трибунъ, Тринакрійскому Королю Корпину здравія и приращенія славы желаетъ.

„ Въ первое государствованія моего лѣто, „ по характеру и обыкновенію Императорскому, „ ко всему обладаемаго тобою острова народу; „ по томъ на другой годъ ко двору и къ фами- „ліи Твоей посланы отъ меня грамоты; а ны- „нѣ пишу я къ Тебѣ самому привапно; вѣдая „ что Государи, хотя надъ многими и простран- „ными господствуютъ царствами, старыхъ од- „накожъ друговъ своихъ сообщенія вовсе оста- „влять не должны.

„ Когда взялъ я въ руку перо, намѣревая къ „ тебѣ писать; то весьма долго медлилъ, и ни „ чего писать къ тебѣ не думалъ. Отъ сего „ отвлекала меня не лѣность, но великой стыдъ, „ который крайнѣ былъ мнѣ огорчителенъ, ко- „ гда примѣтилъ я, что ты цѣлому Риму по-

далъ

„ далЪ причину себя ненавидѣть. И такЪ, вели-
„ коименитый Государь, крайнее мое соболѣзно-
„ ванїе о твоемЪ несчастїи, за знакЪ нелицемѣр-
„ ной кЪ тебѣ моей любви прїемли. Ибо не мо-
„ жно сказалЪ ЕврипидЪ, что душевно любимую
„ вещь потерявЪ, сердечно оплакиваемЪ.

„ Но прежде, нежели изЪясню, что меня
„ писать понудило, приведу тебѣ на память
„ нѣкоторыя вЪ младыхЪ лѣтахЪ нашихЪ похо-
„ жденїя; чрезЪ что и тогдашнее и нынѣшнее
„ познаемЪ состоянїе наше. Ибо никто прямо
„ не наслаждается настоящимЪ благополучїемЪ,
„ кромѣ того, который прешедшїя воспоминаетЪ
„ злоключенїя.

„ Я думаю, весьма явственно помнишЪ ты,
„ великоименитый Государь, что мы начали уче-
„ нїе наше вЪ Капуѣ; по томЪ продолжали оное
„ нѣсколько времени вЪ Тарентѣ; оттуда поѣ-
„ хали на островЪ РодусЪ, вЪ которомЪ я ри-
„ торику, а ты между тѣмЪ Философїю слушалЪ;
„ по прошествїи же десяти лѣтЪ уѣхали мы
„ отсюда вЪ Паннонїю, для вступленїя тамЪ вЪ
„ военную службу, гдѣ принялся я за музыку.
„ Ибо юноши вЪ намѣренїяхЪ своихЪ толь непо-
„ стоянны, что на каждой день разныя посѣщать
„ государства, и перемѣнять состоянїе жизни
„ готовы. Во всѣхЪ же тѣхЪ странствованїяхЪ,
„ то крѣпостїю младыхЪ лѣтЪ, то прїятнымЪ
„ товариществомЪ, то учеными разговорами, то
„ ласкательною надеждою, тягостную нищету
„ побѣждали; которая толь была велика, что
„ ежечастно не того, вЪ чемЪ многїе достатокЪ
„ имѣли, но самаго малаго избытка, которой у
„ рѣдкихЪ оставался, мы по бѣдности нашей жад-
„ ничали.

„ Безъ сомнѣнія, памятно тебѣ, что когда
„ мы на корабляхъ Адріатическимъ заливомъ
„ плыли въ Еллеспонтъ; то будучи долговре-
„ менною бурею носимы, попались въ руки раз-
„ бойническому начальнику, который, дабы мы
„ скоряе заслужили себѣ свободу, чрезъ девять
„ мѣсяцовъ держалъ насъ въ катаржныхъ греб-
„ цахъ на галерѣ; гдѣ не знаю, больше ли пре-
„ терпѣли мы голоду, или переломали на хреб-
„ тахъ своихъ палокъ.

„ Памятно, думаю, тебѣ, что когда Прузида,
„ сильный Епирскій Король, годъ и два мѣсяца
„ держалъ во осадѣ Родусъ; оба мы чрезъ десять
„ мѣсяцовъ ни какого болѣе не кушали мяса, кро-
„ мѣ двухъ кошекъ, изъ которыхъ одну доспа-
„ ли за деньги, а другую украсть принуждены
„ были.

„ Не вышло, чаю, у тебя изъ памяти, что
„ во время пребыванія нашего въ Тарентѣ, ког-
„ да звали насъ хозяева къ торжественному
„ празднованію Діаны, въ который день никому
„ во храмъ ея входить не дозволялось, кромѣ
„ тѣхъ, кои новое на себѣ имѣли одѣяніе; мы
„ днемъ туда итти отреклись по той причинѣ,
„ что у тебя ветхое платье, а у меня распоротые
„ сапоги были.

„ Помнишъ такожъ, что во время болѣзни
„ нашей, которая дважды приключилася намъ въ
„ Капуѣ, мы никогда не пользовались Діетой;
„ поелику недугъ оный не отъ сырости, но отъ
„ слабости желудка заимствовалъ свое начало;
„ въ чемъ ни мало не солгалъ и Ретронъ медикъ,
„ который въ Академіи издѣваясь надъ нами, въ
„ шутку: *я не надѣюсь, дѣтки,* говорилъ, *чтобъ*
„ *вы могли умереть отъ запору.* Ибо тамъ, кро-
„ мѣ

„ мѣ великой дороговизны съѣстныхъ припасовъ,
„ толикїй имѣлся у насъ недостатокъ въ день-
„ гахъ, что мы не по той причинѣ досыта ни-
„ когда не наѣдалися, яко бы не могли ѣсть; но
„ понеже больше не имѣли.

„ Припомни оное лѣто, когда былъ въ Капуѣ
„ великой голодъ, и по причинѣ коего мы оба
„ въ Александрїйской походъ уѣхали; тамъ то
„ коликихъ мы въ заливѣ рѣки Теребинты от-
„ вѣдали бѣдствїй; по какимъ бродили снѣгамъ
„ въ пристаняхъ Гесперидскихъ; въ какихъ уто-
„ пали болотахъ по темнымъ долинамъ; коликїя
„ понесли жестокости въ лѣсахъ Лотофорскихъ;
„ коликїя превозмогали быстроты рѣкъ; коль
„ лютая въ зимное время стужа, и коль силь-
„ ные лѣтомъ жары насъ удручали; коль вели-
„ кимъ въ обозахъ голодомъ, и коль пагубнымъ
„ въ армїи моровымъ повѣтрїемъ стѣснены были;
„ на конецъ всего тягостнѣе, коликїя гоненїя
„ отъ чужихъ, и коликую непрїязнь отъ своихъ
„ претерпѣли: по истиннѣ, когда вспомню, и
„ нынѣ трепещетъ мое сердце.

„ Приведи себѣ на память отвѣтъ гада-
„ тельницы Флавїи, которая на вопросъ: въ ка-
„ комъ мы состоянїи будемъ по окончанїи наукъ?
„ Сказала намъ въ Неаполѣ, что нѣкогда я Им-
„ ператоромъ, а ты Королемъ будешъ. Сей от-
„ вѣтъ мы такъ приняли, что не токмо за на-
„ смѣшку; но и за прямое почли безчестїе; и
„ не дивно, что онъ обоихъ насъ привелъ тогда
„ въ изъумленїе. Ибо превратная фортуна боль-
„ ше къ низверженїю богатыхъ, нежели къ воз-
„ вышенїю бѣдныхъ силы свои напрягаетъ.

„ Прїимижъ теперь, знаменитый Государь, въ
„ разсужденїе величество боговъ, коловратность

„ фортуны и перемѣнчивость временъ! Когда я „ имѣлъ руки облупленныя веслами у морскаго „ разбойника на галерѣ; то кто могъ помыслить, „ чтобъ римскія имперіи скипетръ достался въ „ мою десницу? Когда страдалъ я въ Капуѣ бо- „ лѣзнію отъ недостатка пищи; то кто могъ „ подумать, что въ нѣкоторое время отъ „ изобилія ѣствъ немощь мнѣ приключаться „ будетъ? Ежели не имѣлъ я довольно и ко- „ шечьяго мяса къ насыщенію алчбы; то кто „ бы повѣрилъ, что нѣкогда толикаго достигну „ изобилія, по причинѣ коего и найлутчими ку- „ шаньями брезговать стану? И уваживъ то вре- „ мя, въ которое я и во храмъ войти не осмѣ- „ лился, распоротые сапоги имѣя, кто думалъ, „ что нѣкогда быть мнѣ въ городъ на торже- „ ственной колесницѣ везену, и на чужихъ ра- „ менахъ носиму.

„ На конецъ, кто могъ помыслить, чтобъ „ удалось мнѣ въ Римѣ самою вещію видѣть то „ глазами, что слышали уши мои отъ прори- „ цательной женщины въ Кампаніи? Сколь мно- „ гіе въ то время, когда мы оба находилися въ „ Азіи, съ упованіемъ на Римское Император- „ ство и Сицилійское Королевство посягали! „ Однакожъ не токмо не достигли желаннаго „ ими достоинства, но еще и смерть нечаянно „ ихъ предварила. Ибо гордымъ и славолюби- „ вымъ не рѣдко случается, что въ самое то „ время, когда они найпаче процвѣтаютъ, и сча- „ стливо начали сплетать вѣнецъ чести, не „ токмо оная связь, но и самой жизни ихъ нить „ прерываются мгновенно.

„ Ежелибъ въ тѣ поры спросилъ кто Лаоди- „ кійскаго тиранна, старавшагося о полученіи

„ Сици-

„ Сицилійской короны; и полюбопытствовалъ „ отъ Консула Руфа Калва, который льстился „ на Скипетръ Имперіи Римской: какова была „ ихъ надежда? То смѣло божусь, отвѣчали „ бы они съ клятвою, что оная была имъ сто- „ лько извѣстна, сколько наша сомнительна. „ Ибо суеумные и вѣтреные люди тщетными „ помышленіями обыкновенно питаются. Удиви- „ тельно по истиннѣ и достопамятно, что хо- „ тя они честь уже передъ глазами и почти въ „ рукахъ имѣли, а намъ на противъ того удо- „ стоиться ея и на мысль не всходило; счастіе „ однакожъ въ семъ случаѣ столько власти и „ силы своей употребило, что дѣйствіемъ и по- „ велѣніемъ его, нечаявшіе къ упованію обо- „ дрилися; а тѣ, кои въ твердой и несомнѣн- „ ной полагались надеждѣ, отчаяться принужде- „ ны были; не безъ крайняго ихъ въ томъ огор- „ ченія. Ибо никто не имѣетъ столь крѣпкаго „ въ терпѣніи постоянства, которому бъ сносно „ казалось видѣть другихъ, безъ труда получа- „ ющихъ то, чего онъ и неусыпнымъ попеченї- „ емъ своимъ не могъ достигнуть.

„ Я не знаю, на которую преклониться сто- „ рону, съ простолюдинамиль Римскими припи- „ сывать все сіе произволенію счастливой судь- „ бины; или согласно съ здравымъ разсужденіемъ „ Философовъ утверждать, что все отъ власти „ и управленія боговъ зависитъ. Понеже, въ „ кратцѣ сказать, тамъ ничего судьба не силь- „ на, гдѣ рука боговъ дѣйствуетъ. Пускай гор- „ дые, сколько хотятъ, трудятся; пускай, „ сколько могутъ, затѣваютъ честолюбцы; я „ утверждаю, что напряженіе человѣческихъ „ силъ къ полученію господствованія вовсе бес-

„ полезно,

„ полезно, ежели немилостивы къ нимъ боги.
„ Но какъ бы то ни было, противнаяль судьба,
„ или попущенїе милосердныхъ боговъ такъ опре-
„ дѣляетъ; я вижу, что ежечасто смиренно-
„ мудрствующїе восходятъ на высоту счастїя;
„ и вопреки, высокомысленные почти всегда въ
„ бѣдномъ и подломъ остаются жребїи. Ибо мно-
„ гимъ весьма часто, не вѣдомо какїя грезятся
„ государства; но послѣ, что они всякому рабы
„ и невольники, пробудясь узнаваютъ.

„ Не читывалъ я, кажется, чтобъ въ кото-
„ рой вещи такїя обстоятельства происходили,
„ какїя честь въ себѣ заключаетъ; чего ради
„ имѣющимъ съ нею дѣло крайняя потребна ос-
„ торожность. Ибо честь такого свойства: она
„ ищетъ того, кто ее не знаетъ; бесѣдуетъ
„ съ тѣмъ, кто ее не слушаетъ; обращается
„ съ тѣмъ, кто ее не видитъ; гоняется за
„ тѣмъ, кто прочь отъ нее убѣгаетъ; просла-
„ вляетъ того, кто ее презираетъ: не хотя-
„ щаго желаетъ; не требующему идетъ
„ встрѣчу; и не знакомому себя ввѣряетъ. На
конецъ главное дѣло чести, оставлять того,
кто дорого, ее цѣнитъ и обитать съ тѣмъ, кто
дешево ее ставитъ.

„ Осторожные путешественники не о каче-
„ ствѣ того мѣста, куда идутъ. но о предле-
„ жащемъ до онаго пути испытуютъ; равнымъ
„ образомъ и превосходныхъ дарованїй мужи не
„ должны вдругъ углублять взоръ свой на честь и
„ славу, но токмо вперять оной къ добродѣтель-
„ ному пути, во храмъ ея ведущему. Въ про-
„ тивномъ же случаѣ видимъ мы повседневно,
„ что многїе впадаютъ въ безславїе чрезъ одно
„ только то, что ищутъ славы; и вопреки,

„ многїе

„ многїе чѣмъ больше оной убѣгаютъ, тѣмъ най-
„ паче прославляются. „

„ О свѣтъ тьмою помраченный! Ты вѣдаешъ,
„ что свойство твое мнѣ извѣстно! Но какимъ
„ же я оное признаваю? Ты гробъ мертвыхъ,
„ темница живыхъ, хранилище беззаконныхъ,
„ мучитель добродѣтельныхъ, забвенїе прешед-
„ шихъ, гонитель настоящихъ, низверженїе сла-
„ вныхъ, возвышенїе подлыхъ, убѣжище стран-
„ ныхъ, и торжище скитающихся; словомъ: о
„ свѣтъ! Ты утѣсненїе добрыхъ, осквернитель-
„ ная лужа нечестивыхъ, и общая всѣхъ корабле-
„ крушительная пагуба. И такъ, дабы не сол-
„ гать, о свѣтъ! не возможно статься, чтобъ
„ и съ достоинствомъ и честїю жилъ кто въ
„ тебѣ спокойно и беспечально. Ибо ежели ты
„ добродѣтельнымъ даешъ славу; то ставятъ
„ они себѣ ее за бесчестїе, и честь твою вмѣ-
„ няя въ смѣхъ, уничтожаютъ: когда же одаря-
„ ешъ ею беззаконныхъ и легкомысленныхъ;
„ то допущенїемъ твоимъ получаютъ они че-
„ сти какъ чрезъ шутку и игрушку, дабы по
„ томъ прямое постигло ихъ безславїе.

„ По сей причинѣ я самъ съ собою внутренно
„ размышляю: кто изъ двухъ вящшаго сожалѣ-
„ нїя достоинъ; человѣкъ злонравный, безъ вся-
„ кихъ заслугъ на степень чести возведенный;
„ или добродѣтельный, безъ малѣйшей винности
„ низверженный и изгнанный? Во истинну, мило-
„ сердой человѣкъ почтетъ обоихъ достойными
„ соболѣзнованїя. Ибо въ томъ сомнѣнїя нѣтъ,
„ что злонравному, доколѣ живъ, паденїя мино-
„ вать не можно; но то не извѣстно, прїидетъ
„ ли добродѣтельный въ первое состоянїе свое
„ прежде смерти. Ежелибъ всѣ паденїя одинаковы

„ были,

„ были, то возможнобъ ихъ и уврачевать однимъ
„ и тѣмъ же средствомъ; но какъ одни упада-
„ ютъ на колѣни, другїе опрокидываются на
„ локти, прочїе хотя и потыкаются, но не па-
„ даютъ; а иныхъ колеблющихся и къ паденїю
„ уже наклонившихся помоществующая чья либо
„ рука вскорѣ подъемлетъ, то есть: иные низ-
„ падая съ достоинствъ, кромѣ имѣнїя, ничего
„ болѣе не теряютъ; другїе такъ упадаютъ,
„ что съ крайнею печалїю пожитковъ и живо-
„ та лишаются вмѣстѣ; иныхъ толь великое
„ паденїе, что съ богатствомъ и жизнїю погу-
„ бляютъ купно и добрую славу, будучи гонимы
„ толикою жестокостїю и свирѣпствомъ форту-
„ ны, что естьли бы нашла у нихъ и больше;
„ похитилабъ и оное все непремѣнно.

„ Удивительно мнѣ, что о поправленїи нѣ-
„ которой вещи боги ни мало не пекутся, си-
„ рѣчь: лишъ только противная фортуна гоне-
„ нїемъ своимъ начала крушить и испровергать
„ какого нибудь безсчастнаго человѣка; то не-
„ токмо лишаетъ всѣхъ вещей, какїя у него
„ обрящетъ; но отнимаетъ и самихъ тѣхъ
„ прїятелей, которые ему помочь и могли и
„ хотѣли, такъ что сему бѣдному чужое несча-
„ стїе паче собственнаго своего оплакивать дол-
„ жно. Однако между злоключенїемъ добродѣ-
„ тельныхъ, и слѣдствїемъ злочинныхъ людей
„ есть великая разность: ибо о послѣднемъ изъ
„ сихъ разумѣть должно, что онъ не низходитъ
„ только, но и низпадаетъ вмѣстѣ; а перь-
„ вый не низпадаетъ, но токмо низходитъ. Ибо
„ истинная слава не въ достойнствѣ, какое кто
„ имѣетъ, но въ честной жизни, какую провож-
„ даетъ, заключается.

„ Есть-

„ Естьлижъ сїе такъ есть; по истиннѣ удивительно зрѣнїю, какимъ образомъ суетные
„ сего свѣта человѣки, ласкательную надежду
„ къ прїобрѣтенїю и полученїю нѣкоторой вещи
„ мысленно себѣ воображая, встаютъ на самой
„ первой утренней зарѣ, и съ коликимъ терпѣнїемъ не спятъ до глубокой ночи, чтобъ
„ другихъ подстерегать, чтобъ многихъ утруждать, чтобъ всѣмъ кучить: но напослѣдокъ
„ противо чаянїя ихъ одинъ кто нибудь, который о томъ ни мало и не думалъ, спокойно и
„ беспечально честь получаетъ; а они за великой трудъ, премногой потъ, и не малыя иждивенїя въ бесчестїи и стыдѣ остаются. Ибо
„ видывалъ я, что многїя дѣла чрезъ лѣность,
„ но гораздо множайшїя чрезъ непомѣрное прилѣжанїе портятся и теряютъ свое дѣйство.

ГЛАВА ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Императоръ продолжая письмо, совѣтуетъ Государямъ боговъ своихъ почитать со страхомъ; и между тѣмъ пересказываетъ учиненной Сенатомъ приговоръ на Короля, храмъ разорившаго.

„ Все что ни говорилъ я доселѣ, единственно ко обличенїю тебя, пресвѣтлый Государь,
„ и ко уваженїю гнусности твоего погрѣшенїя
„ относится. Ибо искусный врачъ, для притупленїя имѣющейся въ слабительномъ лѣкарствѣ
„ горести и противнаго вкуса, даетъ болящему
„ отвѣдывать сладкое яблоко. Подана здѣсь въ
„ Сенатѣ Февраля 13 дня гораздо пространная о
„ твоемъ житїи вѣдомость, которую прислалъ

„ отпра-

„ отправленный для осмотру Сицилїи Консулъ;
„ какъ и тебѣ не безъизвѣстно о древнѣйшемъ
„ обыкновенїи, по которому на всякое третье
„ лѣто подъ владѣнїемъ Римской Имперїи нахо-
„ дящїяся провинцїи пересматриваются. Понеже
„ крайнѣ несправедливо поступилибъ Государи,
„ естьли бы къ собиранїю податей и доходовъ
„ тщаливы; а въ изслѣдованїи, наблюдаетсяль
„ къ подданнымъ правосудїе, не радѣтельны
„ были. Вся же сила, буде помню, гласящаго
„ о тебѣ и житїи твоемъ Консульскаго доно-
„ шенїя въ томъ заключается, что ты въ
„ пищѣ и питїи наблюдаешъ трезвость и въ
„ расходахъ умѣренность, являешъ ко вдовицамъ
„ милосердїе, оказываешъ себя отцомъ сиротъ,
„ съ министрами поступаешъ прїятно и снисхо-
„ дительно, погрѣшающихъ наказуешъ съ кро-
„ тостїю, стараешся о сохраненїи тишины и
„ покоя, и ненарушимо содержа договоры пребы-
„ ваешъ въ вѣрности; но при всемъ томъ одно
„ въ тебѣ порицанїя достойно, сирѣчь крайнее
„ въ почитанїи боговъ небреженїе и слабость.

„ Какъ чрезъ одни маленькїе ворота, ежели
„ отворенными непрїятелю ихъ оставятъ, воин-
„ ствомъ и стѣнами укрѣпленный городъ поги-
„ баетъ; какъ одно гнилое и зародышное яицо,
„ смѣшанное съ пятьюдесятьми свѣжихъ и не-
„ испорченныхъ, всѣ оныя портитъ; какъ одинъ
„ противный поступокъ всѣ прежнїя, хотя и
„ бесчисленныя, услуги уничтожаетъ: такъ
„ равнымъ образомъ, Пресвѣтлый Государь, мало
„ пользы, ежели кто крайнѣ рачителенъ и неу-
„ сыпенъ въ наблюденїи гражданской жизни и
„ благочинїя, да забываетъ и оставляетъ при
„ томъ Геройскїя и касающїяся до боговъ добро-
„ дѣтели.

„ дѣтели. Понеже доброму Государю надлежитъ „ запереть прежде входъ порокамъ, дабы подданные спаслись отъ нападенія оныхъ; нежели „ обновлять и укрѣплять противо непріятелей „ городскія стѣны. О семъ кто бы какого мнѣнія ни былъ, нѣтъ мнѣ въ томъ нужды; а „ что касается до меня, то я всѣ добродѣтели „ того человѣка, который непочитаетъ боговъ „ своихъ, за пороки вмѣнять справедливостью „ признаваю; по предписанію главнаго богословской философіи правила, что дѣло не въ „ разсужденіи лица дѣйствующаго, но въ разсужденіи того, ежели богамъ благопріятно, заслуживаетъ имя добродѣтели.

„ Развѣ не знаешъ, пресвѣтлый Государь, „ что нѣтъ ни единаго толь разумнаго человѣка, „ внѣ коего не оставалось бы уже большее количество разума, нежели сколько онъ внутрь „ себя имѣетъ? Или не вѣдаешъ, что нѣтъ ни „ одного толь премудраго, который бы не больше не зналъ, нежели знаетъ? Или не извѣстно „ тебѣ, что нѣтъ ни одного толь осторожнаго, „ который бы не въ большомъ числѣ дѣлъ своихъ по незнанію ошибался, нежели сколько по „ прозорливости дѣлаетъ безъ погрѣшенія? Или „ скрыто отъ тебя, что нѣтъ ни одного столь „ праведнаго, въ которомъ бы не имѣлось вящшаго недостатка къ достиженію прямой справедливости? Нѣтъ, говорю, ни одной толь „ превосходной добродѣтели, котораябъ къ прямому совершенству своему не вящшаго требовала совершенства, нежели каково имѣетъ. „ Чего ради о даровании всякой правдѣ нашей „ истиннаго совершенства божеское правосудіе „ умолять, и отъ преизбыточествующаго его

 „ совершен-

„ совершенства великой въ добродѣтеляхъ нашъ
„ недостатокъ наполнить должно.

„ Мы Римляне содержимъ сїе за правило, и
„ всѣ Философы согласнаго о томъ мнѣнїя, что
„ здѣсь между смертными человѣками ни чего
„ отъ смертныхъ въ совершенство приведено
„ быть не можетъ, естьли оно чрезъ боговъ и въ
„ богахъ совершенства своего не получитъ. Ибо
„ человѣки по слабости силъ своихъ могутъ ли
„ что иное сдѣлать, кромѣ однихъ только по-
„ грѣшностей и ошибокъ. Когдажъ сїе такъ есть,
„ то разумные Государи и могутъ и должен-
„ ствуютъ на проступки всѣхъ подданныхъ сво-
„ ихъ смотрѣть сквозь пальцы, выключая одни
„ токмо простирающїяся къ бесчестїю боговъ,
„ которыя, ежелибы возможно, надлежалобъ на-
„ казывать прежде, пока еще о томъ и думано
„ не было. Ибо того не Государемъ, но тиран-
„ номъ именовать должно, который только о
„ отмщенїи своихъ обидъ печется, а о наказанїи
„ учиненныхъ богамъ не радитъ ни мало.

„ Нѣтъ мнѣ нужды, какъ бы о томъ ни тол-
„ ковали; по моему мнѣнїю каждаго Государя,
„ который распространенїя ради царствъ и умно-
„ женїя областей, причинилъ упадокъ и умень-
„ шенїе въ божественномъ служенїи, не госуда-
„ ремъ законно и правосудно повелѣвающимъ, но
„ тиранномъ мучительски свирѣпствующимъ на-
„ зывать должно. Ежели мы называемъ того ти-
„ ранномъ, который опустошаетъ города, уби-
„ ваетъ людей, гонитъ невинныхъ, растлѣваетъ
„ дѣвицъ, и разоряетъ царства; то подумай,
„ пресвѣтлый Государь, что мѣшаетъ быть ти-
„ ранномъ тому Государю, который разрушаетъ
„ храмы, непочитаетъ священныхъ лицъ, и всего

„ хуже,

„ хуже, ни во что ставитъ богослуженіе? По
„ истиннѣ, нѣтъ большаго тиранства, и ни кому
„ имя тиранна съ вящшею справедливостію при-
„ писано быть не можетъ, какъ державному Го-
„ сударю, или Князю боговъ своихъ непочитаю-
„ щему. Ибо нѣтъ ни одного беззаконія, или толь
„ мерзскаго дѣла, котораго бъ не совершилъ тотъ,
„ въ коемъ почитаніе боговъ исчезло.

„ Ликургъ славнѣйшій Лакедемонскій законо-
„ давецъ, котораго привожу я здѣсь въ подтвер-
„ жденіе словъ моихъ, между прочими законами
„ предписалъ и то, что никому изъ Лакедемонянъ
„ отъ рукъ богамъ своимъ непокланяющагося
„ Государя подарковъ принимать не должно;
„ по тому что все отъ рукъ человѣческихъ, а не
„ отъ боговъ происходящее, не токмо безполезно
„ но еще и крайнѣ вредительно. О изрядной Го-
„ сударь! о славной вѣкъ! о счастливое цар-
„ ство! въ которомъ требовалось отъ Государ-
„ рей толь совершенной добродѣтели, что не-
„ обходимо надобно было имъ имѣть и къ раз-
„ даванію богатствъ непорочность. Ибо тамъ
„ все почиталось зловреднымъ, что бы ни взято
„ было отъ рукъ людей нечестивыхъ.

„ Дѣло учиненное Тобою, пресвѣтлый Госу-
„ дарь, толь собою мерзско и отвратительно,
„ что я стыжусь и говорить объ ономъ; сирѣчь,
„ что ты для разширенія и пристройки чертоговъ
„ разорилъ предревній храмъ; чего не должно
„ было не токмо дѣлать, но ниже помыслить.
„ Понеже камни храмовъ хотя бездушны и ничего
„ несильны; но боги, коимъ оные отданы и по-
„ священы, суть многомощны. Съ позволенія тво-
„ его, пресвѣтлый Государь, говорю и увѣдом-
„ ляю, что ты пронзительною острогою сего

„ поступка привелЪ меня вЪ крайнее изумленіе, „ раздражилЪ весь городЪ, и священному Сенату „ нанесЬ печаль и огорченіе; такЪ что вѣ согласно почитая Тебя крайнѣ продерзскимЪ человѣкомЪ, скрыпятЪ зубами, дабы наказало „ было Тебя жесточайшимЪ образомЪ; чему ты „ удивляться не долженЪ. Ибо римляне заподлинно разсуждаютЪ, что тотЪ Государь „ худаго о богахЪ мнѣнія, который храмы ихЪ „ разорить отважился.

„ А какЪ Ты Государь благоразумной, и при „ томЪ старой мой пріятель; то употребилЪ „ я вѣ силы вЪ исходатайствованіи Тебѣ отЪ „ Сената прежняго благоволенія. Но понеже ты „ ко оправданію вЪ учиненномЪ тобою преступленіи не имѣешЪ законныхЪ причинЪ; то Сенат вину сію опредѣлилЪ не прощать до тѣхЪ „ порЪ, пока раскаянія твоего ясныхЪ не увидитЪ знаковЪ. Да и не безЪ справедливости. „ Ибо нижнихЪ чиновЪ сердца ни чемЪ такЪ не„ огорчаются, какЪ естьли видятЪ они, что „ ихЪ наказываютЪ; а вышніе и безЪ выговора „ остаются.

„ И для того приговорилЪ СенатЪ, чтобЪ „ ты вЪ самоскорѣйшемЪ времени устроилЪ „ храмЪ, высотою, огромностью, красотою и „ великолѣпіемЪ перьваго превосходящій, и столькожЪ кЪ расширенію его изЪ собственной дому „ твоего землй прибавилЪ, сколько предЪ тѣмЪ „ у онаго на распространеніе чертоговЪ отнялЪ. „ По исполненіи сего, какЪ нынѣ вѣ тебя осуждаютЪ и злословятЪ, такЪ вЪ то время почтенЪ будешЪ отЪ меня счастливымЪ и благополучнымЪ; по той причинѣ, что не ты у

„ 60-

„ боговъ, но боги у тебя часть дому твоего
„ воспріяли.

„ Разсуждая же, что едвали станетъ у тебя
„ казны, требуемой на построеніе храма, при
„ семъ въ помощь посылаю тебѣ сорокъ тысячь
„ червонныхъ; деньгижъ, дабы тѣмъ лучше со-
„ держалось сіе въ тайнѣ, отправлены съ секре-
„ таремъ моимъ П. Аниціемъ, которому можешъ
„ ты во всемъ повѣрить. Онъ везетъ тебѣ и
„ золотую цѣпь, даже отъ рѣки Нила мнѣ при-
„ везенную, которая для меня гораздо тѣсна, а
„ тебѣ, я думаю, очень будетъ въ пору. На-
„ прошедшихъ дняхъ приведено ко мнѣ изъ Иш-
„ паніи нѣсколько лошаковъ, изъ которыхъ и
„ тебѣ двухъ посылаю. Имѣетъ и господинъ
„ секретарь П. Аницій преизряднаго лошака,
„ котораго онъ столько любитъ, что ни про-
„ даетъ, ниже даетъ комулибо на ней ѣздить.
„ Премногобъ ты меня утѣшилъ, естьли бы
„ приказалъ у его увесть, или купить, чтобъ
„ онъ обратно въ Римъ безъ него пріѣхалъ. Сви-
„ дѣтельствуетъ тебѣ почтеніе Фавстина моя
„ супруга. Равномѣрно же и пресвѣтлой коро-
„ левѣ твоей супругѣ отдаемъ должное почте-
„ ніе наше, которой Фавстина посылаетъ въ
„ подарокъ попугаевъ. Прости! Маркъ Импе-
раторъ Римскій собственноручно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Въ какой чести между язычниками усердные почитатели боговъ находилися.

Съ начала въ Римѣ двѣсти сорокъ четыре
года царствовали семь Королей, какъ о томъ

древніе историки римскіе повѣствуютъ; изъ коихъ вторый Нума Помпилій за одно токмо ревностнѣйшее почитаніе боговъ, паче прочихъ прославился. Ибо римляне не меньше любили и почитали своихъ Государей за благоговѣніе къ богамъ, какъ и за побѣдоносное надъ непріятельми оружіе. Онъ толикую имѣлъ къ богамъ ревность, что посвятилъ имъ весь городъ; а себѣ внѣ онаго домъ устроилъ. Ибо древній законъ не позволялъ никому жить въ домахъ, богамъ посвященныхъ.

Пятый Король римскій былъ Тарквиній Прискъ, столь добродѣтеленъ и народу любезенъ, сколь злонравенъ и ненавистенъ Тарквиній Суперьъ или *гордой*. Сего хвалятъ, кромѣ прочихъ дѣлъ, за страхъ и почитаніе боговъ, и вседневное хожденіе во храмы. Онъ на площади Капитольской создалъ Юпитеру преславной храмъ, кромѣ множества прочихъ тогда имѣвшихся, которыхъ ему недовольно казалось. Ибо римскому Государю строить себѣ домъ было не вольно до тѣхъ поръ, пока онъ охранительнымъ городскимъ богамъ не поставилъ храма.

Въ прочемъ толикое было онаго храма великолѣпіе и огромность, что римляне подобнымъ образомъ какъ Юпитера признавали богомъ боговъ, такъ и храмъ оный почитали главою всѣхъ храмовъ.

Въ то время, какъ римляне имѣли войну съ Фалисцами и Капенатцами, побѣждены были два римскіе полководца; и когда одного изъ нихъ Кн. Генуція убили на сраженіи, то на побѣжденныхъ напалъ толикой страхъ, что многіе, оставя оружіе, въ римъ возвратилися. Ибо побѣдители такое преимущество имѣютъ, что

хотябъ

хотябъ ихъ было и не много, побѣжденнымъ однакожъ всегда кажутся страшны. Но Римляне, будучи мудрые и осторожные люди, для возстановленія сего урону, выбрали новыхъ полководцовъ; за каковымъ разумнымъ ихъ поступкомъ, счастливая послѣдовала удача. Ибо въ войнахъ при перемѣнѣ полководцовъ, купно и счастіе доброе или противное измѣняется.

И такъ въ предводители къ продолженію той войны назначили М. Фурія Камилла, который хотя былъ храброй и мужественной полководецъ, однако прежде отправленія своего въ армію, принесъ великолѣпныя богамъ жертвы, и сверьхъ того обѣщалъ построить пребогатой храмъ, ежели съ побѣдой возвратится. Ибо Римскіе полководцы по древнему обыкновенію, вступая въ важные походы, тотчасъ полагали обѣты сдѣлать въ Римѣ что нибудь достопамятное. По томъ Камиллъ возвратясь побѣдителемъ, не токмо обѣщанной храмъ создалъ, но и всѣ полученныя имъ въ добычу на торжественной той побѣдѣ богатства во оной отдалъ; о чемъ когда нѣкоторые спорили и роптали, говоря, что. Полководцы сердце свое богамъ посвящать, а деньги воинству раздѣлять должны, отвѣтствовалъ: „ я по человѣчеству, просилъ отъ бо-„ говъ единой побѣды; а они, яко боги, многія „ мнѣ даровали; чего ради, ежели я во обѣщаніяхъ „ былъ скупъ, оказать себя во исполненіи оныхъ „ щедрымъ, мнится мнѣ справедливо. Понеже „ какъ я беспредѣльное воздалъ имъ благодареніе „ за полученныя отъ нихъ паче желанія моего „ многія щедроты; такъ и имъ принесенные мною „ сверьхъ обѣщанія дары гораздо пріятнѣйшими „ будутъ. „

Когда жесточайшая война между Римлянами и Веентцами производилась; то Римляне цѣлые десять лѣтъ не отступно держали во осадѣ городъ Веентъ, и на послѣдокъ взяли оной подкопомъ. Ибо въ войнахъ часто употребляютъ тамъ хитрость, гдѣ по причинѣ крѣпкой обороны силою преодолѣть не можно. По взятьѣ же города отъ М. Фурія Диктатора, подъ предводительствомъ коего та война отправлялась, отданъ былъ чрезъ вѣстовыхъ приказъ, не трогать людей безоружныхъ: что услыша вѣ бросили оружіе, и тѣмъ спаслась жизнь побѣжденныхъ. Примѣръ сей весьма достоинъ примѣчанія: Ибо полководцы, чѣмъ жесточае бываютъ въ то время, когда идетъ съ непріятелемъ дѣло о побѣдѣ, тѣмъ вящшее уже побѣжденнымъ милосердіе являть должны.

Похвальнѣе сихъ слѣдующій тогожъ Диктатора поступокъ, сирѣчь, что онъ нетокмо не допустилъ грабить храмы и бесчестить боговъ; но еще собственнолично божескіе дары, и самихъ боговъ, а найпаче Царицу Юнону, взялъ и отвезъ въ Римъ съ крайнимъ благоговеніемъ. Ибо древніе такой законъ имѣли, что боги побѣжденныхъ, добычею побѣдоносныхъ полководцовъ не почиталися. По возвращеніи же состроилъ Камиллъ на Авентинской горѣ великолѣпнѣйшій храмъ и во ономъ тѣхъ боговъ со всѣми священными орудіями, какія съ нимъ привезены были, поставилъ. Понеже Римляне сколь торжественнѣйшую надъ непріятельми получали побѣду, столь лутчую богамъ ихъ выражали почесть.

Въ прочемъ, Римляне одержавъ многія побѣды, вознамѣрилися сдѣлать превеликую и многоцѣнную золотую чашу, и отвезть оную въ Дельфы

фы въ даръ Аполлону. А поелику государственная казна имѣла тогда въ золотѣ недостатокъ; то римскія Госпожи, посовѣтовавъ на единѣ между собою, на дѣланіе того подарка снесли весь свой золотой уборъ. Ибо римскіе граждане деньгами никогда не оскудѣвали; естьли оныя на украшеніе боговъ, возобновленіе храмовъ, и на выкупъ плѣнныхъ потребны были. Сенату сіе такъ было пріятно, что за оное щедролюбіе выразилъ госпожамъ римскимъ трояќую честь, пожаловавъ вольностію, то есть, на головахъ носить вѣнцы, на публичныя игры ѣздить въ каретахъ, и на праздники боговъ ходить откровеннымъ образомъ; а прежде сего позволенія толь скромны были древнія римлянки, что не носили на головахъ золота, и къ смотрѣнію публичныхъ позорищъ съ завѣшеннымъ лицемъ хаживали. Такому древнихъ римлянъ съ женщинами поступку удивляться никто не долженъ. Ибо по правамъ римскимъ за услуги, многія и великія награжденія даваны, и преимущества жалованы были.

О другомъ достопамятномъ тогожъ времени приключеніи повѣствуетъ Ливій: когда римляне отправили трехъ посланниковъ Л. Валерія, Л. Сергія, и Л. Манлія въ Дельфы съ подаркомъ и посѣщенія ради къ Аполлону, которому они на всякой годъ дары посылали, взаимно получая отъ него совѣты; то оные посланные на пути не далече отъ Сицилійскаго залива, попали въ руки дѣлающимъ по морю разбой Липаританцамъ, кои плѣнивъ ихъ купно съ сокровищемъ отвезли въ городъ Липару. На противъ чего жители той страны, имени посланниковъ, дара, и Бога, которому посвященъ, и самой причины подарка

онаго устрашась, и опасаясь худыхъ слѣдствiй, не точiю съ возвращенiемъ всего освободили; но еще для обороны провожали ихъ своимн кораблями въ Дельфы, а оттуда и въ Римъ поставили въ цѣлости. Симъ такъ довольны были Римляне, что жившихъ въ Римѣ знатной крови Липаританцовъ пожаловали Римскимъ дворянствомъ, а прочимъ всѣмъ другами и союзниками быть опредѣлили, предписавъ при томъ, чтобъ во храмѣ Юпитеровомъ два Липаританскiе жреца всегда находилися; какого преимущества, кромѣ сихъ, никогда и никакимъ иностранцамъ дано не было. Понеже Римляне толикое имѣли къ богамъ своимъ усердiе, что кромѣ сѣдинами украшенныхъ гражданъ, или отмѣнною добродѣтелiю сiяющихъ мужей, никому въ смотрѣнiе и опеку храмовъ не вѣряли.

Въ то время, когда К. Фабiй и П. Декiй противъ Самнитовъ, Етрусковъ и Умбровъ военныя прiуготовленiя чинили, многiя и страшныя въ Римѣ показались знаменiя и чудовища, которыя не токмо зрящихъ, но и слышащихъ приводили въ ужасъ. Чего ради Римляне, мужескъ и женскъ полъ, премногимъ и обильнымъ жертвоприношенiемъ денно и нощно боговъ умилостивляли, сказывая, что одножды преклоня ихъ на милосердiе, уже болѣе никакого паденiя на брани опасаться не должно. И поелику женщины тогда толпами молиться ходили; то по случаю для жертвованiя во храмъ богини Пудицицiи (сирѣчь цѣломудрiя) стеклось множество женъ дворянскихъ. Ибо во время цвѣтущаго состоянiя Республики Римской женщины во храмахъ боговъ жертвоприношенiя творили. А какъ пришла туда и Виргинiя, дочь Авла; то помянутыя Госпожи

вмѣстѣ

вмѣстѣ съ собою жертвовать ее не допустили, по той причинѣ, что хотя и она была дворянкажъ, но вышедъ въ замужство за Волумнія Консула, который былъ изъ простолюдиновъ, право дворянства своего потеряла. Ибо дворянки тако имѣли преимущество въ Римѣ, что простолюдинки, въ разсужденіи ихъ, какъ невольницы, презираемы были.

Преизрядная женщина Виргинія, видя толикое надъ собою отъ дворянокъ посмѣяніе, отдѣлила часть изъ собственнаго своего дому, сколько на устроеніе небольшаго жертвенника было довольно, и положивъ тамъ свою жертву, посвятила оную во имя Пудициціи простолюдинской. Сію нововымышленную отъ нее богиню равномѣрно, какъ и древнѣйшую Пудицицію почитали, съ такою при томъ отмѣнностію, что никакой женщинѣ, кромѣ однобрачныхъ и весьма постоянныхъ, жертвовать не дозволялось. Ибо счастіе толь перемѣнчиво, что не рѣдко тѣ, кои съ гордостію намъ входъ къ себѣ возбраняли, скоро по томъ сами приходятъ въ домъ нашъ оказывать раболѣпныя услуги. Въ прочемъ, Виргинія, основательница того жертвенника въ толикомъ была почтеніи, что не токмо даже до кончины своей пользовалась достоинствомъ Римскаго дворянства; но и по смерти въ честь ея поставлена была въ Капитоліи статуя, съ прибавленіемъ ко оной на Греческомъ языкѣ слѣдующей надписи:

Всякъ исходящій здѣ воззри на лице Виргиніи, которая нынѣ по смерти обитаетъ въ жилищѣ боговъ за то, что сама въ жизни своей домъ богамъ даровала

Предложенныя мною исторіи хотя пространнѣе описаны у Ливія въ четвертой и десятой

кни-

книгахъ; но для моего намѣренія и сего довольно. Ибо восхотѣлъ я немногіе сіи примѣры язычниковъ представить въ посрамленіе Государей, и во обличеніе Христіянъ; показывая тѣмъ, сколь оные въ почитаніи ложныхъ боговъ горячи и усердны были; и на противъ того, коликую мы въ почитаніи единаго Величайшаго и истиннаго Бога, оказываемъ холодность и нерадѣніе. Срамно сказать, что древніе Римляне тщетнымъ богамъ толь нелицемѣрно и въ правду служили; а Христіяне истинному Богу по большой части притворно и шутя служатъ. Ибо сыны сего вѣка не хотятъ ни какого понесть труда, кромѣ точію для однихъ роскошей и забавъ тѣлесныхъ.

Подлинно, многіе дивятся и вопрошаютъ: „ по какой причинѣ Богъ толикія на нихъ из„ ливалъ щедроты, естьли они ниже самома„ лѣйшаго угожденія не дѣлали для Бога? Таковымъ во отвѣтъ сказать можно: „ежели бы они „ истиннаго познали Бога; то принесли бы ему „ одному всѣ тѣ, какія многимъ приносили, жер„ твы: и такъ Богъ по своему правосудію награ„ ждалъ ихъ временнымъ благополучіемъ; для „ того, что хотя они въ надлежащую цѣль и „ не умѣтили, попасть однакожъ въ нее желали. Ибо извѣстно намъ по христіянству, что Богъ не настоящему наружному качеству нашему; но нелицемѣрному хотѣнію, какими быть мы желаемъ, внемлетъ.

Удивляются Христіянскіе Государи, „ для че„ го Богъ не даетъ имъ такого счастія, и не по„ могаетъ столько, какъ въ древнія времена „ язычникамъ? На сіе отвѣтствовать имъ можно: „ что они добрые, или худые: ежели добро„ дѣтельны, то по истиннѣ много бы ихъ оби-

„ дилъ

„ дилъ Богъ, творя толь худое и несообразное „ усердїю ихъ воздаянїе. Ибо десятитысячное число дарованнаго на бесконечное блаженство права, стоитъ несравненно вящшей цѣны, нежели сто тысячь преимуществъ къ житїю въ семъ плачевномъ удолїи. „ Когда же Великїе „ Государи и князи, будучи злонравны и звѣрскимъ заражены свирѣпствомъ, нерадятъ о порядочномъ управленїи областей, не снабдѣваютъ покровительствомъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ; ежели ни о Богѣ, ни о святой церквѣ его не пекутся, и паче всего, вконецъ забываютъ отдавать должное почитанїе Богу, развѣ тогда только, какъ постигнетъ ихъ крайняя бѣда и опасность; буде, говорю, они такого сложенїя; то по достойнству Богъ ни „ слушать, ни помогать имъ нехощетъ. Понеже изъ доброй воли и не за страхъ приносимое послушанїе бесконечно Богу прїятнѣе, нежели то, которое извлекаетъ нужда.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТАЯ.

Государи подданныхъ своихъ приличнымИ Христїянину добрадѣтельми и благочестїемъ для пяти причинъ превосходить должны.

Слѣдуя моему намѣренїю, нахожу главныхъ пять причинъ, которыя къ храненїю и соблюденїю добродѣтели обязуютъ Государей. Я разумѣю подъ именемъ добродѣтели любовь и страхъ Божїй, потому что добродѣтельнымъ тотъ только назваться можетъ, кто отъ церкви преданную вѣру, а притомъ страхъ и любовь Божїю цѣло и нерушимо соблюдаетъ. И такъ

во-

вопервыхъ, должны Государи бояться и почитать единаго токмо, которому покланяются, Бога; вѣдая, что онъ одинъ есть, и кромѣ его на Небеси и на землѣ нѣтъ ни кого вышшаго. Ибо изъ всего вещества нѣтъ ничего толь сильнаго, котороебы всемогуществу и власти божеской не было подвержено. И по истиннѣ, ежели бы величайшій властитель, предъ которымъ во всемъ отвѣтъ дать должно, не подкрѣплялъ беспрерывно своею благодатію сердецъ правящихъ царствами Государей; то пагуба душамъ ихъ всеминутно готова. .. Ибо Государя многія стези ведутъ къ порокамъ, ежели разсуждаетъ онъ, что за грѣхи наказывать его никто не станетъ.

Прочетши многихъ и разныхъ авторовъ, не нашелъ я въ книгахъ ни единаго древнихъ временъ Государя, который бы довольствовался однимъ только Богомъ, и не желалъ имѣть многихъ; какъ то: Іулій цесарь нашивалъ при себѣ маленькую дщицу, на которой намалевано было пять боговъ; великій Сципіонъ хаживалъ при клейнодѣ съ вычеканенными на ономъ семью богами. Чтожъ остается сказать? Когда оные не взирая на множество боговъ своихъ, каждому особо равное почитаніе и жертвы приносили; а христіанскіе Государи, кромѣ единаго токмо истиннаго и всемогущаго Бога, инаго не имѣя, угождать и отдавать ему должное поклоненіе и жертвы напротивъ того не стараются. Буде паче чаянія скажутъ они, что большаго труда стоитъ, служить единому истинному Богу, нежели всѣмъ ложнымъ; я отвѣтствую, что язычникамъ тягостно было, служить своимъ истуканамъ; но служить нашему Богу, облегчитель-

ное

кое есть бремя: имъ служить, великихъ стоило иждивеній; а нашему Богу служить, есть безмѣрной прибытокъ и польза; для того что оные божки требовали многихъ и великолѣпныхъ жертвъ; а нашъ Богъ, кромѣ непорочной совѣсти, и святости сердечныхъ желаній, не взыскуетъ отъ насъ ничего больше.

ВО ВТОРЫХЪ, Государи свойственными Христіянину добродѣтельми всѣхъ превышать должны для того, что въ вящшемъ противо всѣхъ количествѣ имѣютъ то, чего лишиться могутъ: слѣдовательно, имѣющій большее число, нежели всѣ, такихъ вещей, кои потерять можетъ, паче всѣхъ прочихъ и Богу служить обязанъ. Понеже какъ одинъ токмо Богъ силенъ даровать благая, такъ кромѣ самаго его, отнимать и возвращать оныхъ другой никто не можетъ. По истиннѣ Государи въ разсужденіи Бога суть такъ, какъ подданные въ разсужденіи самихъ Государей. Ежели подданный потеряетъ какую вещь, или насиліемъ у него что отъимутъ; то о возвращеніи и наградѣ того убытка проситъ Государя, которому служитъ. Но самому Государю въ печали и утѣсненіи, отъ другаго Государя или сильнѣйшаго тиранна ему причиняемомъ, нѣкого больше просить о помощи, какъ точію милосерднѣйшаго своего Бога. Ибо сильного отъ обидъ никто, кромѣ другой сильный же, защитить не можетъ. Того ради надлежитъ разсуждать Государямъ, что какъ широкое разстояніе перепрыгнуть желающій сперьва собираетъ силы, стремительно разбѣгаясь изъ дали; такъ равнымъ образомъ и Государю, который хочетъ, чтобъ во время заключеній его пребылъ Богъ къ нему

мило-

милосердымъ, напередъ стараться должно смиреннымъ сердцемъ и усерднымъ служенieмъ снискивать себѣ его милость. Ибо неразумно, призывать того на помощь, коему никогда мы почтенiя и послушанiя не оказали сами.

ТРЕТIЕ, Государи пресущественнѣйшими Христiянинами быть должны; что докажутъ они, помогая бѣднымъ, защищая обидимыхъ, посѣщая странноприимницы, ходя въ церковь, и съ благоговенieмъ слушая божественное служенie. Ибо не за то только, что сами они такiя творятъ добродѣтели, воспрiимутъ награду; но еще сверхъ сего получатъ славу для того, что примѣромъ ихъ возбудясь и другie то же станутъ дѣлать. Естьлиже Государи не почитаютъ Бога, и святаго закона его не соблюдаютъ; то отъ того происходитъ, что и подданные въ царствахъ ихъ худыми бываютъ Христiянами. Ибо отъ горькаго ключа проистекающie ручьи, сладки быть не могутъ. Изъ опыта намъ извѣстно, что лошадь поворачиваютъ уздою, корабль правятъ рулемъ, и жерновой камень отъ веретена кружится; подобнымъ образомъ доброй или худой Государь все царство какъ будто въ кругъ обращаетъ, такъ что ежели Государи покланяются Богу, покланяются и всѣ; когда они Богу усердно служатъ, служатъ и всѣ; ежели они хвалятъ Бога, хвалятъ и всѣ; ежели они хулятъ и безчестятъ Бога, тожъ самое и всѣ дѣлаютъ. Ибо не возможно статься, чтобъ дерево природѣ своей и содержимому въ корени соку плоды и цвѣты не сообразные проращало. Государи передъ прочими снабдѣны тѣмъ преимуществомъ, что будучи сами собою добрые Христiяне, не за собственныя токмо свои, но

но и за многїя посторроннїя дѣла, къ совершенїю которыхъ другимъ давали поводъ, возмездїе получатъ; напротивъ же того беззаконные не за свои токмо, но и за всѣ по примѣру худыхъ дѣлъ ихъ учиненныя другими злодѣйства, наказанїя не избѣгнутъ.

Сколь мнѣ желательно, о Государи! обрѣтающїеся въ сей жизни, чтобъ вы съ какимъ либо уже умершимъ, и наипаче изъ числа вѣчному пламню осужденныхъ, поговорили Государемъ! увидѣлибъ вы, по истиннѣ, и услышалибъ, что они не за самоличныя дѣла, но найпаче за тѣ беззаконїя, къ совершенїю которыхъ другимъ давали поводъ, жесточайшую претерпѣваютъ муку. Ибо великїе Государи и Князи покрывая и преходя небреженїемъ чужїя злодѣйства, пуще нежели сами то дѣлая, согрѣшаютъ. О коль неусыпно Монархи и Князи въ словахъ остерегаться, и съ коликимъ прилѣжанїемъ каждое дѣло свое уважать и вѣсить должны! понеже они нетолько сами собою, но и всѣми дѣлами подданныхъ своихъ, богу служатъ; и вопреки: неточїю сами собою, но и всѣмъ тѣмъ грѣшатъ и раздражаютъ Бога, чѣмъ подданные ихъ царства грѣшать и прогнѣвляютъ. Ибо жесточайшаго наказанїя достоинъ пастухъ, за нерадѣнїемъ коего стадо волкъ расхищаетъ и снѣдаетъ.

ЧЕТВЕРТОЕ, христїянскїе Государи должны прочихъ превосходить въ добродѣтели для того, что они самому Богу о своемъ начальствѣ отвѣтствовать будутъ. Того ради, поколику извѣстнѣе намъ, что Богъ есть правосуденъ, который востребуетъ у насъ отвѣта; потолику съ вящшимъ попеченїемъ о предуготовленїи себѣ

 мило-

милости его стараться должны; дабы, ежели какой порокъ въ житіи нашемъ обрящетъ, (какъ и самимъ дѣломъ найдетъ) милосердіемъ и человѣколюбіемъ своимъ прикрыть и загладить оной соблагоизволилъ. Подлинно въ жизни сей человѣки съ подобнымижъ себѣ человѣками дѣлаютъ расчеты, которые согласныль съ правдою, или нѣтъ, по человѣчеству однакожъ великодушно между человѣками принимать должно. Но что послѣдуетъ съ безчастными Государями, необходимо имѣющими дать отчетъ предъ Богомъ, котораго ни словами обмануть, ни взятками подкупить, ни угроженіемъ устрашить, ни прозьбою умолить, ни оправданіемъ на милость преклонить тогда будетъ не возможно.

Въ царствахъ своихъ Государи учреждаютъ строгихъ судей, кои присматриваютъ и наказуютъ въ народѣ пороки; имѣютъ въ розыскныхъ приказахъ адвокатовъ, кои изобличаютъ учиненныя противо ихъ преступленія; держатъ при себѣ фискаловъ и шпіоновъ, которые ихъ о чужомъ житіи увѣдомляютъ; имѣютъ при дворахъ своихъ казначеевъ, которые смотрятъ за всѣми государственными доходами; но при всемъ томъ, чего ради не воспоминаютъ они того ужаснаго дня, въ которой наистрожайше о безчинномъ житіи ихъ испытаютъ?

По моему мнѣнію, Государи, яко все пріемлющіе отъ руки Божіей, не безъ справедливости, кажется, все оное во славу божію употреблять, и всякое дѣло съ его благословеніемъ начинать должны; вѣдая что не передъ другимъ кѣмъ либо, но предъ самимъ Богомъ о житіи своемъ отвѣтствовать будутъ. И какъ они устроены въ лицѣ и подобіи боговъ; то неоспоримая справедли-

ведливость требуетъ, дабы они высокаго ради достоинства и власти, какія въ временномъ семъ мірѣ имѣютъ, паче прочихъ добродѣтельми уподоблялися Богу. Ибо Государь одолѣвшій два токмо порока, несравненно большее въ геройской похвалѣ имѣетъ первенство, нежели тотъ, который десять царствъ покоряетъ. Но пускай они дѣлаютъ по своей волѣ, мы еще просить ихъ станемъ, чтобъ они не богами земными, но добрыми въ обществѣ человѣками были. Ибо вся похвала Государей въ томъ заключается, чтобъ они противъ чужестранныхъ весьма храбры, а къ подданнымъ своимъ нимало неспесивы были.

ПЯТОЕ, Государи Христіянскими добродѣтельми другихъ предварять должны; поелику они дара сего, чтобъ быть любимыми, или ненавистными, счастливыми или безсчастными, не отъ кого либо инаго, но отъ единаго токмо Бога ожидать могутъ. Ибо неоднократно видѣть мнѣ случалось, что Государи, кои всю надежду полагали въ помощи и покровительствѣ иныхъ Государей, тѣмъ найпаче богомъ оставлены были: напротивъ того тѣ, кои на Бога, а не на подобныхъ себѣ человѣковъ уповали, нетокмо отъ Бога, но купно и отъ человѣкъ получали заступленіе и помощь. Часто и найпаче въ самое то время, когда на парусы счастія ихъ подуваетъ вѣтерокъ человѣческаго благопріятства, думается имъ, что оное плыветъ благополучно; но по недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ, сей ихъ корабль пріостановляетъ нечаемая помѣха, такъ что пріятели и други ихъ помочь имъ хотя бы и могли и хотѣли, воля однакожъ Божія тому противится, сирѣчь: дабы узнали они, что не

въ силахъ и попеченіи человѣческомъ, но отъ промысла божескаго спасеніе зависитъ.

Слова мои почерпаютъ твердость изъ слѣдующаго примѣра; что Государь, будучи обладателемъ единаго токмо царства, ничего во ономъ безъ своего вѣдома дѣлать не дозволяетъ. А поелику Богъ царствуетъ на небеси, подобнымъ образомъ, какъ Государи на земли; то яко сущій всея твари владыка, и всего вещества конецъ, непремѣнно хощетъ, дабы и воля его во всемъ наблюдалась, и начатки всѣхъ вещей и дѣлъ къ одному ему были относимы.

О когдабъ вы Государи, уразумѣли, коль маловажна человѣческая злоба! и ежелибъ познали, коль нужна вамъ милость божія! кленусь именемъ его, немолвилибъ вы и шутя противо человѣкъ ни единаго празднаго слова, но денно и ночно проливали бы непрестанныя ко Богу молитвы! Понеже Богъ вящшее помогать намъ имѣетъ хотѣніе и скорость, нежели съ каковымъ мы тщаніемъ его призываемъ. НАПОСЛѢДОКЪ, какую бы человѣки ни дѣлали вамъ оборону и помощь, могутъ однакожъ оную разрушить другіе человѣки; но подаваемому отъ Бога защищенію, ни человѣки, ни иной Богъ воспротивиться не можетъ.

Много получившіе, и многимъ обладающіе, отъ сильнѣйшихъ покровительство снискивать себѣ должны. Когдажъ сіе такъ есть, то пусть вѣдаютъ Государи, что всѣхъ купно человѣковъ силы, одинъ Богъ могуществомъ своимъ превосходитъ бесконечно. Понеже и ревъ львиной больше, нежели волчей вой устрашаетъ. Неспорно, въ состояніи иногда великіе Государи и Князи получить многое пріобрѣтеніе; но пусть скажутъ

жутъ мнѣ, какую они къ сохраненію того имѣютъ оборону? Часто видимъ мы, что въ короткое время знаменитыя и пространныя устрояются государства, коихъ однакожъ ни разумъ управлять, ни силы человѣческія сохранить не могутъ. Ибо Римляне ту вольность, которую пріобрѣли они черезъ шесть сотъ лѣтъ, воюя съ Готами въ три года потеряли. Повседневные научаютъ насъ опыты, что всякой человѣкъ къ управленію своего дому требуетъ совѣта у пріятелей и сосѣдей; и толикія ли царства и области однимъ токмо своимъ тщаніемъ и разумомъ державные Государи и Князи думаютъ возможно управить?

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ПЕРЬВАЯ

Кто былъ Віантъ; о постоянствѣ его по потеряніи всѣхъ имѣній; также говоренная рѣчь къ тѣмъ, кои въ несчастіи его утѣшали; и на конецъ, достойнѣйшихъ примѣчанія десять правилъ, которыя онъ оставилъ Государямъ.

Изъ всѣхъ народовъ и языковъ, пріятное обхожденіе съ мудрыми людьми имѣвшихъ, были Греки, которые съ отмѣною передъ прочими славнѣйшихъ философовъ не токмо содержали въ училищахъ ученія ради, но и на царской престолъ для правленія и обороны государствъ возводили.

Ибо въ тѣ времена, по словамъ Платона, во оныхъ царствахъ или философы Государями, или Государи философами были, какъ Лаерцій во второй книгѣ о древностяхъ Греческихъ повѣ-

ствуетъ. Греки за превеликую честь себѣ вмѣняютъ, что изъ всего рода человѣческаго у нихъ токмо многія знатныя лица и рѣдкости, какъ то: семь премудрѣйшихъ женъ, семь цѣломудреннѣйшихъ Царицъ, семь добродѣтельнѣйшихъ Царей, семь храбрѣйшихъ полководцовъ, семь знатнѣйшихъ городовъ, семь великолѣпнѣйшихъ зданій, и семь ученѣйшихъ философовъ, имѣлись. Философыжъ у нихъ были слѣдующіе: *Ѳалетъ*, который прежде всѣхъ нашелъ звѣзду, называемую (Урса Миноръ, или меньшая медвѣдица), и оную назначилъ ко употребленію плавающимъ по морю; *Солонъ* Саламинскій, который перьвой Аѳинянамъ предписалъ законы; *Хилонъ*, который отъ Аѳинянъ ѣздилъ посломъ въ восточныя государства; *Питтакъ*, который не точію философомъ, но и полководцемъ былъ у Митиленянъ; *Клеопулъ*, который отъ древняго Геркулесова происходилъ потомства; *Перїандръ*, который долго правительствовалъ въ Коринѳѣ, и *Вїантъ* Пріенейскій который владѣтелемъ былъ у Пріенейцовъ.

О семъ Віантѣ, въ согласіе моего намѣренія, предлагаю къ знанію слѣдующее; во время царствованія въ Римѣ Ромула, и въ Іудеѣ Езекіи, по произшествіи между Мантинейцами и Пріенейцами жестокой войны, былъ Віантъ вдругъ философомъ, Княземъ и полководцемъ; онъ по своей учености, въ училищахъ преподавалъ науки; за храбрость и мужество, отправлялъ на войнѣ званіе полководца; и на конецъ въ разсужденіи премудрости, правительствовалъ городомъ: чему никто удивляться не долженъ. Ибо въ то время философы крайнѣ рачительны къ добродѣтелямъ были, такъ что всякаго ученаго чело-

вѣка,

вѣка, который къ одному только дѣлу имѣлъ способность, ни вочто вмѣняли.

Въ прочемъ, Прїенейцы и Мантинейцы по многимъ и различнымъ сраженїямъ, жестокую и кровопролитную на послѣдокъ учинили битву, на которой былъ Вїантъ и полководцемъ и побѣдителемъ. Таковымъ побѣдоноснымъ сраженїемъ, которое въ первой разъ подъ предводительствомъ философскимъ произведено, Грецїя премного хвалилась, видя, что философы ея неменьшее счастїе во оружїяхъ, какъ и сладкорѣчїе въ языкахъ имѣютъ. Когда же послѣ сраженїя случайно привели къ нему многихъ взятыхъ въ полонъ дѣвицъ, дабы онъ по обыкновенїю ихъ продалъ, и полученныя за нихъ деньги употребилъ на свои надобности; то онъ наблюдая скромность и воздержанїе, не точїю не продалъ, нижѐ растлилъ ихъ; но еще наградя одѣянїями, даровалъ имъ свободу, и безъ всякой обиды отпустилъ каждую во свое отечество: которая добродѣтель щедротъ и цѣломудрїя, чтобъ свобождать плѣнныхъ и нерастлѣвать дѣвицъ, по истиннѣ драгоцѣнна. Ибо многїе побѣдители, силою своего оружїя побѣжденныхъ преодолѣвшїе, сами отъ пороковъ и роскошей побѣжденнаго ими народа погибли.

Поступокъ сей толико прославляемъ былъ отъ Грековъ, и толь благопрїятенъ показался Мантинейцамъ, что они въ тужъ минуту отправили посольство, просить у Прїенейцовъ мира, которой между ими и заключенъ былъ вѣчно съ тѣмъ условїемъ, чтобъ для безсмертной о томъ памяти поставить статую Вїанту, коего тщанїе, или лутче сказать, добродѣтель, междоусобную ихъ войну прекратила; и по истиннѣ

сдѣлали они сїе разумно. Ибо тотъ, который привлекая непрїятельскїя сердца въ свою любовь и дружбу, миръ прїобрѣтаетъ, вящшей похвалы достоинъ; нежели въ поляхъ мучительскимъ пролитїемъ крови ихъ получающїй побѣду. Храбрые мужи имѣютъ и должны имѣть сердца великодушныя; и мы повседневно видимъ, что ласковымъ обхожденїемъ и благосклонностью удобнѣе одинъ многихъ побѣждаетъ, нежели гордостїю и свирѣпствомъ многїе одного преодолѣть могутъ. По сей то причинѣ Северъ Императоръ часто говаривалъ: „ежели я доброй, „то всякой въ Римѣ и маленькой отрокъ воло„скомъ меня привязавши поведетъ, куда ни за„хочетъ; буде же злонравной, то и всѣ Италї„янскїе богатыри собравшись вмѣстѣ, меня „не подвигнутъ. Ибо сердце мое лутче же„лаетъ работолѣпствовать добродѣтельнымъ, не„жели господствовать надъ беззаконными.

По повѣствованїю Валерїя Максима, нѣкогда Прїеней городъ взяли и расхитили непрїятели, такъ что въ семъ случаѣ убита Вїантова жена, въ плѣнъ отведены дѣти, разграблены имѣнїя, разорено отечество, напослѣдокъ сожженъ домъ его; и по лишенїи всего того Вїантъ спасши токмо животъ свой, убѣжалъ въ Аѳины. Въ такой горестной судьбинѣ будучи сей Философъ, не токмо не показалъ ни малѣйшаго знака печали, но еще идучи воспѣвалъ веселыя пѣсни. А какъ тому всѣ безмѣрно удивлялися, то говорилъ онъ имъ слѣдующее:

РѢЧЬ ВІАНТОВА.

„Не вѣдаютъ тѣ свойства фортуны, и незная „въ Философїи вкуса неправо объ оной разсужда„ютъ,

„ юшЪ, кои говоряшЪ, что о лишенiи отечества
„ жены, дѣтей, дому и всего именiя мнѣ печалиться
„ ся должно, такЪ аки бы собственное свое нѣчто
„ я утратилЪ. Ибо лишенiя дѣтей и богатства
„ урономЪ называть не должно, естьли безЪ вся-
„ каго поврежденiя жизнь вЪ цѣлости остается.
„ ЗаглянемЪ мы во внутренность сего дѣла, дабы
„ увидѣть тамЪ истинну словЪ моихЪ. Ежели
„ правосудные Боги вЪ непрiязненныя бесчеловѣч-
„ ныхЪ мучителей руки предали сей городЪ, то
„ попущенiе ихЪ весьма справедливо. Ибо ни-
„ что такЪ сЪ правдою несогласно, какЪ сiя необ-
„ ходимость, по которой свирѣпства немилосер-
„ дыхЪ тирановЪ вкушать тѣ достойны; кои по-
„ лезнѣйшихЪ мудрыми людьми предписываемыхЪ
„ не вкушаютЪ наставленiй. Ежели непрiятели
„ умертвили жену мою; я вѣдаю, что сiе сдѣла-
„ лось не безЪ воли боговЪ, которые еще вЪ
„ самую ту минуту, какЪ раждается человѣкЪ,
„ предѣлЪ жизни каждому назначаютЪ. Для че-
„ гожЪ мнѣ рыдать о ея смерти, естьли боги
„ такой вЪ жизни ей конецЪ начертали? Истин-
„ но, смерть незапною, и животЪ безвременно и
„ незрѣло похищающею кажется намЪ по той
„ причинѣ, что мы очень дорого жизнь свою
„ ставимЪ. Но болтаютЪ сiе напрасно легко-
„ мысленные человѣки: ибо, что посѣщаетЪ
„ насЪ смерть, и противЪ воли человѣческой
„ жизнь насЪ сама оставляетЪ, такЪ опредѣля-
„ ютЪ боги. СыновьяжЪ мои хотя обрѣтаются
„ нынѣ вЪ рукахЪ мучительскихЪ; но поелику
„ они суть добродѣтельные Философы, плѣнни-
„ ками ихЪ для того называть не должно.
„ Ибо не вЪ кандалы заклепанный, но пороками
„ обремененный, плѣнникомЪ почитается.

„ О сгорѣвшемъ отъ огня домѣ такъ же не „ надобно мнѣ плакать. Ибо онъ былъ ветхой, „ вѣтеръ уже срывалъ съ кровли доски, брусья „ въ потолокѣ источены червями, и вода стѣны „ и основанія его подмывала, такъ что я опа- „ сался, дабы и когда упадши развалинами своими „ не задавилъ меня незапно. Понеже зависть, „ злоба и ветхой домъ обыкновенно на нечающихъ „ упадаютъ. И такъ пришедъ огненная стихія „ доброту свою изъявила трояким образомъ: „ первое, что избавила отъ заботы починивать „ оной; второе, спасла отъ требуемаго на раз- „ борку его иждивенія; третье и послѣднее, „ что имѣвшіе быть о наслѣдствѣ его споры „ предварительно истребила. Ибо часто въ тяж- „ бѣ за наслѣдство маленькаго домика бываютъ „ толикіе убытки, что за оныя огромной и вели- „ колѣпной домъ возможнобъ было выстроить.

„ Напослѣдокъ, ежели сказываютъ, что „ у меня отняты пожитки; поелику я, какъ ны- „ нѣ самая вещь свидѣтельствуетъ, не имѣю „ даровъ фортуны: съ ума сошли тѣ, кои такъ „ говорятъ и разсуждаютъ. Ибо фортуна вре- „ менныхъ благихъ не отдаетъ никому во вѣч- „ ность, но токмо нѣкоторымъ до толь, пока ей „ угодно, въ сохраненіе поручаетъ. А какъ толь- „ ко примѣтитъ, что тѣ попечители добръ „ ея поступаютъ съ ними какъ наслѣдники; то „ въ самое то время, когда они найпаче ласкаютъ „ себя неотъемлемымъ владѣніемъ богатства, „ похитивъ у нихъ къ другому переноситъ. И „ для того не имѣю я справедливой причины „ жаловаться, будто бы утратилъ нѣчто соб- „ ственное. Понеже зловредныя богатства сча- „ стіе отдало другому: но терпѣніе и Филосо-

„ фія

„ фія при мнѣ остаются, и я сложивъ чужое „ бремя, ни о комъ болѣе, кромѣ самого себя, „ не пекуся.

Лаерцій въ пятой книгѣ о Греческихъ витіеватыхъ словахъ повѣствуетъ, что на Олимпійскія игры, къ коимъ всея вселенныя народы охотно съѣжжались, прибывъ Віантъ, толикими знаками доказалъ тамъ свое остроуміе, что предпочли его всѣмъ бывшимъ тогда въ присутствіи философамъ, и совершеннаго философа честь ему приписали. Во время же пребыванія его на тѣхъ играхъ, прочіе философы къ рѣшенію предложили ему многія о разныхъ матеріяхъ задачи, изъ которыхъ я отобравъ самыя лучшія и важнѣйшія здѣсь сообщить имѣю.

Задачи предложенныя Віанту.

Когда спросили его: „ кто безсчастнѣйшій „ въ семъ бѣдственномъ мірѣ? отвѣтствовалъ: „ въ свѣтѣ безсчастнѣйшій есть тотъ, который „ несчастія сносить не можетъ. Ибо не злоключенія умерщвляютъ человѣка, но собственная наша нетерпѣливость, какую мы въ несчастіи имѣемъ.

Вопрошающимъ: „ что всего досаднѣе разсу- „ ждать между человѣками? Нѣтъ ни чего, от- „ вѣчалъ онъ, къ разсужденію досаднѣйшаго, „ какъ промежъ двухъ друговъ разбирать ссору.„ Ибо судящему изъ двухъ междоусобствующихъ враговъ будетъ одинъ другомъ; на противъ же того изъ двухъ пріятелей крайнимъ врагомъ одинъ сдѣлаться можетъ.

На вопросъ: „ какая вещь труднѣйшая есть „ къ размѣренію? Нѣтъ ни одной изъ всѣхъ ве- „ щей, отвѣтствовалъ онъ, котораябъ къ размѣренію

„ мѣренію своему требовала толь совершеннаго „ прилѣжанія, какъ время. Ибо съ толикою тщаливостію время размѣрять должно, чтобъ какъ разумъ къ творенію добрыхъ дѣлъ не имѣлъ въ немъ недостатка, такъ напротивъ того и развращенной волѣ ни мало онаго для злодѣянія не оставалося.

Когда спрашивали его: „ какая бы то вещь „ была, въ совершеніи которой нѣтъ мѣста „ отговоркѣ, чтобъ не исполнить? „ Обѣщаніе, сказалъ онъ. Ибо люди, имѣющіе стыдъ и благородныя сердца, все, что ни обѣщаютъ изъ доброй воли, необходимо исполнить должны; въ противномъ же случаѣ понесъ бы вящшій вредъ и убытокъ тотъ, который нарушилъ вѣрность словъ своихъ, нежели утратившій обѣщанное.

Будучи вопрошенъ: „ о какой вещи равно„ мѣрно добрые и злые люди крайнее попеченіе „ имѣть должны? Отвѣтствовалъ: равнаго „ всѣмъ смертнымъ тщанія ни о чемъ прила„ гать не слѣдуетъ, какъ о сниcканіи добрыхъ „ совѣтовъ и совѣтниковъ. „ Понеже безъ подпоры зрѣлаго ума людей и здравыхъ совѣтовъ, ни счастія въ цѣлости сохранить, ни во время злоключенія множеству враговъ воспротивиться ни какъ не можно.

На предложенной запросъ: „ въ которомъ „ дѣлѣ человѣку медлить похвально бываетъ? „ въ одной только вещи, говорилъ онъ, то есть, „ въ выборѣ друговъ людямъ медлительными „ быть позволено. „ Ибо какъ очень не скоро надобно выбирать друга, такъ и никогда во все оставлять его не должно.

На послѣдокъ любопытствующимъ: „ какая „ вещь бѣдному паче всего желательнѣе? Пере- „ мѣна счастїя, говорилъ онъ. „ По томъ на другой вопросъ: „ что больше всего тревожитъ, „ и бояться заставляетъ счастливаго чело- „ вѣка? Помышленїе о перемѣнчивости счастїя, отвѣтствовалъ. „ Понеже бѣдной, по перемѣнѣ счастїя, надѣется получить нѣкоторую долю онаго; но пребывающїй въ благополучїи, отъ той же самой перемѣны въ счастїи, опасается своего упадка.

О всемъ томъ на Олимпїйскихъ играхъ былъ вопрошаемъ, и отвѣтствовалъ Вїантъ въ шездесятую Олимпїаду. Жилъ девяносто пять лѣтъ; и когда приближался къ смерти, то Прїенейцы о лишенїи толикаго мужа являя крайнюю печаль, просили его неотступно, дабы составилъ имъ такїе законы, помощїюбъ которыхъ они въ преемники по немъ могли выбрать полководцемъ и княземъ достойнаго человѣка; что услыша Вїантъ, въ краткости предписалъ имъ слѣдующїя правила, о которыхъ такожъ и о самомъ издателѣ оныхъ Вїантѣ Платонъ въ книгѣ законовъ, и Аристотель въ своей економїи упоминаютъ.

Законы, Прїенейцамъ отъ Вїанта данные,

„ Никого въ князи надъ всѣмъ народомъ из- „ бирать не должно, ежели онъ по крайней мѣ- „ рѣ сорока лѣтъ отъ рожденїя не имѣетъ. „ Ибо правителямъ народа надлежитъ быть въ сихъ лѣтахъ непремѣнно; дабы какъ младшїя лѣта и недовольное искусство ошибаться въ дѣлахъ не подавали имъ причины; такъ равнымъ образомъ и старѣйшїй возрастъ, съ сла-

бостью сопряженный, вЪ понесенiи трудовЪ не былЪ для нихЪ препятствомЪ.

„ ПравителемЪ народа никто поставляемЪ „ да не будетЪ; ежели согласными голосами „ весь народЪ о добродѣтельномЪ его житiи не „ засвидѣтельствуетЪ. Ибо никогда надлежащаго повиновенiя отдавать тому не станутЪ, котораго всѣ почитаютЪ беззаконнымЪ.

„ Да не избирается никто вЪ Прiенейскiе „ князи, ежели совершенно Греческому языку и „ знанiямЪ обученЪ не будетЪ. „ Ибо нѣтЪ ни чего для общества зловреднѣе, какЪ правитель мудрости и разума лишенный.

„ КняземЪ вЪ Прiенеѣ да не будетЪ избранЪ „ никто; ежели по крайней мѣрѣ десять лѣтЪ „ не обращался вЪ военной службѣ. „ Ибо тотЪ только вожделѣнной мирЪ и тишину хранить умѣетЪ, который собственнымЪ опытомЪ позналЪ существо трудовЪ военныхЪ.

„ ПравителемЪ народнымЪ того избирать не „ должно, который примѣченЪ будетЪ вЪ явномЪ „ жестокосердiи и свирѣпствѣ. „ Ибо статься не возможно, чтобЪ утѣшающiйся лютостiю, не сдѣлался на послѣдокЪ прямымЪ тиранномЪ.

„ Прiенейскiй правитель, который дерзнулЪ „ нарушить три древнiе народные законы, да „ отрѣшится отЪ правленiя, и изЪ города из- „ верженЪ да будетЪ. „ Ибо нѣтЪ ни чего пагубнѣе для общества, какЪ изобрѣтенiе новыхЪ законовЪ, и нарушенiе старыхЪ полезныхЪ обычаевЪ.

„ Прiенейскому князю для содержанiя опре- „ дѣленные доходы надлежитЪ платить исправ- „ но; ежелижЪ вЪ домѣ его расходы положенную „ дань превышать будутЪ, такой немедлѣнно

„ отЪ

„ отъ правленія общества да отрѣшится.„ Ибо имѣющему не большой достатокъ, но много расточающему Государю, необходимо слѣдуетъ или погубить царство, или перемѣниться въ тиранна.

„ Пріенейскій князь безсмертныхъ боговъ „ усерднымъ почитателемъ, и величайшимъ свя- „ щенныхъ храмовъ ихъ покровителемъ быть „ долженъ. „ Въ противномъ же случаѣ отъ такого Государя, который боговъ непочитаетъ, подданные надлежащаго правосудія и добраго правленія ожидать не могутъ.

„ Пріенейскій Князь, для завладѣнія чужихъ „ царствъ, войну всчинать не долженъ, доволь- „ ствуясь оставленною себѣ отъ предковъ обла- „ стію; будеже онъ противное сему затѣетъ, „ то ни деньгами, ни самъ собою, вспоможеніе „ ему чинить и за нимъ слѣдовать никто да не „ дерзаетъ. „ Ибо Аполлонъ въ совѣтахъ своихъ гласитъ, что у похищающаго чужое, боги и собственное его отъемлютъ.

„ Пріенейскій правитель всякую седмицу по „ дважды на моленіе богамъ ходить, и храмы по- „ сѣщать долженъ; а инако не точію отъ прав- „ ленія да отрешится, но и по смерти обыкновен- „ наго погребенія лишенъ да будетъ. „ Ибо умершій Государь, который боговъ не почиталъ въ своей жизни, какъ самъ почтенія и похвалъ, такъ и трупъ его чести погребенія недостоинъ.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ВТОРАЯ.

Богъ отъ сотворенія міра человѣческой родъ всегда за злодѣянія наказывалъ, а наипаче мстилъ разоряющимъ церьковь его Государямъ; и всѣ беззаконные Христіяне ни что иное суть, какъ подвластные рабы ада.

Безначальный и Бесконечный Творецъ, который всемогуществомъ и премудростію своею размѣряетъ всяческая, въ то самое время, когда изъ ничего всѣхъ тварей небесныхъ и земныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, тѣлесныхъ и бесплодныхъ, вещество устроилъ и привелъ въ бытіе, не токмо добрымъ своимъ рабамъ обѣщалъ награду, но и жесточайшія на неповинуящихся ему изрекъ наказанія. Ибо правосудіе и милосердіе Божіе въ равномъ степени всегда обращаются; такъ что хотя съ одной стороны милосердіе праведныхъ пріемлетъ, но однакожъ съ другой правосудіе его угрожаетъ беззаконнымъ. Истинна сія всѣмъ извѣстна: ибо какъ одинъ точію былъ Богъ, и создалъ одинъ міръ, и во всемъ мірѣ былъ одинъ рай, и во ономъ одинъ источникъ, и при источникѣ одинъ мужъ, и съ мужемъ одна токмо жена, и съ женою одинъ змѣй, и подлѣ змѣя одно заповѣданное древо; то коль ужасно было тогда смотрѣть, и коль нынѣ удивительно сказать, что въ самой тотъ день, когда строеніе міра совершилось, Богъ въ земномъ Едемѣ и висѣлицу и мечь поставилъ. Висѣлица была запрещенное древо, за снѣдь коего прародители наши осуждены были. Мечь же та казнь, отъ которой мы бѣдные потомки ихъ даже до сего времени страждемъ. Ибо они самою

вещїю вкусили незрѣлой плодъ преступленїя, а мы на зубахъ своихъ и до днесь оскомину наказанїя чувствуемъ.

Я о томъ говорить не стану, коими судьбами Богъ всемогуществомъ своимъ возводитъ упадшее; премудростїю наставляетъ на путь заблуждшее; по воли своей умолчеваетъ множество беззаконїй; по неизреченной милости своей прощаетъ согрѣшившимъ; блистанїемъ своимъ просвѣщаетъ потемненное; правотою своею направляетъ сокрушенное; и по многимъ щедротамъ своимъ награждаетъ паче достоинства; но токмо скажу, и нѣсколько изъясню здѣсь пространнѣе, какимъ образомъ правосудїе всевышняго Бога враждующихъ съ нимъ, и милости его незаслуживших наказуетъ. О коль беспечальными надлежитъ быть вѣрнымъ рабамъ твоимъ, Господи, за малое учиненное тебѣ угожденїе, премногую и изобильную имѣющимъ воспрїять отъ десницы твоей награду! и напротивъ того, въ коликомъ сѣтованїи беззаконные жизнь свою провождать должны, вѣдая, что за многїя злодѣйства, назначенныя тобою страшныя и лютыя постигнутъ ихъ ка́зни!

Хотя же Богъ равнымъ образомъ, какъ добродѣтелей по благости и милосердїю безъ награды, такъ и злыхъ дѣлъ по своему правосудїю безъ наказанїя не оставляетъ; вѣдать однакожъ должно, что онъ изливаетъ ярость свою, паче всѣхъ, на то беззаконїе, которое къ бесчестїю и нарушенїю святой православной вѣры простирается. Ибо Христосъ отъ гонителей своея церкви равномѣрно, какъ и отъ тѣхъ, кои тѣло его терзали, признаетъ себя обидимымъ.

Историї гласятъ, что въ древнїя времена славныхъ Государей и знаменитыхъ мужей наказывалъ Богъ многими и достопамятнѣйшими казньми. Но ни въ какомъ дѣлѣ наказывающая рука Божїя съ толь тяжкимъ и жестокимъ не поступала размахомъ, какъ въ наказанїи тѣхъ, кои проклятыхъ обожая истукановъ, священные разоряли храмы. Ибо въ жизни отъ православной Христїянской вѣры отложиться, и при смерти о Божїемъ милосердїи отчаяваться, два сїи грѣха суть противъ Бога тяжчайшїе. О когдабъ мы при помощи и благодати Божїей, толь усердно исповѣдывали предъ нимъ грѣхи свои, сколь неоспоримую наказывать насъ за оные имѣетъ Богъ справедливость; то непремѣнно бъ жизнь свою напослѣдокъ исправили, и нетокмо совершенное за всѣ прешедшїя беззаконїя прощенїе, но и милость въ будущемъ вѣкѣ получилибъ отъ него несомнѣнно!

Взирая на одну вещь, не могу довольно надивиться нашему во оной постоянству и слабости, то есть, въ случаѣ преступленїй и винъ своихъ почитаемъ мы себя, (такъ сказать) гражданами сего свѣта, извиняясь, что къ дѣланїю того природная склонность насъ побуждаетъ; но въ покаянїи и удовлетворенїи за оныя перемѣняемъ уже то имя и называемся странствующими пришельцами; согрѣшая сирѣчь, одобряемъ грѣхи свои, и отъ должнаго за то наказанїя себя оправдаемъ. Неспорно, беззаконные, попущенїемъ недовѣдомыхъ судебъ Божїихъ за собственные ихъ грѣхи, могутъ иногда употреблять жизнь сїю по своей волѣ и прихотѣнїю; но пусть повѣрятъ мнѣ, что въ самое то время, когда ниже думаютъ они, противъ воли своей

своей лишатся жизни. Ибо прелести и утѣхи вѣка сего толь непостоянны, что чуть только еще начинаемъ мы вкушать ихъ, а онѣ уже изъ глазъ нашихъ исчезаютъ.

Не ложное, и опытами добродѣтельныхъ и беззаконныхъ людей засвидѣтельствованное есть правило, что по природному вдохновенію болѣе ко изобилію, нежели къ недостатку желаніе наше простирается; а того самаго, что намъ всевожделѣнно, съ крайнимъ прилѣжаніемъ ищемъ, прилѣжно же искомаго съ трудомъ достигаемъ; съ трудами приобрѣтеннымъ, пріятно владѣемъ; пріятно владѣемаго лишаемся съ крайнимъ соболѣзнованіемъ; и утраченное съ крайнею печалію оплакиваемъ непрестанно. Ибо очи, въ слезахъ утопающія, суть неоспоримые свидѣтели сердецъ оскорбленныхъ. „ Для высокопарныхъ мыслей и трусливыхъ сердецъ всеминутно мучащая тоска, непрерывно терзающая досада, и непрестанно грызущій червь, есть помышленіе, представляющее человѣку, что будетъ нѣкогда время, въ которое надобно ему лишиться всепріятнѣйшей жизни, коей нѣтъ ничего любезнѣе въ свѣтѣ, и неминуемо должно вкусить страшной смерти, которой нѣтъ ничего горестнѣе и ненавистнѣе.

Но да приступлю ко утвержденію моего предмѣта; всѣ Государи, ежели неизвѣстно имъ, изъ сего понимать должны, что какъ божественной промыслъ безъ всякихъ заслугъ ихъ возвелъ на высоту достоинства и чести, такъ равно испровергнетъ ихъ паки страшное правосудіе Божіе, ежели они за толикое благодѣяніе его неблагодарны пребудутъ. Понеже неблагодарность за полученное благодѣяніе, къ получе-

нію онаго впредь дѣлаетъ человѣка недостойнымъ. Слѣдовательно, чѣмъ множайшія кто паче прочихъ воспріялъ благодѣянія, тѣмъ жестрочае за злоупотребленіе оныхъ будетъ наказанъ.

Всѣ мудрые мужи, ежели только простругъ мысленной взоръ свой, и углубивъ сердце въ дѣла божія вникнутъ; примѣтятъ по истиннѣ, что Богъ часто нить своихъ казней отъ тѣхъ грѣховъ, которыхъ мы уже вовсе забыли, начинаетъ. Ибо тайные и уже забвенію преданные грѣхи наши, по примѣру беззаконій кровію обагренныхъ, всегда вопіютъ предъ престоломъ божескаго правосудія, и требуютъ намъ явнаго наказанія. Въ семъ то обстоятельствѣ, говорю, и самый Государь; на верьхъ человѣческаго счастія возведенный, не вящшую, какъ и бѣдненькой крестьянинъ, въ малой и безобразной деревушкѣ убого живущій, безопасность и свободу имѣетъ. Да еще и гораздо чаще, какъ изъ опытовъ явствуетъ, нечаянные и страшные громы и молніи, минуя малыя храмины, во мгновеніи ока кичащіяся до небесъ поражаютъ и спрокидываютъ башни. Въ семъ то состоитъ святая воля его и непремѣнное хотѣніе, дабы, чѣмъ выше кто предъ другими возведенъ десницей его, тѣмъ вящше, нежели прочіе, превознесенный человѣкъ познавалъ своего Господа и владыку. Понеже Богъ не для того устроилъ высокіе скипетры и державы, чтобъ правящіе оными Государи жили другихъ роскошнѣе, и звѣрьскія могли совершать беззаконія; но дабы съ горячнѣйшимъ усердіемъ и больше, нежели прочіе, ему служить и воздавать почитаніе, тѣмъ лучшіи случай и способъ имѣли.

И такъ, каждый Государь, который не будетъ истиннымъ христіяниномъ, и ревностнымъ любителемъ православныя вѣры; который, говорю, святые разоряетъ храмы, и нерадитъ отдавать Богу честь и поклоненіе; безъ малѣйшаго сомнѣнія пусть вѣдаетъ, что не токмо въ сей жизни безславія не избѣгнетъ, но и въ грядущей вѣчности спасеніе души своея погубитъ. Ибо всѣ беззаконные христіяне, что иное суть, какъ токмо подвластные рабы ада?

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ТРЕТІЯ.

Авторъ въ доказательство приводитъ двенатцать примѣровъ, гласящихъ, коль жестоко наказаны были Государи, разорители священныхъ храмовъ.

1. О КАЗНИ ПОСТИГШЕЙ СЫНОВЪ ААРОНОВЫХЪ.

Хотя продолжаемыя доселѣ разсужденія и слова мои довольно могутъ сами собою подавать наставленіе, однакожъ необходимость требуетъ, оставя оныя, къ твердѣйшему доказательству, многія и достопамятныя предложить исторіи. Ибо человѣческія сердца удобнѣе малымъ числомъ примѣровъ, нежели многими словами преклоняются.

Въ десятой главѣ книги Левитъ, называемой у Евреянъ Ваикро, повѣствуется, что въ одно и тоже время, когда Мойсей, зять священника Мадіамскаго Іеѳрона, верьховную Княжескую имѣлъ власть надъ всѣмъ Симовымъ потомствомъ, купно съ нимъ родной его и прокаженной Маріи братъ

Аарон отправлял званіе великаго архіерея. Ибо во всѣх, данных от Бога законах, всегда предостерегаемо было, чтоб один гражданскими, а другой священными и божественными дѣлами управляли. Имѣл же оный первосвященник у себя двух сыновей, Надава и Авію, юнош мудростію, мужеством и красотою одаренных, кои даже из отроческих лѣт, в обыкновенных жертвоприношеніях отцу помогали. Ибо в ветхом завѣтѣ, как самим священникам имѣть жен и дѣтей, так и сыновьям их отцовскую должность заступать, и наслѣдниками священства по них быть дозволялось.

Когда же оба сіи юноши, облекшись свѣтлыми одеждами, и имѣя на чреслах своих драгія препоясанія, и на главах вѣнцы, держали в одной рукѣ кадильницу, а в другой благовонныя куренія, и облѣнясь на зажженіе оных развесть новой огонь, как то дѣлать издревле повелѣно было законом, коснулися набрать горящих угольев от огня, им запрещеннаго; тут то какая сдѣлалась бѣда! ужасно зрѣнію! Пред лицем всего народа, ни кому же зла чающу, незапно устремился на них пламень, и повергши обоих сих юнош на землю бездушных, печальным образом окончил приношеніе жертвы. По истиннѣ строжайшее, но весьма справедливое осужденіе! Понеже достойны были тѣ лишиться жизни, кои чужаго коснулись дерзновенно. Я не спорю, что оба оные жрецы тяжко согрѣшили, естьли толь строго наказаны; однакож смѣло говорю, что тѣ грѣшат пуще, кои имѣя душу беззаконіями оскверненную, священнодѣйствуют, или пріобщаются тѣлу и

крови Христовой, нежели коснувшіеся огню чужому. Истинна сія извѣстна: ибо юноши, наглою смертію отъ Бога потребленные, спасши души свои, однимъ токмо тѣломъ наказаніе воспріяли; но симъ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ попускаетъ Богъ пользоваться цѣлостію жизни, для того что душъ ихъ вѣчная ожидаетъ погибель.

2. О КАЗНИ АЗОТЯНЪ.

Во время небытія уже Царя въ Палестинѣ, правилъ онымъ царствомъ нѣкоторый сѣдинами украшенный мужъ, имѣвшій у себя двухъ славныхъ сыновей Гофна и Финея. Ибо правительствовали тогда во Израили не Цари, которые его утѣсняли; но мудрые и храбрые мужи, кои наблюдали правосудіе. Когда же Азотяне, воинственной и весьма храброй народъ Арапской, воздвигли брань на Израиля; то Израильтяне на мѣсто ополченія привезли ковчегъ завѣта; что въ тѣ поры такъ было важно, какъ бы нынѣ кто святыя тайны, одолѣнія ради непріятеля, принесъ съ собою на сраженіе. Однакъ сіе предпріятіе ихъ толь было неудачливо, что Израильтяне не токмо побѣду проиграли; но сверьхъ того и ковчегъ, всѣхъ оставшихъ святынь драгоцѣннѣйшій утратили. По избіеніи же Израильтянъ тритцати тысячь, и разграбленіи обозовъ ихъ, Азотяне Божественной ковчегъ, наполненной священными остатками, взяли въ плѣнъ, и отвезши въ городъ Азотъ, поставили въ капищѣ передъ проклятымъ идоломъ своимъ Дагономъ.

Но силою истиннаго Бога, который не хощетъ, дабы ложное божество самому ему, или

вещи его изображающей равнялось, въ ту же самую ночь Истуканъ Дагоновъ, хотя онаго ни кто не трогалъ и некасался, палъ и въ мѣлкія рассыпался части. Ибо всемогущество Божїе есть толь велико, что ко исполненїю правосудїя своего не требуетъ человѣческой помощи. Не довольствуясь же Богъ однимъ испровержeнїемъ и сокрушенїемъ идола, восхотѣлъ еще наказать и почитателей онаго; чего ради Азотяне, Аккалониты, Гетейцы, Аккарониты и Газеи, обитатели предревнихъ и знаменитыхъ пяти городовъ, мужеска пола весь народъ почечуйною болѣзнїю такъ уязвлены были, что ни сидя вкушать пищу, ни на коняхъ путешествовать имъ было невозможно. А дабы всякъ могъ узнать важность грѣха изъ строгости претерпѣваемаго ими за оной наказанія; то повелѣнїемъ Божескаго правосудїя, всѣ домы, всѣ улицы, всѣ вертограды, всѣ житницы, и посѣянной хлѣбъ всѣ чертоги, и наконецъ всѣ поля ихъ наполнились множествомъ мышей; которыя все изгрызали.

Сугубо они грѣшили, обожая вымышленныхъ истукановъ, и оставляя истиннаго Бога; напротивъ чего и Богъ восхотѣлъ отмстить имъ сугубымъ злоключенїемъ, сирѣчь, навелъ на нихъ болѣзнь, дабы тѣла ихъ страдали, и послалъ въ жилища мышей, дабы богатства ихъ истощили. Понеже, кто самохотно душу свою дїяволу предалъ, у того противъ желанія одни токмо богатства отнять Богу недовольно.

Ежелижъ сїе такъ есть, то вопрошаю: чей грѣхъ тягостнѣе, Азотянъ ли, поставившихъ ковчегъ завѣта въ капищѣ, яко святѣйшемъ и

честнѣй-

честнѣйшемъ по ихъ разсужденію мѣстѣ ; или Христіянъ, кои отложа страхъ Божій, сокровища церковныя похищаютъ , и на мирскія надобности иждиваютъ ? По истиннѣ, колико суевѣріе Азотянъ разнствуетъ отъ Христіянскаго благочестія , толико важность грѣха ихъ отъ тягости беззаконія сихъ послѣднихъ отстоитъ далече. Ибо они согрѣшили, не вѣруя, что ковчегъ былъ изображеніемъ истиннаго Бога ; а мы и вѣруя и исповѣдуя Бога истиннаго, толь многими беззаконіями прогнѣвлять его не стыдимся. Сей толь необыкновенной родъ наказанія явно доказываетъ , что великіе Государи и Князи не токмо признавать Бога, яко владыку своего; но и все посвященное ему, съ благоговеніемъ почитать должны. Ибо и человѣческіе законы , гласящіе о должномъ почтеніи Государю, какъ того, кто раззоряетъ или грабитъ царскіе чертоги, такъ и дерзнувшаго на Царскую жизнь поднять свои руки, равномѣрной присуждаютъ казни.

3. О КАЗНИ ІОСІИ.

Повѣствуется въ шестой главѣ книги вторыхъ царствъ , сыномъ Елкановымъ писанныхъ , что когда Израильскій Кіотъ съ священными остатками, сирѣчь, не многимъ числомъ Манны, Аароновомъ жезломъ , и двумя каменными скрыжальми находился въ храминахъ Авинадава Габайскаго гражданина; то вознамѣрился сынъ Исавовъ , единодержавный того времени во всемъ Израили Царь, взявъ оные оттуда , въ столичномъ своемъ городѣ и царскихъ поставить чертогахъ. Ибо крайнѣ казалось ему недостойно, что онъ будучи смертный Государь. даже до избытка домъ имѣетъ, а Богъ безсмертный Царь, и на

сохраненіе святынь своихъ лишается храма. Когдаже приспѣлъ день пренесенія, въ которой назначено было тѣ останки изъ Габаи перевезть въ Виѳлеемъ; то приложась къ Царю тритцать тысячь Израильскаго народа и всѣ царства того вельможи, какъ для вящшей славы охранительнаго провожанія священныхъ останковъ, такъ и для умноженія царской свиты слѣдовали за онымъ. Кромѣ того съѣхались туда и многіе иностранцы: ибо на толикія позорища обыкновенно большее число самохотныхъ, нежели званныхъ смотрителей стекается.

Когда же всѣ старѣйшины въ провожаніи шли пѣши, воспѣвалъ весь народъ, и самъ Царь скакалъ и плясалъ; то запнулось нѣсколько колесо подъ священными тѣми останками, за которое какъ только ухватилъ Іосія, поддерживая плечомъ своимъ колесницу, дабы оная не опрокинулась, нечаянно предъ лицемъ всего народа палъ бездушенъ. На сей, по истиннѣ страшной образецъ казни Божіей со вниманіемъ взирать надлежитъ. Ибо ежели онъ за одно только прикосновеніе къ колесницѣ, да и то поддерживанія ради, дабы не опрокинулась, смертію наказанъ; то ни одному уже Государю, который способствуетъ разорять святые храмы, продолженія жизни отъ Бога уповать недолжно. Ежели Іосія употребя толикое усердіе лишился жизни; то скажите мнѣ великіе Государи и Князи, чего вы надѣетесь, толикимъ нерадѣніемъ своимъ попуская разореніе церькви? Паки вопрошаю васъ предержащіе государи и Князи; ежели Іосія толикаго достоинъ былъ наказанія за непочтительное поддерживаніе падающаго ковчега; то коликая васъ казнь ожидаетъ, что вы болѣе по злонравію, нежели

по

по неведѣнїю своему попускаете, слѣдственно и помогаете разорять церьковь?

4 О КАЗНИ ЦАРЯ ВАЛТАЗАРА.

Когда Персидскїй и Мидскїй царь Дарїй держалъ во осадѣ Вавилонъ, древнѣйшїй Халдейской городъ; царствовалъ тогда во ономъ Валтазаръ, сынъ Великаго Навуходоносора, толь беззаконной извергъ, что тѣло умершаго отца своего приказалъ изрубить въ триста штукъ, и толикомужъ числу соколамъ повергнуть на снѣденїе, опасаясь, дабы отецъ паче чаянїя воскреси изъ мертвыхъ, не лишилъ его царской державы. Я не знаю, откуду толикое безумїе у отцовъ, что трудятся о оставленїи дѣтямъ своимъ роскошей и богатства, естьли тѣхъ самихъ птицъ утробы, коими сынъ веселился на охотѣ, пожравъ отца, были для него печальными и бесчеловѣчными гробами.

Находясь же Валтазаръ во оной осадѣ, вздумалъ нѣкоторою ночью для всѣхъ царства своего Князей, Вельможъ и славнѣйшихъ полководцовъ, пришедшихъ къ нему на помощь, знатной учредить пиръ, дѣлая сїе съ особливою хитростїю, сирѣчь; дабы окруживїие городъ Персїяне и Мидяне усмотрѣли, сколь онъ много ту стѣснительную ихъ осаду презираетъ: какъ то знаменитые и великодушные мужи посреди многихъ бѣдъ и опасностей обыкновенно стараются вымышлять увеселенїя, дабы тѣмъ ободрить сердца своихъ подчиненныхъ; и на противъ того устраша непрїятелей, мужество ихъ уничтожить.

Подобное сему гласятъ исторїи о Епирскомъ Царѣ Пиррѣ Великомъ, который въ Тарентѣ

отъ

отъ Римскаго полководца Курїя Дентата, будучи въ крѣпчайшей заключенъ осадѣ, говорилъ своимъ полководцамъ: „ не унывайте, друзья „ мои, коихъ малодушїя я еще ни когда не примѣтилъ; ежели Римляне окружили тѣла наши, то мы вкругъ сердецъ ихъ ополчаемся. „ Повѣрьте, я такого сложенїя, что чѣмъ вящше отъ человѣкъ стѣсненъ бываю, тѣмъ ширѣ и свободнѣе распространяется духъ мой. „ Не довольно сего, я еще говорю и утверждаю, „ что хотя Римляне испровергли стѣны; но „ сердца наши остаются не подвижны. И хотя „ уже, для прикрытїя отъ нихъ, нѣтъ у насъ „ стѣнъ болѣе; докажемъ однакожъ мы Римлянамъ, что трудняе имъ преодолѣть Греческїя „ сердца, нежели Тарентскїе сокрушить камни.„

Въ прочемъ, Валтазаръ по окончанїи вечерняго стола, которой продолжался до глубокой ночи, о прїуготовленномъ по его нраву и вкусу пированїи веселясь чрезмѣрно, и отъ изобильнаго питья не гораздо будучи трезвъ, приказалъ изъ сокровищницъ своихъ взять и на столъ поставить серебреные стаканы и золотыя чаши, для потчиванїя ими наложницъ и прочихъ гостей, съ тѣмъ единственно намѣренїемъ, дабы князья и полководцы усерднѣе претерпѣвали осаду, и обороняли своего царя, обогащеннаго толикими сокровищами, коими онъ за труды ихъ награждать въ состоянїи будетъ. Ибо, правду сказать, ни что такъ сильно къ трудамъ не поощряетъ, какъ положенное предъ очами награжденїе.

Когда же изъ тѣхъ сосудовъ, которые попущенїемъ божїимъ за грѣхи народа изъ Iерусалимскаго храма Навуходоносоръ похитилъ, съ край-

крайнею пріятностію всѣ гости пили; вдругъ безъ тѣла и безъ плеча появилась на стѣнѣ человѣческая рука, перстами слѣдующія слова начертавшая: МЕНЕ; ТЕЦЕЛЪ; ФАРЕСЪ; которыя заключали въ себѣ такой разумъ: „ въ книгу жизни твоей, Царю Валтазаре, вникнулъ „ Богъ, и узрѣлъ совершенную и превосходящую „ верьхъ главы твою злобу. Онъ на вѣсахъ тебя „ и все царство твое приказалъ вѣсить, и „ обрѣлъ великой въ васъ къ справедливому вѣ- „ су недостатокъ. Сего ради повелѣваетъ, да „ отъимется у тебя за грѣхи животъ твой, „ и царство твое въ руки Мидянамъ и Персія- „ намъ, врагамъ твоимъ, да предано будетъ. „ Да и не тщетно было сіе видѣніе, и не продолжилась изреченная имъ казнь; но въ ту же самую ночь взятъ непріятельми городъ, убитъ царь Валтазаръ, погибло царство, разграблены сокровища, отсѣчены наложницамъ головы, отведены въ плѣнъ Князи и Вельможи, и всѣ порабощены Халдейцы.

Теперь вопрошаю: ежели Валтазаръ за одно только потчиваніе священными сосудами друзей своихъ и наложницъ, толь жестоко наказанъ; то коликаго наказанія достойны Государи и первосвященники, которые ограбивъ церьковныя сокровища, на свѣтскія употребляютъ нужды? Валтазаръ, сколько золъ и развращенъ ни былъ, однакожъ не передѣлалъ, ниже подарилъ комулибо, ни продалъ, ни заложилъ тѣхъ Ветхозаконныя Израильскія церькви священныхъ сосудовъ. Чтожъ намъ сказать должно о Государяхъ и священнодѣйствующихъ лицахъ, которые безъ всякаго стыда и совѣсти церьковныя имѣнія похищаютъ? Гораздо меньшій грѣхъ мнѣ кажется,

дать

дать наложницѣ пить изъ священной чаши, нежели чрезъ искупъ (что многіе нынѣ дѣлаютъ) внійти въ церьковь. Ибо оный тираннъ безуміемъ паче, нежели сребролюбіемъ преодолѣнъ былъ; но сихъ, до коихъ слова мои касаются, безуміе, сребролюбіе, и святокупство ослѣпляютъ вмѣстѣ.

Ежелижъ бы полюбопытствовалъ кто: „ „ буде священные сосуды увезъ изъ Іерусалима „ Навуходоносоръ; то для чего Валтазаръ сынъ „ его воспріялъ наказаніе? Понеже съ разумомъ „ несогласно, и по законамъ человѣческимъ ка- „ жется неправедно, за отцовскую татьбу, на- „ лагать платежъ на сына. Такому отвѣт- „ ствую: естьли сынъ желаетъ быть добродѣ- „ тельнымъ; то все, не правильно для него от- „ цомъ пріобрѣтенное и оставленное стяжаніе, „ возвратить обязанъ. Ибо пользующійся укра- „ денными вещми, не меньшее заслуживаетъ на- „ казаніе, какъ и тотъ, который воровствомъ „ оныя похитилъ. „ Словомъ: оба они равные тати, и по правосудію божескому смертной казни и мщенія достойны были.

5 О КАЗНИ АХАВА ЦАРЯ.

Въ первой книгѣ, именуемой Мелахимъ, то есть третьихъ царствъ, въ шестойнадесятъ главѣ повѣствуется, что во время бытія въ Іерусалимѣ Азаріи пророка, и въ Іудеѣ Царя Асы, царствовалъ во Израили Амбръ, по смерти коего возшелъ на престолъ сынъ его Ахавъ, и царствовалъ въ Самаріи, будучи токмо двацати двухъ лѣтъ отъ рожденія. Онъ сколь младъ лѣтами, столь и развращенъ былъ житіемъ, такъ что не съ беззаконными, но съ пребеззаконнѣйшими вмѣ-

няется. Ибо писанїе, тѣмъ, кои въ жизни своей крайнѣ беззаконны были, и имена крайнѣ бесчестныя обыкновенно приписуетъ. И поелику многїя Ахавовы обрѣтаются беззаконїя, то нѣкоторыя токмо изъ нихъ здѣсь предложить я намѣренъ.

ПЕРВОЕ, во всемъ непремѣнно по стопамъ Іеровоама, бывшаго первымъ предводителемъ Израильскому народу къ идолослуженїю, слѣдовалъ онъ, къ крайнему своему безславїю. Ибо Государи не подражая добродѣтельнымъ, заблуждаютъ токмо; но слѣдуя по стопамъ беззаконныхъ, согрѣшаютъ уже тогда прямымъ образомъ.

ВТОРОЕ, Ахавъ не взирая на то, что самъ былъ царемъ Израильскимъ, понялъ себѣ въ жену отъ крови языческой Езавель, дщерь царя Сидонскаго; которое супружество, по истиннѣ, было весьма безобразное. Ибо разумные Государи, той же вѣры и состоянїя, какова сами, и супругъ себѣ выбирать должны; дабы не пришли потомъ въ раскаянїе. СВЕРЬХЪ ТОГО, возобновилъ городъ Іерихонъ, по повелѣнїю Божїю, съ извѣщенїемъ жесточайшаго наказанїя тому, ежели бы кто обновлять его отважился, разоренной. Ибо грѣхи онаго толь велики были, что не токмо обитающїе въ немъ человѣки заслужили лишенїе жизни; но и самыя стѣны и жилища, чтобъ камень на камень остался, не достойны были. НА КОНЕЦЪ, устроилъ Ахавъ въ городѣ Самарїи великолѣпнѣйшїй храмъ Ваалу, посвятилъ ему увеселительную свою рощу, и воономъ капищѣ изъ чистѣйшаго золота литаго поставилъ истукана. Сей тщетный Вааловъ идолъ толико былъ почитаемъ во время проклятаго Царя Ахава,

ва, что онъ и подданные его жертвуя ему и покланяясь, явно истиннаго тѣмъ ругали Бога.

На послѣдокъ же, когда выѣхалъ онъ на сраженїе противо Сирскаго Царя изъ Рамаѳы, намѣревая отнять у него городъ Галаадъ, толь сильно между легкими и желудкомъ пораженъ былъ стрѣлою, что отъ сей язвы не токмо жизни лишился; но и истекшую на землю кровь его пси полизали. И такъ великїе Государи, и Князи, буде повинуетесь моему совѣту, ни о чемъ вящше утѣшаться и хвалиться вамъ не должно, какъ о томъ, ежели вы истинные Христїяне; взирая на сего царя, который поелику сердцемъ своимъ служилъ Богамъ ложнымъ, учинился чрезъ то достойнымъ, дабы и кровь его въ песьихъ погребена была утробахъ.

6. О КАЗНИ ЦАРЯ МАНАССІИ.

Манассїя былъ сынъ Езекїи, и отецъ Аммоновъ, которые хотя всѣ царствовали, нравами однакожъ такъ одинъ отъ другаго различились, что трудно домыслиться, храбрыя ль дѣла и добродѣтели отцовы, или развратъ и беззаконїя сыновни бо́льшїя были. Сей Манассїя, по истиннѣ былъ пребеззаконный Государь; онъ отъ основанїя возобновилъ храмъ Вааловъ, устроилъ по городамъ для Идоловъ капища, возставилъ на холмахъ всѣ Демонскїе жертвенники, многимъ идоламъ посвятилъ Вертограды и рощи, и божественное звѣздамъ, планетамъ и стихїямъ отдавалъ почитанїе. Ибо нѣтъ такого рода злодѣйствъ, отъ вѣроломства и невѣрности происходящихъ, которыхъ бы оставленный Богомъ человѣкъ не содѣлалъ. Въ прочемъ, дотолѣ возрасло его окаменение, что въ царскомъ домѣ своемъ держалъ прори-

прорицателей, гадателей и вражбитовъ, и каждой день идоложертвеннымъ сына своего огнемъ повелѣвалъ окуривать; такъ что и слуги его всѣ были волхвы и чародѣи, и самъ онъ съ крайнимъ усердіемъ и охотою упражнялся въ волшебной наукѣ.

А дабы не пропустить ни какого беззаконія, поелику не имѣлъ онъ ни единыя добродѣтели; толико былъ свирѣпъ и лютъ, и толико пролилъ во Іерусалимѣ неповинной крови, что ежели бы столько скопилось вдругъ въ одномъ мѣстѣ воды, сколько пролито имъ крови; конечно оная нетočію мертвыхъ всѣхъ покрыть, но и живыхъ потопить могла бы. Всѣмъ предрѣченнымъ неудовольствуясь онъ, поставилъ во храмѣ Господнемъ древняго идола, въ нѣкоторой рощѣ лежавшаго уже испроверженнымъ. За сіе беззаконіе Богъ его наказуя сперьва попустилъ, что слуги первороднаго сына его согласясь умертвили; а потомъ по правосудію своему нетерпя болѣе толикихъ злобою человѣческою содѣваемыхъ беззаконій, повелѣлъ проповѣдать во Іерусалимѣ тако: „ понеже Манассія дерзнулъ меня „ презирать, совершая и вмѣщая во единомъ „ себѣ всѣхъ беззаконія; того ради и накажу я „ нынѣ его самаго всѣми тѣми наказаніями, ка„ кія на всѣхъ налагалъ обыкновенно. „ Изъ сего Государямъ заключать должно, что мщеніе божіе не далѣе, какъ и самые грѣхи наши, простирается; и буде преступленіе наше не велико, то и наказаніе Божіе самое легчайшее бываетъ. Но ежели Государь упорно и неуклонно беззаконновать станетъ; то пускай безъ малѣйшаго сомнѣнія будетъ увѣренъ, что и наказаніе понесетъ жесточайшее.

7. О КАЗНИ ІУЛІЯ. 8. ПОМПЕЯ. 9. КСЕРКСА. 10. КАТИЛИНЫ. 11. ГЕРМАНИКА, и 12. БРЕННА.

Когда великій Помпей съ многочисленнымъ воинствомъ римскимъ пришелъ въ восточныя государства, и покорилъ уже всю Сирію, Месопотамію, Дамаскъ и Аравію; то обратилъ оружіе свое на Палестину, которая инако называлася Іудеія. Онъ надѣлалъ въ царствѣ семъ премного раззоренія, и произвелъ жесточайшія и кровопролитныя брани, на которыхъ съ обоихъ сторонъ многіе Евреяне и римляне пали, причинивъ не токмо Израилтянамъ, но и самому себѣ великой вредъ и убытокъ; и напослѣдокъ преодолѣвъ силою плѣнилъ крѣпчайшій городъ Іерусалимъ, который по повѣствованію Плинія, былъ знаменитѣйшій во всей Азіи; какъ то и Страбонъ въ книгѣ о положеніи свѣта пишетъ, что въ Италіи римъ, въ Африкѣ Карѳагенъ, въ Ишпаніи Нумантія, въ Германіи Аргентинъ, въ Халдеѣ Вавилонъ, въ Египтѣ Ѳивы, въ Греціи Аѳины, въ Финикіи Тиръ, въ Каппадокіи Кесарія, въ Ѳракіи Византія, и наконецъ въ Палестинѣ Іерусалимъ, столичные города были. Недовольно же казалось Помпею, что онъ въ томъ военномъ походѣ убивалъ всѣхъ престарѣлыхъ, отводилъ въ плѣнъ всѣхъ юношъ, рубилъ головы отцамъ, терзалъ матерей, раздиралъ дѣтей, испровергалъ домы, и всѣ похищалъ богатства; но сверхъ того прилагая беззаконіе къ беззаконію, превратилъ въ лошадиной сарай и храмъ Божій: которымъ поступкомъ толико раздражилъ Бога, что до того времени на всѣхъ сраженіяхъ преодолѣвая, и надъ дватцатью двумя царями торже-

ственныя одержавъ побѣды, напослѣдокъ самъ здѣлался несчастнѣйшимъ и вездѣ побѣжденнымъ.

Славнѣйшему тиранну Катилинѣ никогдабъ не попустили Боги, какъ повѣствуетъ Саллустій, быть побѣжденну; ежели бы онъ храма ихъ не ограбилъ. М. Маркеллъ, коему въ храбрости и добродѣтеляхъ едвали кто изъ Римлянъ былъ равенъ, тогожъ самаго дня, въ которой сожегъ храмъ богини Февруи, убитъ на сраженіи. Любезнѣйшій для всѣхъ человѣкъ, Друзъ Германскій, славнѣйшій полководецъ Римскій, по той причинѣ, что быка, коего Халдейцы обожали, подчиненнымъ своимъ дозволилъ ѣсть, противъ запрещенія Халдейскихъ законовъ; черезъ мѣсяцъ утратилъ жизнь къ крайней печали Римлянъ, смерть его оплакивающихъ. Іулія Цесаря, какъ Светоній въ пятдесятъ четвертой главѣ повѣствуетъ, съ самаго того времени, когда въ Галліи божескіе храмы и жертвенники, наполненные приносимыми въ даръ сокровищами, разграбилъ; каждую ночь непрестанно устрашали боги. Ксерксъ сынъ Даріевъ, намѣревая воздвигнуть брань на Грецію, прежде всего послалъ въ Дельфы четыре тысячи конницы, и толикоежъ число пѣхоты, разоренія ради бывшаго тамъ Аполлонова храма. Ибо Ксерксъ толикою надменъ былъ гордостію, что нетокмо человѣковъ привлечь въ свое порабощеніе; но и самихъ боговъ подъ власть и державу свою покорить старался. А какъ оные варвары приближаясь къ храму Аполлонову, которой шли разорять, уже въ виду имѣли; то вдругъ нечаяннымъ образомъ восколебалися стихіи, и толь жестокія бури и тучи востали, что отъ мол-

нїи, грома и падающаго съ небесъ града на оныхъ поляхъ всѣ погибли.

Одинъ изъ преславныхъ полководцовъ Галлскихъ Бреннъ, одержавъ надъ Греками побѣду, всѣ во храмахъ бывшїя сокровища вознамѣрился расхитить, сказывая, что „ поелику боги суть „ богаты, то не люди ихъ, но они людей на„ дѣлять должны; и эта честь для боговъ ве„ лика, ежели они, богатствами храмовъ сво„ ихъ, людей набогащаютъ. „ А какъ самимъ дѣломъ принявся за сей промыслъ, нѣкоторой храмъ ограбили; то толикими тучами стрѣлъ осыпаны были, что вся армїя купно съ предводителемъ своимъ Бренномъ наголову побита, и изъ многочисленнаго войска ниже вѣстникъ въ память о толикомъ паденїи не остался.

Секстъ Помпей, близъ Сицилїи будучи флотомъ побѣжденъ отъ Императора Октавїя, убѣжалъ въ Луцинскїе замки, гдѣ предревнѣйшїй и множествомъ дражайшихъ даровъ обогащенный храмъ Юноны имѣлся. Тамъ когда нѣкоторымъ днемъ начали требовать у него жалованья солдаты, и онъ не имѣлъ чемъ ихъ удовольствовать; то отдалъ имъ такой приказъ, чтобъ они, разоривъ храмъ Юноны, и раздѣливъ между собою сокровища, сами себѣ удовлетворили. Но по повѣствованїю историковъ, Секстъ Помпей не за долгое послѣ того время, какъ учинилъ сїе святотатство, пойманъ солдатами отъ конницы М. Антонїя, и приведенъ къ генералу войскъ его Тицїю, который въ поношенїе ему слѣдующїя говорилъ слова: „ повѣрь „ мнѣ, Секстъ Помпей! я не за учиненныя то„ бою М. Антонїю Государю моему обиды; но за „ разоренїе и расхищенїе храма Юноны, умерт„ вить

„ вить тебя повелѣваю. Ибо ты не безъизвѣ-
„ стенъ, что добрые полководцы вражду непрїя-
„ телей своихъ, яко человѣковъ, забывать; а
„ обиды раздраженныхъ боговъ прежде и паче
„ всего отмщать должны. „

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какимъ образомъ Императоръ Валенцїй, за неистинное его христїянство, въ одинъ и тотъ же день лишился жизни и имперїи, и въ крестьянскомъ шалашѣ живой сожженъ отъ Готовъ.

Проклятый богоотступникъ Іулїанъ Императоръ во время царствованїя своего опредѣлилъ итти войною на Паннонїю, называемую нынѣ Унгарїя или Венгрїя, не для иной причины, токмо чтобъ оное царство покорить и своею провинцїею сдѣлать. Ибо лакомые Государи, всѣ силы къ завоеванїю многихъ областей напрягаютъ; не разсуждая, имѣютъ ли къ тому справедливость. А какъ онъ былъ гордой, то кромѣ великихъ римскїя имперїи войскъ, велъ съ собою въ тотъ походъ сильную и многочисленную армїю, съ которою надѣлалъ премного во всѣхъ мѣстахъ разоренїя и убивства. Ибо слѣдствїя и плоды войны суть не иные, какъ точїю непрїятелей лишать жизни, а невинныхъ имѣнїя.

Когда же однимъ днемъ по случаю выѣхавъ пятеро солдатъ на добычу, какъ издревле обыкновенно бываетъ въ походахъ, напали на нѣкотораго юношу, несущаго охотничью веревку, и желая оную отнять для путанїя на пажить лошадей своихъ, всѣми силами вырвать изъ рукъ

 его

его старались; то юноша обороняясь, такъ крѣпко держался за оную, что всѣхъ ихъ одинъ превозмогъ на послѣдокъ. Римскіе солдаты безмѣрно удивясь, что юноша и себя и веревку свою отъ насилія ихъ защитилъ, просили его неотступно, дабы не облѣнился поѣхать съ ними въ Римскіе обозы, обѣщая исходатайствовать ему пребогатое награжденіе. Ибо Римляне столько были тороваты, что на пріобрѣтеніе хорошихъ вещей не жалѣли никакого иждивенія.

Сей юноша назывался Граціанъ, родомъ былъ изъ Панноніи Цибальской, состояніемъ ни между простолюдинами послѣдній, ни между гражданами знатный; родители его питались отъ собственныхъ трудовъ своихъ, и въ городѣ, яко честномъ мѣстѣ, пребываніе имѣли. Такая посредственная его природа не малымъ благодѣяніемъ Божіимъ почитаться должна. Ибо произшедшему отъ крайнѣ подлой фамиліи человѣку спутешествуетъ токмо презрѣніе; но съ очень знатною кровію спесь и гордость сопрягаются вмѣстѣ. А какъ привели юношу въ обозы, то немедлѣнно разсѣялся слухъ по всей арміи Римской о одолѣніи имъ пятерыхъ солдатъ; и Граціанъ толь счастливой имѣлъ успѣхъ храбростію своею, что вскорѣ по томъ произшелъ даже до Преторскаго достоинства и власти. Ибо Римляне не по ходатайствамъ, но по способности и разуму лицъ, въ военные чины и должности производили.

Въ прочемъ, поелику свѣтъ сей различнымъ подверженъ перемѣнамъ, когда многіе, какъ обыкновенно бываетъ, на достоинствахъ своихъ, естьли вольно сказать, понесли черное пятно затмѣнія, а Граціанъ будучи возведенъ на Преторское

торское начальство, съ славою и успѣхомъ на сраженiяхъ обращался; счастiе, которое не рѣдко въ малыхъ днях ъ совершаетъ то, чего ни во многiе годы посильные человѣческ е труды сдѣлать не въ состоянiи, въ кратчайшемъ времени и на Императорской престолъ его возвысило. Ибо одинъ часъ благопрiятствующей судьбины, сильняе гораздо, нежели всего свѣта доброхотство и помощь.

Не токмо же отмѣнною крѣпостiю тѣлесныхъ силъ Грацiанъ прославился, и на сраженiяхъ храбростiю и скорымъ полученiемъ достоинствъ преимуществовалъ; но былъ и въ дѣтяхъ счастливъ равномѣрно. Ибо какъ имѣлъ онъ двухъ сыновей. Валенцiя и Валентинiана; то и сiи оба были по немъ Императорами. И хотя могли сыновья похвалиться, что отецъ ихъ былъ мужъ весьма храброй; для самаго однакожъ отца гораздо славнѣе, что онъ имѣлъ сыновей толь счастливыхъ и превосходныхъ. Понеже нѣтъ большаго счастiя въ свѣтѣ, какъ честiю и богатствомъ процвѣтать въ жизни, и имѣть разумныхъ и добродѣтельныхъ дѣтей, которымъ бы все то по смерти въ наслѣдiе осталось.

Старшiй изъ нихъ братъ Валенцiй царствовалъ на Востокѣ пятнатцать лѣтъ, и былъ триста девятымъ между Императорами Римскими, начавъ по порядку отъ Iулiя Цесаря: которое однакожъ начало другiе историки производятъ отъ Октавiя, сказывая, что онъ былъ добродѣтельной, и изключая Iулiя Цесаря, который тиранскимъ образомъ владѣлъ Имперiею. Былъ же сей Валенцiй обогащенъ многими дарованiями, но крайнѣ убогъ добродѣтельми; такъ

что красотою паче, нежели добронравïемъ; храбростïю, нежели благочестïемъ; богатствомъ, нежели щедротою; и на конецъ разумомъ, нежели правдолюбïемъ преимуществовалъ. Ибо много сыщется такихъ Государей, которые въ учрежденïи государственныхъ дѣлъ и законовъ тщательны и прилѣжны; но во исполненïи оныхъ слабы и нерадивы.

А поелику въ тѣ времена гораздо умножилась и возрасла проклятаго еретика Арïи Секта; то Валенцïй Императоръ заразясь оною крайнѣ, не точïю поборялъ по Арïанахъ, но и жесточайшее на православныхъ христïянъ чинилъ гоненïе; такъ что по сей причинѣ многихъ убивалъ мирскихъ людей, многихъ церьковнослужителей заключалъ въ темницы, многихъ Епископовъ посылалъ въ заточенïе, многïе разорялъ храмы, и многихъ христïянъ лишалъ имѣнïй. Ибо Государь прилѣпляющïйся къ ереси, и отметающïй почитанïе церькви, ни единаго беззаконïя и злодѣйства совершать не сомнѣвается.

Тогда пространныя и необитаемыя Египетскïя пустыни, Арменскïя горы, и городъ Александрïя, наполнились премножествомъ черноризцовъ и прочихъ духовныхъ особъ, между коими были мужи знаменитые въ ученïи, сïяющïе святостïю житïя, и непоколебимые въ защищенïи церькви. Ибо тотъ истиннымъ благочестïя рачителемъ назваться можетъ, кто въ мирѣ любовь, наставляя невѣдущихъ; и во время гоненïя твердое постоянство, ополчаясь противо еретиковъ, изъявляетъ. А какъ Валенцïй не точïю покровитель Арïанамъ, и врагъ христïянству; но сверхъ того былъ гонитель монашества и духовенства; то обнародовалъ во всей имперïи указъ, дабы

младолѣтные монахи, имѣющїе крѣпость силъ и храбрыя сердца, немедлѣнно бросивъ священной санъ принялись за оружїе, и каждой оставя свои монастыри, записывались въ военную службу; съумозбродствуя при томъ, что обители не иныхъ ради винъ изобрѣтены, токмо для убѣжища и прокормленїя уродовъ, слѣпыхъ, хромыхъ и обсѣченныхъ. Посредствомъ сего указа, многїя учинены насилїя, опустошены монастыри, разорены знаменитѣйшїя церькви, многїе замучены пустынники, многїе монахи претерпѣли побои, и многїя знатныя лица сосланы въ заточенїе. Понеже благочестивые мужи, тѣсноту и жестокость обители, вольности и утѣхамъ свѣтскимъ предпочитають.

Тѣмъ еще недоволенъ былъ оный Императоръ. Но когда жена его Севера однимъ днемъ случайно промолвившись, нѣкоторую римлянку, именемъ Іустину, за красоту лица похвалила; то по сей только причинѣ на ней женился, не разведясь съ первою женою; и томъ часъ предписалъ законъ, дабы всякому желающему Христїянину безъ малѣйшаго наказанїя и опасенїя, вольно было имѣть двухъ законныхъ женъ, и на обѣихъ во вѣрность супружества вѣнчаться, сирѣчь: чтобъ всеобщимъ употребленїемъ порокъ устава его въ меньшемъ и легчайшемъ казался видѣ. Ибо развратные и жестокосердые Государи, для прикрытїя своихъ пороковъ, и законы опорокахъ установляютъ. Въ такомъ пристяжанїи двуженства великое было противо узаконенїя церьковнаго Валенцїево безстыдство; но гораздо вящшїй грѣхъ, за введенїе въ законъ во всей Имперїи того, что самъ учинилъ дѣломъ. Ибо един-

П 5 ственный

ственный порокъ одного токмо оскверняетъ; но всеобщій законъ всѣхъ дѣлаетъ порочными.

Находился тогда въ восточныхъ странахъ весьма сильной народъ Готской; и что касалось до военныхъ дѣлъ, храброй и искусной; но въ принадлежащихъ до Христіянской вѣры правилахъ несовершенно наставленный, хотя всѣ, или по крайней мѣрѣ большая изъ нихъ часть крещены были. Ибо въ томъ вѣкѣ великой недостатокъ пастырей имѣла церьковь, хотя и обрѣтались нѣкоторые добродѣтельнѣйшіе и святаго житія мужи. Когда же оные, святымъ крещеніемъ новопросвѣщенные Готы, нѣсколько отъ военныхъ беспокойствъ и смятеній утишились; то отправили посланниковъ къ Валенцію съ прилѣжнымъ прошеніемъ, чтобы немедлѣнно далъ имъ православныхъ и непорочнаго житія Епископовъ, отъ которыхъ бы они могли совершеннѣе научиться правиламъ Христіанскія вѣры; надѣясь, что Римскіе Императоры держали при дворахъ своихъ Епископовъ, и Архипастырей не инаго состоянія, токмо крайнѣ добродѣтельныхъ. Но какъ Императоръ Аріанскою ересью былъ зараженъ, и отъ сей погибельной слѣпоты своей истребилъ уже древнее обыкновеніе, чтобъ имѣть при себѣ святаго житія Епископовъ; (понеже были тогда при немъ Архіереи еще и самаго его гораздо хуже); то во удовлетвореніе требованіямъ Готскимъ, послалъ къ нимъ, ученія ради. крайнѣ зараженнаго Аріанствомъ Епископа, именемъ Евдоксія, который и другихъ Епископовъ, подобныхъ же себѣ Еретиковъ привезъ туда съ собою: отъ чего Готскіе Короли и Князи болѣе двухъ сотъ лѣтъ Аріанскаго ученія держалися. Говорилъ я сіе показанія ради причины

чины худому наставленію въ Христіанской вѣрѣ, сирѣчь: дабы православные Государи изъ сего примѣра уразумѣли, что должны они неусыпнымъ бодрствовать окомъ; дабы во время царствованія ихъ государства и подданные Еретическимъ незаразились лжеученіемъ. Ибо смертоносную язву еретиковъ и ересей, единожды вкоренившуюся, поздо уже и трудно изъ области своей выживать будетъ.

Предложилъ я выше, сколь недостаточенъ былъ сей Императоръ въ вѣрѣ Христовой, и коликое причинилъ раззореніе Христіанской церьквѣ; посмотримъ же теперь, какой онъ имѣлъ конецъ въ жизни. Понеже беззаконно живущій человѣкъ, рѣдко честною смертію умираетъ. Когда Готы, будучи изъ Панноніи выгнаны отъ Унновъ, пришли въ подвластную Римской Имперіи землю Ѳракію; то Императоръ Валенцій, не заключа съ ними никакихъ обязательствъ, принялъ ихъ подъ свою державу; которой поступокъ безумію паче, нежели здравому разсудку былъ приписанъ. Ибо главное есть правило, что храброй и воинственной народъ всегда пагубенъ бываетъ тому царству, и землѣ, въ которыхъ имѣетъ свое пребываніе, Готы жили нѣсколько лѣтъ въ Ѳракіи спокойно, и не было между ими и Римлянами никакихъ ссоръ; но по томъ несносной ради скупости Цесарскаго генерала Максима, по причинѣ которой онъ Готамъ, толикимъ Римскаго народа союзникамъ, не сталъ давать провіанта; толь жестокая между ими произошла война, что возпричинствовала паденіе Рима и Италіи. Ибо, по справедливости сказать, никакія вражды небы-

ваютѣ вреднѣе , какѣ тѣ , гдѣ други сдѣлаются врагами.

Какѣ загорѣлась сія война , то разсѣялись Готы по Ѳракіи , все опустошая. Они не оставили ни единой крѣпости , которой бы не раззорили ; ни однимѣ не завладѣли городомѣ, котораго бѣ не расхитили ; ни одинѣ плѣненный ими человѣкѣ не избѣгнулѣ смерти ; ни одна пойманная женщина не избавилась отѣ насильства, и ни одинѣ домѣ не спасся отѣ ихѣ разграбленія ; словомѣ сказать : вѣ короткое время Готы дѣлами своими довольно и ясно показали, сколь они лютаго и непріятельскаго на римлянѣ сердца. Нижѣ да возмнится кому либо сіе удивительнымѣ , что толикой вредѣ причинили варвары, естьли равной , или еще и большій, за грѣхи наши , дѣлаютѣ нынѣ намѣ и самые Христіане. Ибо военнымѣ людямѣ свойственно , утверждаться вѣ томѣ , что похищеннаго на брани , ни кто и вѣ мирное время возвращать не обязанѣ.

Между тѣмѣ , какѣ сіе дѣлалось , Валенцій находился вѣ Антіохіи , гдѣ набравѣ сильную армію , и сверхѣ того получа изѣ Италіи многочисленное вспомогательное войско , принялѣ намѣреніе , самѣ итти вѣ походѣ и командовать противѣ Готовѣ ; вѣ чемѣ поступилѣ онѣ большею частію отважно , нежели разумно. Ибо государь на сраженіи ополчаясь, не болѣе , какѣ одного токмо человѣка можетѣ заступить должность ; но упадши самѣ , и всѣхѣ купно сѣ собою ввергаетѣ вѣ погибель.

Когда же сошлись обѣ сіи пресильныя арміи , Готская и римская , то происходило между ими долгое и жесточайшее сраженіе ; на которомѣ Готы перьвымѣ стремительнымѣ набѣгомѣ смѣшавѣ

шавъ Римскую конницу, принудили ее оставить пѣхоту безъ прикрытія, и немедлѣнно окружа оную со всѣхъ сторонъ конницею своею, разбили въ рознь, и гоняясь за нею, вырубили и выкололи всю безъ остатка. Ибо клятвенно между собою утвердились варвары, чтобъ въ тотъ день или Готамъ умереть всѣмъ, или во вѣчность истребить Римское имя. На семъ сраженіи Императоръ будучи смертельно раненъ, и видя, что проигралъ побѣду, разсудилъ за благо спасать животъ свой бѣгствомъ. Но фортуна одиножды начавъ гонить кого либо, дотолѣ съ покоемъ неоставляетъ, пока или мертваго, или испроверженнаго и вовсе попраннаго не увидитъ. А какъ сей несчастный Императоръ спрятался въ пастушей шалашъ; то гнавшіе за нимъ непріятели, нашедъ его тамъ, и обволокши со всѣхъ сторонъ огнемъ, сожгли живаго и ранами уязвленнаго. И такъ въ одинъ день погубилъ онъ душу, жизнь, достоинство и Имперію.

Того ради Великіе Государи и Князи взирая на сіе открытыми глазами, да не дерзаютъ разорять церьквей, бесчестить священство, и содержать въ покровительствѣ своемъ еретиковъ и злочестивыхъ Христіянъ. Ибо ежели Императоръ Валенцій воспріялъ наказаніе; то имъ ненаказанности уповать не должно; пріемля за неложное правило, что Государи, кои суть неистинные Христіяне, почти всегда впадаютъ въ руки своихъ непріятелей.

ГЛАВА

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ПЯТАЯ.

О Императорѣ Валентиніанѣ, и Граціанѣ сынѣ его, царствовавшихъ за жизни святаго Амвросія, и бывшихъ сильными и счастливыми Государями, по причинѣ истиннаго ихъ христіянства; такожъ, что Богъ часто царямъ найпаче усерднаго ради со слезами моленія, нежели чрезъ ополченіе оружія, даруетъ побѣды.

Валентиніанъ и Валенцій были родные братья, но старѣйшій изъ нихъ Валентиніанъ вступилъ по отцѣ на Преторское достоинство. Ибо римскій законъ повелѣвалъ непремѣнно, чтобъ сынъ по смерти отца, который даже до кончины своей пребывалъ въ любви и милости у римскаго народа, безъ всякой прозьбы по праву наслѣдственному воспріималъ ту честь и званіе, какое отецъ его имѣлъ въ жизни. Сей Валентиніанъ былъ юноша прекрасной, лицемъ бѣлой и румяной, полнотѣлой, здоровой и сильной, и, что всего превосходнѣе, истинный Христіянинъ, и всѣмъ вообще за пріятное обращеніе прелюбезнѣйшій. Ибо никакая добродѣтель въ знаменитомъ мужѣ не бываетъ любезнѣе, какъ „ ласковой разговоръ и обхожденіе.

Когда Іуліанъ жесточайшее гоненіе производилъ на Христіянство, въ то время Валентиніанъ былъ щитоноснаго воинства трибуномъ. Вѣдаяже Іуліанъ непоколебимость его въ Христіянской вѣрѣ, послалъ къ нему съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ или принесъ жертву богамъ Императоровъ римскихъ, или вышелъ прочь изъ военной службы. Подлинно, Іуліанъ лучше бы

желалъ

желалъ умертвить Валентиніана; но учинить сего не отважился, по причинѣ ненарушимыхъ римскихъ законовъ, которые запрещали убивать римскаго гражданина, Сенатомъ на смерть неосужденнаго. Валентиніанъ выслушавъ Императорской указъ, повелѣвающій сирѣчь, чтобъ онъ или сана лишился, или отъ Христіянской вѣры отложился, не токмо честь свою уничтожилъ; но и отъ должнаго ему награжденія отрекся: а дабы тѣмъ свободнѣе могъ упражняться въ Христіянскомъ благочестіи, то оставя городъ, уѣхалъ скитаться во обитель, гдѣ пребывая полтретья года въ заключеніи, довольные показалъ знаки своея набожности. Ибо великое есть доказательство прямаго въ человѣкѣ христіянства, ежели кто добровольно мирскую суету оставляетъ.

Въ прочемъ Іуліанъ отправясь въ походъ противо Персіи, незапно на сраженіи такъ раненъ, что вдругъ палъ бездушенъ. Ибо противнымъ случаямъ Фортуны Императоръ со всѣмъ достоинствомъ своимъ и утѣхами, равно какъ и самый бѣднѣйшій и убогой человѣкъ, которому каждую ночь земля постѣлью бываетъ, подверженъ. По полученіи же въ Римѣ о смерти Іуліановой извѣстія, всѣ единодушнымъ согласіемъ избрали въ Императоры Валентиніана; и такъ весьма праведно возложенъ вѣнецъ Императорскій на главу того, который претерпѣлъ изгнаніе за имя Христово. Чего ради всякъ маловажнымъ почитать долженъ лишеніе стяжаній и чести, ни во что вмѣняя за прославленіе Христово быть изверженнымъ. Ибо человѣки и въ тысячу лѣтъ не могутъ насъ столько пони-

зить, сколько Христосъ въ одинъ часъ возвысить силенъ.

Около того же времени, то есть, въ лѣто отъ созданія города тысяча сто девятоенадесять, въ Атребатахъ изъ облаковъ вмѣстѣ съ дождемъ такъ много упало на землю самой настоящей и весьма чистой волны, что всѣ жители страны той не токмо на свои надобности оную употребляли, но сверхъ того чрезъ нее и обогатилися. Тогожъ года въ Константинополѣ удивительной величины градъ падая побилъ нѣсколько людей, и ни одного изъ пасущихся по полямъ не оставилъ стада. Тѣмижъ временами по всей Италіи сдѣлалось землетрясеніе, и даже въ Сицилію простерлось, отъ котораго многія строенія упадши, бесчисленной народъ развалинами своими подавили; такожъ море выступивъ изъ всѣхъ береговъ, многіе приморскіе города потопило.

Но время уже возвратиться намъ къ новоизбранному Императору Валентиніану. Павелъ Діаконъ въ первойнадесятъ книгѣ о дѣлахъ римскихъ повѣствуетъ, что онъ былъ разумомъ проницателенъ, лицемъ пригожъ, замыслами важенъ, въ рѣчахъ искусенъ (хотя и мало говаривалъ), въ наказаніи за вины строгъ и жестокъ, въ дѣлахъ рачителенъ и прилѣженъ, въ несчастіяхъ терпѣливъ, злодѣямъ крайній врагъ, въ пищѣ и питіи воздерженъ, добродѣтельнымъ и набожнымъ людямъ величайшій другъ и пріятель; такъ что по общему разсужденію, нравами Авреліану Императору весьма подобнымъ его признавали. Ибо римляне отъ кончины М: Авреліи Императора, съ коимъ пресеклось вмѣстѣ и благоденствіе Имперіи римской, всѣхъ новопоставленныхъ

ставленныхъ Государей всегда съ коимъ либо изъ древнихъ сравнивать имѣли обычай; такъ что ежели онъ былъ смѣлаго и отважнаго сердца, Iулію цесарю его уподобляли; ежели сіялъ добродѣтелію, вторымъ Октавіемъ именовали; ежели былъ несчастливый, съ Тиверіемъ; естьли гордый и продерзскій, съ Калигулою; ежели свирѣпый, съ Нерономъ равняли; ежели правдивый, съ Траяномъ; естьли пригожій, съ Титомъ; естьли празднoживущій и лѣнивый, съ Домитіаномъ; ежели терпѣливый и трудолюбный, съ Веспасіаномъ; естьли воздержный, съ Адріаномъ; ежели милостивый, съ Антониномъ набожнымъ; ежели усердный боговъ почитатель, съ Авреліаномъ въ равенствѣ полагали; и на конецъ, ежели мудрый и добродѣтельный, преизящнѣйшему Марку Аврелію подобнымъ его называли.

Хотя же Валентиніанъ былъ истинный Христіянинъ, и украшенный приличными Императору дарованіями мужъ; примѣченъ однакожъ, да и не безъ справедливости, въ немъ одинъ порокъ, сирѣчь: что безмѣрно положился и увѣрился на чиновниковъ и министровъ; которые поелику милость Государя своего употребляли во зло; то многіе отъ худаго правленія общества между подданными произошли раздоры и смятенія. Сенека нѣкогда сказалъ Нерону: „ вѣдай, Государь, „ что никакое терпѣніе снесть не можетъ, ежели два или три человѣка совершенную и неограниченную надъ всѣми власть имѣютъ, не „ потому что другихъ добродѣтельнѣе; но что „ Государю любезнѣе. „ Не извѣстно мнѣ, что бы я дѣлалъ, ежелибъ на вашемъ, Государи и Князи! былъ мѣстѣ; однакожъ, будучи наономъ, такъ поступалъ бы я съ обращающимися

ся въ моемъ домѣ, чтобъ они принятыми себя въ число друговъ почитали; но послушны были мнѣ, а не самимъ мною обладать, уповая на дружбу, покушалися. Понеже непристойно благоразумному Государю, для того, чтобъ понравиться немногимъ, подвергать себя ненависти многихъ.

Но да приступлю къ моему предмѣту, Валентиніанъ на пятдесятъ пятомъ году отъ рожденія, и въ первоенадесятъ лѣто царствованія своего скончался отъ долговременной и прежестокой горячки, которая такъ высушила жилы его, что ни капля крови не могла изъ нихъ вытечь. На погребеніи его весьма пространную и сладкорѣчивую святый Амвросій говорилъ проповѣдь, которая найпаче умножила по умершемъ плачъ и соболѣзнованіе. Ибо въ тѣ времена, естьли умиралъ ревностный заступникъ церькви, всѣ Епископы на погребеніе его собиралися.

Въ прочемъ, царствуя Валентиніанъ купно съ братомъ Валенціемъ, по совѣту тещи, крайнѣ доброхотствовавшей внуку, и по прошенію супруги своей, которая желала видѣть сына на высокомъ степени достоинства и чести, опредѣлилъ въ цесари Граціана, весьма младолѣтнаго, и въ юношеской возрастъ еще не достигшаго. Подлинно, Сенатъ не согласилсябъ на такую новость, естьли бы вопервыхъ не извѣстны были ему отмѣнныя добродѣтели отца, а во вторыхъ скромность и доброе воспитаніе отрока. Не токмо же сіе, но и вящше, нежели что сдѣлано Сенатомъ, заслужилъ Валентиніанъ у Римскаго народа. Ибо весьма справедливо Государямъ, въ назначеніи достоинствъ взирать паче

на

на заслуги отцовъ; нежели на младолѣтной возрастъ сыновей ихъ. „ Въ прочемъ Граціанъ собою толь добронравнымъ, и толикимъ ревнителемъ Христіянскія вѣры учинился, что не меньше любезенъ былъ народу, который его избралъ; какъ и радостенъ въ жизни отцу, который по смерти безсмертную въ немъ оставилъ свою память. Ибо въ добродѣтельномъ сынѣ память умершаго отца живетъ бесконечно.

Въ лѣто отъ созданія города тысяча сто тритцать второе, какъ предреченный Граціанъ уже давно поставленъ былъ въ цесари; по смерти дяди Валенція и отца Валентиніана, совершеннымъ наслѣдникомъ и самодержавнымъ Императоромъ отъ всего Римскаго народа объявленъ. Когда же добродѣтельнѣйшій Князь Граціанъ воспріялъ правленіе Имперіи, и между тѣмъ многіе православные Епископы, даже отъ временъ дяди Валенція, находилися во изгнаніи; то немедлѣнно всѣхъ Епископовъ Аріанскихъ послалъ въ заточеніе, а православнымъ каждому повелѣлъ возвратиться на свои престолы; въ чемъ онъ показалъ великой знакъ истиннаго и благочестиваго Государя. Ибо нѣтъ согласнѣйшаго съ справедливостью дѣла, какъ укрощенія ради злобы беззаконныхъ, возставлять на прежнее достоинство мужей добродѣтельныхъ.

Но въ первое лѣто царствованія Граціанова, отложилися отъ Римской Имперіи Галлы и Германцы, нетокмо отрекаясь быть ей подвластными, но сверьхъ того угрожая и завоевать оную; чего ради собрали страшное и многочисленное воинство, думая, что Граціанъ, яко младолѣтный, къ защищенію ея смѣлости. и силъ не

возъимѣетъ. Ибо царства подъ державою малолѣтныхъ Государей, претерпѣваютъ бѣдствія.

Какъ только о измѣнѣ Галліи и Германіи въ Римѣ извѣстно учинилось; то разослалъ Императоръ ко всѣмъ православнымъ Епископамъ грамоты, съ тѣмъ, дабы каждый въ церьквахъ своихъ о отвращеніи наступающей опасности усердныя мольбы приносили; такожъ и во всемъ городѣ по повелѣнію его молебствовано было со всякимъ благоговѣніемъ, прося Бога, да отведетъ отъ народа праведной гнѣвъ свой. Понеже истинные Христіяне прежде моленіемъ умилостивлять Бога, нежели оружіемъ ополчаться противо непріятеля должны. Неменьше же въ семъ, какъ и въ прочихъ дѣлахъ, Граціанъ отправилъ долгъ Христіянскаго Государя. Ибо часто Государи паче слезнымъ моленіемъ, нежели крѣпкимъ оружія, ополченіемъ отъ десницы Божіей пріемлютъ побѣды.

Распредѣля сіе такимъ образомъ, и положась на Бога, Граціанъ, принялъ намѣреніе готовиться на брань, и своею особою присутствовать на сраженіи. И такъ исполня въ перьвомъ должность Христіянскаго Государя, отправилъ и въ семъ званіе храбрѣйшаго Императора. Понеже великой былъ бы стыдъ Государямъ, естьли бы они пріобрѣтенное тщаніемъ и храбростію предковъ, малодушіемъ и нерадѣніемъ своимъ утратили.

А какъ непріятельская армія множествомъ гораздо превосходила малолюдство Римской, и уже оба войска при Галлскомъ городѣ Аргентуаріи расположились обозами; то напалъ на Римлянъ, въ разсужденіи малаго ихъ числа, страхъ и трепетъ; и подлинно не безъ причины. Ибо на войнѣ превосходство силъ, надежду уповаемой побѣды

бѣды сомнительною дѣлаетъ. О семъ увѣдомясь римляне, пришли къ Императору, и найприлѣжнѣйше просили его, дабы не вступалъ въ сраженіе, потому что они числомъ непріятелю не равны; да и въ самомъ дѣлѣ не худо они ему совѣтовали. Ибо не прилично благоразумному Государю, достоинство и жизнь свою безразсудно подвергать опасностямъ. Но Граціанъ, не перемѣняясь въ лицѣ, нижѐ мѣшаясь въ словахъ, важнымъ видомъ посреди многочисленной конницы говорилъ во отвѣтъ слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Благочестнѣйшая рѣчь, говоренная Императоромъ Граціаномъ, въ сраженіе вступить намѣревающимъ.

„ Чувствую, кавалеры и друзья мои, особливое ваше ко мнѣ благодѣяніе, что вы продавъ „ имѣнія ваши, сами пожелали быть соучастниками настоящаго похода. Въ семъ случаѣ вы „ исполняете долгъ вашего званія: ибо для одной только обороны отечества, не щадя бо„ гатствъ, жизнь свою опасностямъ подвергать „ должно. Хотя же я искренно благодарить вамъ „ за содружество обязанъ, гораздо однакожъ вящшее приношу мое благодареніе за подаваемой „ вами мнѣ нынѣ вѣрнѣйшій совѣтъ вашъ; будучи извѣстенъ, что рѣдко на опасныхъ сраженіяхъ здравой совѣтъ и мужественное сердце „ купно обрѣтаются. Подлинно, ежелибы я надѣясь на человѣческія силы, всчиналъ сію войну; справедливо бы вы тогда за непріятель-

„ скимъ множествомъ и нашимъ малолюдствомъ
„ могли мнѣ оную отсовѣтовать. Ибо по сло-
„ вамъ вашимъ, достоинства на произволъ по-
„ дозрительному и вѣроломному счастію легко-
„ мысленно отдавать не должно. Но какъ я толь
„ страшную и толь опасную предпріялъ сію
„ войну, будучи совершеннѣйше увѣренъ, что
„ съ нашей стороны присутствуетъ правда; то
„ поелику Богъ есть самая истинна, помощію
„ его быть на оной побѣдителемъ уповаю. Ибо
„ на жестокихъ войнахъ Государямъ больше за-
„ щищаемая ими справедливость, нежели мно-
„ жество вооруженнаго народа помогаетъ.

„ Вѣдая же защищаемую мною крайнюю спра-
„ ведливость, и пріемля судіею оныя единаго
„ токмо Бога; естьли бы убоясь человѣческаго
„ страха, отъ войны отказался; кажется, стя-
„ жалъ бы я себѣ величайшее безславіе, яко Го-
„ сударь маловѣрный; и обличилъ бы тѣмъ Бога,
„ аки бы онъ былъ судія неправедный, который
„ часто являетъ тамъ свое могущество, гдѣ
„ наипаче отчаявается человѣческая немощь.
„ Кромѣ того, поелику настоящая война произ-
„ водится мною, и по моей причинѣ воспылала,
„ да и сами вы за меня вооружилися; то опре-
„ дѣлилъ я всеконечно быть на сраженіи; на ко-
„ торомъ ежели умру, вѣдаю, что за правду
„ умираю, и оное мнѣ славно, и душѣ моей спа-
„ сительно будетъ. Ибо умереть за истинну, не
„ есть смерть; но посредствомъ ея премѣненіе
„ и пріобрѣтеніе жизни.

„ Ежели дѣлая сіе, погублю животъ мой,
„ славы однакожъ не погубляю; но купно тѣмъ
„ уплачиваю и долгъ мой обществу. Ибо Госу-
„ дарю собственно до самаго его касающуюся

„ войну,

„ войну, страшась ранъ, весьма стыдно отпра-
„ влять чужею кровїю. Я испытаю на нынѣш-
„ немъ сраженїи, отъ Божеской ли воли зави-
„ ситъ мое избранїе; и ежели паче чаянїя Богъ
„ умертвитъ меня на ономъ, неложной есть
„ знакъ, что къ благоденствїю общества непо-
„ врежденнымъ сохранилъ меня Императоромъ;
„ буде же по милости своей спасетъ животъ
„ мой, изъ сего разумѣть должно, что онъ ко
„ отправленїю другихъ еще лутчихъ дѣлъ меня
„ соблюдаетъ. Ибо мечь непрїятельскїй, ни что
„ иное есть, какъ точїю наказатель грѣховъ
„ нашихъ.

„ Не прежде же трехъ дней въ сраженїе всту-
„ пить намѣреваю; но въ сїю ночь ко исповѣ-
„ данїю, а заутро къ святому прїобщенїю всѣ
„ пойдемъ, взаимно между собою братъ брату
„ обиды прощая; понеже на войнѣ, хотя бы оная
„ и съ справедливостїю была начата, за грѣхи
„ отправляющихъ ее нерѣдко многїя случаются
„ противности. А какъ пройдутъ три дни, и
„ мы уже принесемъ покаянїе, причастимся свя-
„ тыхъ таинъ, и другъ другу согрѣшенїя оста-
„ вимъ; пускай тогда дѣлаетъ Богъ, что свя-
„ той волѣ его угодно. Что же я на сраженїи
„ самолично присутствовать намѣренъ, о томъ
„ васъ, друзья мои, прошу не сомнѣваться. Ибо
„ мнѣ нынѣ или жить, или умереть должно;
„ одолѣвая, желаемаго достигаю; умирая, испо-
„ лняю то, что велитъ моя должность.

„ Не остается уже мнѣ ничего говорить бо-
„ лѣе, токмо, дабы всякъ наблюдалъ и дѣлалъ
„ то, чего долгъ требуетъ, помня, что онъ рим-
„ ской солдатъ, и творитъ брань за вольность
„ своего народа; естьли уже мы до того дош-

 „ ли,

„ ли, что более насъ немногія дѣла, нежели „ многія слова воспользуютъ. Ибо о сохраненіи „ мира языкъ разсуждаетъ; но ко отправленію „ войны мечъ служитъ. „

Выговоривъ сіе Граціанъ, по прошествіи трехъ дней вступилъ въ бой, самъ предводительствуя на ономъ. Сраженіе отъ обоихъ сторонъ происходило съ жестокостію и кровопролитіемъ; но напослѣкокъ Граціанъ одержалъ надъ непріятелемъ побѣду, и порубили болѣе тритцати тысячь Галловъ и Германцовъ, хотя на ополченіи томъ не вящше пяти тысячь Римлянъ находилося. Ибо то токмо воинство спасается не вредно, которое волѣ Божіей благопріятно бываетъ.

Отъ сего Государя всѣ Государи примѣръ брать должны, помышляя, сколь полезно имъ быть истинными христіянами; напротивъ же того коль бесплодно, на жестокихъ войнахъ и сраженіяхъ имѣть многочисленное воинство; и коль важно, имѣть милостиваго Бога. Ибо сердце вящше ослабляютъ тайные грѣхи, нежели явные непріятели.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О благочестнѣйшей Христіанской кончинѣ Князя Ѳеодосія, отца великаго Ѳеодосія Императора. О Королѣ Измарѣ и Епископѣ Силванѣ, истинныхъ и ревностныхъ христіянахъ; такожъ о бывшемъ въ Иппонѣ соборѣ, и оузаконенныхъ на ономъ правилахъ.

Во время царствованія двухъ братьевъ, Валентиніана и Валенція, нѣкоторый Тираннъ, именемъ Фирмъ, человѣкъ въ трудахъ весьма терпѣливой,

пѣливой, и въ опасностяхъ крайне отважной, возмутя въ Африкѣ Маврскїе народы, самовольно сдѣлался Королемъ противъ Римской державы. Ибо черезъ чуръ дерзновенные, почти всегда дѣлаются напослѣдокъ знатными тираннами. Когда же Фирмъ завладѣлъ всемъ онымъ царствомъ, употребя къ тому всякїя добрыя и худыя мѣры; то не довольствуясь одною областїю Мавританїи, не токмо завоевалъ превеликую часть Африки; но еще по примѣру Аннибала готовился итти въ Италїю, намѣревая, хотя и съ потерянїемъ жизни, титулъ Римскаго Императора себѣ доставить: по чему тотъ славнѣйшимъ и величайшимъ почитается тиранномъ, который ничего болѣе не затѣваетъ, какъ только грабить и отнимать чужое.

Но какъ Римляне были во всемъ осторожны и прозорливы, и довольно искусились въ свирѣпствѣ тиранновъ; то опредѣлили немедлѣнно собрать великую армїю, дабы оная пришедъ въ Африку, бунтующееся усмирила царство, и притѣснила Тиранна, съ толь строгимъ отъ Сената повелѣнїемъ, чтобъ ни подъ какимъ видомъ и договоромъ не даровать его жизнїю; которое предписанїе по истиннѣ было весьма справедливое. Ибо для возмутителя общества самая легчайшая есть казнь, лишенїе жизни.

Былъ тогда въ Римѣ знаменитый мужъ, родомъ Ишпанецъ, лѣтами старой, и въ военныхъ дѣлахъ гораздо искусной; но при всемъ томъ однакожъ не весьма богатой, именемъ Ѳеодосїй, который неложно доказывалъ происхожденїе своей фамилїи отъ Императора Траяна, и по той причинѣ въ великомъ у Римлянъ почтенїи находился. Ибо Римляне толь доброжелательны и благо-

дарны пребывали къ своимъ Государямъ, что всѣ отъ крови храбрыхъ и добродѣтельныхъ Императоровъ ведущіе начало, всегда почтеннѣйшими въ городѣ считались. А поелику Θеодосій былъ довольныхъ лѣтъ, украшенъ сѣдинами, знатенъ по крови, и весьма знающъ въ дѣлахъ военныхъ; то Императоръ Валентиніанъ и весь Сенатъ единогласно избрали его ко отправленію Африканскаго похода; которымъ выборомъ какъ самъ онъ, такъ и весь народъ римскій былъ доволенъ. Ибо Θеодосій веселился, что его посылаютъ противо Тиранна; а народу радостно было, что толикаго войскъ своихъ имѣлъ предводителя.

И такъ отправясь изъ рима Θеодосій, не за долгое время прибылъ въ многолюдной и купеческой Африканской городъ Бону; и чуть только высадилъ на берегъ солдатъ своихъ, то немедлѣнно вышелъ ему на встрѣчу съ войскомъ Фирмъ. Тамъ когда между собою одни для нападенія, а другіе нападенія же ради и защищенія лагерями расположились; частыя между войсками сраженія, и многіе съ обоихъ сторонъ происходили уроны; такъ что тѣ, кои нынѣ были побѣждены, вдругъ дѣлались побѣдителями; и кои теперь побѣдили, тѣ вскорѣ сами были побѣждаемы. Ибо въ долговременной войнѣ обыкновенно бываютъ разныя перемѣны счастія. На послѣдокъ, когда Θеодосій превозмогши одержалъ побѣду; Фирмъ ушелъ въ крѣпчайшій Мавританскій городъ Обелискъ: но какъ и онаго Θеодосій жесточайшимъ доставалъ приступомъ, и чуть уже было не взялъ; то Фирмъ, чтобъ живымъ не попасться въ полонъ непріятелю, собственными умертвилъ себя руками. Ибо гордыя сердца

лутче желаютъ умереть въ свободѣ, нежели жить въ плѣнѣ.

А поелику въ то время Валенцїй Императоръ волшебною хитростїю прилѣжно испытывалъ, кто имѣетъ воспрїять его имперїю, и нѣкоторая Волшебница по дїавольскому вдохновенїю сказала, что вступитъ на престолъ его тотъ, въ чьемъ имени будутъ переднїя буквы Ѳ. Е. О. Д; то приказалъ онъ со всякимъ тщанїемъ сыскивать имена, коихъ начало тѣми изображалось писменами, и нашедши *Ѳеодотовъ*, *Ѳеодоровъ* и *Ѳеодосїевъ*, всѣмъ, сколько ни называлось такими именами, велѣлъ рубить головы; къ которому убивству подало причину то, что Валенцїй по своему злонравїю и беззаконїю опасался, дабы за жизни съ престола не быть низверженнымъ. Ибо свирѣпый Государь непрестанно питаетъ въ сердцѣ своемъ страхъ и подозрѣнїе.

Когда же славнѣйшїй полководецъ Ѳеодосїй истребилъ уже, какъ выше сказано, Фирма тиранна, и всю Африку паки присоединилъ къ Имперїи Римской; то оклеветанъ, якобы тайныя чинилъ злоумышленїя на Императора, и будто бы затѣвалъ получить Императорскую корону: чего ради Валенцїй осудилъ его на смертную казнь, и не выслушавъ ни какихъ оправданїй, безъ всякаго въ томъ доказательства и изобличенїя, велѣлъ отсѣчь ему голову. Ибо Государи, слѣдующїя единому своенравїю, думаютъ, что они въ дѣлахъ, требующихъ правосудїя, никакимъ неподвержены законамъ. Ѳеодосїй извѣстясь о осужденїи своемъ на смерть, пригласилъ изъ Карѳагена Епископа, прося отъ него святаго крещенїя, которое

получа,

получа, и облекшись вѣрою во Христа, добровольно простерѣ голову свою палачу на отсѣченіе. Всѣ утверждали, что сей толь жалостный и печальный ударѣ послѣдовалѣ Ѳеодосію безѣ всякой его винности, и что Императорѣ приговоривѣ его кѣ тому неправедно, поступилѣ вѣ семѣ случаѣ тиранскимѣ образомѣ. Понеже незлобіе добродѣтельнаго мужа, бодетѣ глаза беззаконному и злонравному человѣку.

Просперѣ вѣ лѣтописяхѣ повѣствуетѣ, что Ѳеодосій передѣ воспріятіемѣ крещенія, говорилѣ крещающему его Епископу: „ именемѣ создавшаго насѣ Творца, и распятаго Іисуса, прошу „ тебя и молю, святый Епископѣ Рогерѣ, возлей на меня воду святаго крещенія! Понеже я „ далѣ обѣтѣ быть Христіяниномѣ; естьли бы „ Христосѣ даровалѣ мнѣ надѣ тиранномѣ непріятелемѣ моимѣ побѣду. А какѣ я оную во„ спріялѣ отѣ десницы его, то и обѣщаніе те„ перь исполню. Ибо мы обѣщанное по нуждѣ, „ добровольно исполнять обязаны. Соболѣзную „ сердечно, что на упражненіе вѣ Христіянствѣ „ короткое остается мнѣ нынѣ время. Но пое„ лику необходимость уже того требуетѣ; я „ за Христа проливаю жизнь, и вѣ милосердыя „ руки его предаю духѣ мой.

„ Оставляю я по себѣ соименнаго мнѣ сына „ Ѳеодосія; и ежели не обольщаетѣ меня оте„ ческая любовь, уповаю, что онѣ будетѣ юноша „ храброй и человѣкѣ разумной. Молю тебя, „ святый Епископѣ, просвѣтивѣ его крещеніемѣ, „ потщись рачительно премудростію твоею на„ ставить и вѣ догматахѣ Христіянскія вѣры. „ Понеже, естьли будетѣ онѣ истиннымѣ Хри„ стіяниномѣ; безѣ сомнѣнія, сѣ помощію благо-

„ дати

„ дати Божїей, учинится вЂ ИмперЇи великимЂ
„; и знаменитымЂ мужемЂ. „ Сей Ѳеодосїй, былЂ отецЂ великаго Ѳеодосїя Императора; и какЂ отецЂ былЂ усердной ХристїянинЂ, то сынЂ еще усерднѣйшимЂ ХристїяниномЂ оказался. По прошествїи же не многихЂ лѣтЂ послѣ того, какЂ Валенцїй велѣлЂ умертвить Ѳеодосїя, довелЂ его праведный судЂ Божїй до того, что и самЂ онЂ убитЂ отЂ ГотовЂ. Ибо праведно тотЂ лишается жизни, кто неправедную смерть другому наноситЂ.

РуффинЂ во второй книгѣ исторїй повѣствуетЂ, что послѣ того, какЂ воевода Ѳеодосїй принудилЂ Фирма тиранна кЂ смерти, и Валенцїй ИмператорЂ истребивЂ Ѳеодосїя, погибЂ и самЂ отЂ рукЂ ГотскихЂ; Римляне поставили вЂ Африкѣ КоролемЂ благочестивѣйшаго христїянина Измара. ВЂ то время, сирѣчь вЂ лѣто отЂ начала Христїянства триста семдесятЂ седмое, былЂ вЂ великомЂ городѣ Карѳагенѣ ЕпископЂ, именемЂ СильванЂ, мужЂ святаго житїя, и весьма искусной вЂ священномЂ писанїи и свѣтскихЂ наукахЂ. И понеже Король былЂ толь правосудной, и ЕпископЂ толь добродѣтельной; то по сей причинѣ церьковь тамЂ весьма процвѣтала, общество находилось вЂ благоденствїи и найлучшемЂ порядкѣ, и вся Африка пребывала вЂ глубочайшей тишинѣ и спокойствїи. Ибо междоусобныя брани чаще раждаются отЂ гордости властей, нежели отЂ непослушанїя подчиненныхЂ. А какЂ святый ЕпископЂ и благочестивѣйшїй Король, не токмо вЂ своемЂ времени показывать подданнымЂ добрыми дѣлами примѣрЂ, но и предбудущимЂ вѣкамЂ оставить полезные и спасительные законы желали; то учредили

соборЂ

соборѣ въ столичномъ городѣ Иппонѣ, созвавъ на оной всѣхъ Епископовъ Африканскихъ, на которомъ и самъ Король съ государственными присутствовалъ Вельможами. Ибо на древнихъ соборахъ непючію царствѣ тѣхъ Государи, но и всѣ министры и вельможи ихъ засѣданіе имѣли. Изъ многихъ же узаконенныхъ тамъ, по повѣствованію Руффинову, преизящнѣйшихъ правилъ, нѣкоторыя здѣсь предложить почелъ я за нужно; дабы могли изъ оныхъ усмотрѣть Государи, что въ прешедшія времена Государи были усерднѣйшіе ревнители Христіянскія вѣры.

Уставы Иппонскаго собора.

На святомъ Иппонскомъ соборѣ, гдѣ во первыхъ православный Король Измаръ присутствовалъ, и благочестивѣйшій Епископъ Сильванъ имѣлъ предсѣданіе, узаконено было слѣдующее: „
„ Во всемъ томъ, что учреждается, опредѣляемъ часть голоса Королю, и равную онаго часть собору. Ибо въ таковыхъ дѣйствіяхъ весьма справедливо Царскому Величеству быть предпочтенну, токмо съ тѣмъ, дабы и власть церьковная силы своей не теряла.

„ Узаконяемъ на всякое третье лѣто, всѣмъ Епископамъ, Игумнамъ и намѣстникамъ царства нашего съѣжжаться на провинціальной соборъ, и на ономъ разсуждать не о свѣтскихъ злоключеніяхъ, но испытывать о худомъ правленіи церькви, и прочая.

„ Установляемъ, и всѣхъ властей настоящихъ и впредь будущихъ увѣщаваемъ и просимъ, чтобъ онѣ въ государствѣ намѣревая составить соборъ, прежде насъ о томъ увѣдом-

„ ляли; дабы иногда подЪ видомЪ Святаго собо-
„ ра непроизошло подозрительныхЪ умышленій.

„ Учреждаем Ъ, дабы впредь Государи и вель-
„ можи обязаны были на святыхЪ соборахЪ куп-
„ но со освященными Епископами имѣть присут-
„ ствіе. „ Понеже справедливѣе имЪ искореняя
еретиковЪ, пріобрѣтать души; нежели рыскать
по полкамЪ на сраженіи, гдѣ жизнь отъемлется
у человѣка.

„ ПостановляемЪ, чтобЪ Государь, который
„ не пріидетЪ на соборЪ, оставя оной лѣности
„ ради, даже до будущаго собора допускаемЪ не
„ былЪ кЪ пріобщенію святыхЪ таинЪ. Будеже
„ онЪ не за лѣностію, но по злобѣ и ненависти
„ быть на ономЪ не пожелаетЪ; то опредѣляемЪ
„ поступать сЪ нимЪ, яко сЪ подозрительнымЪ
„ вЪ святой православной вѣрѣ. „ Ибо статься
не возможно, чтобЪ тотЪ христіянинЪ, который
грѣшитЪ побужденіемЪ совершенной злобы, хоро-
шаго былЪ о святой вѣрѣ мнѣнія.

„ УстановляемЪ, чтобЪ прежде засѣданія на
„ соборѣ, Епископы собравшись, сперьва совокуп-
„ но, по томЪ каждый порознь, велегласно вос-
„ пѣвали СимволЪ Никейской; а по окончаніи
„ того; и самЪ Король, падши на колѣни, то же
„ громкимЪ произносилЪ голосомЪ. „ Ибо, ежели
Государь подозрителенЪ вЪ святой православной
вѣрѣ; статься не возможно, чтобЪ подданные его
православными Христіянами были.

„ ОпредѣляемЪ, чтобЪ на соборѣ первен-
„ ствующіе Архіереи имѣли свободу увѣщавать
„ Короля о его должности, такожЪ и самЪ Ко-
„ роль воленЪ былЪ говорить собору то, что
„ за благо разсудитЪ; дабы какЪ первосвященни-
„ ки свободно обличали царское вЪ искорененіи
„ еретиковЪ

„ еретиковъ изъ области своей нерадѣніе, такъ
„ равнымъ образомъ и Король первопрестоль-
„ ныхъ пастырей въ стражѣ овецъ ихъ за лѣно-
„ стное дреманіе порицать могъ свободножъ. „
Ибо конецъ соборовъ не иной быть долженъ,
какъ точію прешедшихъ погрѣшностей исправ-
леніе, и предварительное будущихъ неустройствъ
врачеваніе.

„ Узаконяемъ, чтобъ всѣ Африканскіе Госу-
„ дари, прежде начатія другаго какого либо
„ государственнаго дѣла, рано по утру со вни-
„ маніемъ слушали божественную литургію;
„ гдѣ съ ними вмѣстѣ всѣ вельможи и совѣт-
„ ники ихъ, коимъ въ совѣтѣ съ Государями за-
„ сѣдать и онаго соучастниками быть надле-
„ житъ, присутствовать должны. „ Ибо не мо-
жетъ дать добраго совѣта та тварь, которая
не призвала и не пригласила прежде въ совѣтъ
Творца своего и Зиждителя.

„ Установляемъ, дабы Архіепископы, Еписко-
„ пы, Архимандриты и Игумны, во время про-
„ должающагося собора, ежедневно исповѣдыва-
„ лись, и всенародно отправляли литургію,
„ такожъ одинъ изъ нихъ слово Божіе пропо вѣ-
„ дывалъ народу. „ Ибо ежели каждый священ-
財ноначальникъ, будучи въ своей паствѣ одинъ,
обязанъ показывать собою доброй примѣръ и на-
ставленіе народу; то кольми паче дѣлать сіе
должно собраннымъ всѣмъ вмѣстѣ?

„ Узаконяемъ, чтобъ Государи всемѣрно ста-
„ ралися оказывать подчиненнымъ доброй собою
„ примѣръ, и найпаче во всѣ праздничные дни
„ исповѣдывались, пріобщались, и божественную
„ службу съ благоговѣніемъ слушали. Ибо вели-
кимъ претыканіемъ и соблазномъ было бы для
подданныхъ,

подданныхъ, ежели бы примѣтили они, что Государь, который другихъ пороки исправлять долженъ, самъ никогда не исповѣдается, и святымъ не пріобщается тайнамъ.

„ Установляемъ, чтобъ Государи, во время „ трехъ главнѣйшихъ праздниковъ посѣщали ми„ трополитскія церкви, и въ семъ случаѣ, буде „ не воспослѣдуетъ какое препятство, отправ„ лялъ литургію самъ Архіепископъ, и по про„ чтеніи имъ святаго Евангелія, Государь гром„ кимъ голосомъ говорилъ Никейской символъ „ вѣры, „ Понеже добродѣтельные Государи, не сердцемъ токмо вѣровать во Христа; но и устами въ присутствіи подданныхъ своихъ исповѣдывать его должны.

„ Узаконяемъ, Государю не имѣть при дворѣ „ своемъ болѣе двухъ Епископовъ, одного испо„ вѣданія ради, а другаго для проповѣди слова „ Божія, коихъ назначать соборъ долженъ ста„ рѣйшихъ лѣтами и мужей добродѣтельныхъ; „ по прошествіи же двухъ лѣтъ, немедлѣнно „ на ихъ мѣста другіе определены да будутъ. „ Понеже нѣтъ ничего безобразнѣе, какъ церквѣ „ долговременно лишаться пастыря. „

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ОСЬМАЯ.

Найлучше, обществу не отъ многихъ, но отъ одного Государя быть управляему; и нѣтъ смертельнѣе врага обществу, какъ тотъ, который затѣваетъ въ немъ многоначальство.

Часто я самъ съ собою разсуждалъ: естьли промыслъ божественный все въ равномъ числѣ,

 равномъ

равномъ вѣсѣ, и равной мѣрѣ творитъ и располагаетъ; и отъ него, а не другимъ кѣмъ либо всѣ управляются твари; и когда паче всего, не взираетъ Богъ на лица; то для чего онъ, однихъ богатыми, другихъ убогими; сихъ мудрыми, тѣхъ несмысленными; иныхъ здоровыми, другихъ немощными; сихъ счастливыми, тѣхъ бѣдными; иныхъ рабами, другихъ властелинами дѣлаетъ? Чуднымъ никому пусть не кажется сіе мое удивленіе: ибо различіе степеней, есть источникъ всѣхъ между человѣками несогласій и смятеній. Мнѣ разсуждая по человѣчеству, кажется было бы лутче, ежели бы всѣ въ одинакомъ одѣяніи, и въ равной силѣ находилися; и естьли бы никто неимѣлъ болѣ другаго, но всѣ одною и тою же довольствовались пищею, искоренивъ вовсе сіи два нарѣчія: повелѣвать и повиноваться. Понеже однихъ бѣдность, а другихъ благоденствіе истребивши, вѣрно говорю, зависти въ мирѣ ни малѣйшаго не осталосябъ мѣста.

Но отложа человѣческой разсудокъ, когда сравнимъ оной съ божественнымъ разумомъ, вопрошаю: чей разумъ домыслиться можетъ; для чего изъ двухъ родныхъ братьевъ, Іакова сирѣчь и Исава, кои оба были сыны святѣйшихъ родителей, божественный промыслъ одного избралъ, а другаго возненавидѣлъ; того господиномъ, а сего рабомъ содѣлалъ; старѣйшаго отвергнулъ, а юнѣйшему лѣтами даровалъ наслѣдить первородство? Что же сдѣлалось надъ Іаковомъ и и Исавомъ, то самое и съ прочими Іаковлими сыновьями и Іосифомъ учинилося; которые хотя всѣ одного отца дѣти, всѣ братья и Патріархи, и всѣ равные и избранные были между собою; положилъ однакожъ и опредѣлилъ Богъ, дабы прочіе

прочїе одиннатцать братьевъ младшему Іосифу служили и повиновались. Подлинно, противно сїе было ихъ волѣ; но всѣ замыслы и ухищренїя не помогли имъ нимало. Ибо не въ силахъ злоба человѣческая превратить то, что божественный устрояетъ промыслъ. Чему иному научаютъ насъ повседневные опыты, кромѣ что составляемое человѣческимъ разумомъ, судьбы Божїя мгновенно крушатъ и разсыпаютъ? да и въ самомъ дѣлѣ опредѣленїе сїе было не худое, но самое наилучшее. Ибо человѣкъ, по человѣчеству, рѣдко въ надлежащую цѣль попадаетъ; но Богу, яко Богъ есть, ни въ чемъ погрѣшить не возможно.

Много благодѣтельствуетъ творецъ своему созданїю, не гнушаясь исправлять дѣлъ его. Но ежели бы вовсе оставилъ насъ Богъ на собственное произволенїе наше, совершенно былибъ мы тогда волѣ его противны. Онъ не безъ великой тайны устроилъ, что въ цѣломъ семейсвѣ одинъ старшинствуетъ хозяинъ; одинъ гражданинъ знатнымъ повелѣваетъ народомъ; цѣлая провинцїя одного имѣетъ начальника; одинъ царь пространнѣйшимъ управляетъ государствомъ; и всего вящшее, одинъ Императоръ монархомъ и обладателемъ вселенныя бываетъ.

По истиннѣ, все сїе такого свойства, что видимъ глазами, но не познаваемъ; слышимъ ушами, но не понимаемъ; выражаемъ языкомъ, но не разумѣемъ. Ибо человѣческой разумъ въ толь тѣсныхъ заключенъ предѣлахъ, что безконечно большее множество неизвѣстныхъ, нежели свѣдомыхъ ему вещей обрѣтается.

Когда Аполлонїй Ѳїанейскїй проѣхалъ большую часть Азїи, Африки и Европы, сирѣчь отъ

устья рѣки Нила, къ которому приходилъ Александръ великій, даже до города Кадикса, гдѣ стояли Геркулесовы пирамиды; и напослѣдокъ прибылъ въ Ефесъ, то спросили его тамъ нѣкогда жрецы во храмѣ богини Діаны: „ что ему въ „ свѣтѣ удивительнѣе всего показалось? „ ибо тѣ, кои много видали, всегда одно передъ другимъ прилѣжнѣе замѣчаютъ. Хотя же Аполлоній за вящшую себѣ похвалу вмѣнялъ дѣлать, нежели говорить; любопытствующимъ однакожъ на вопросъ отвѣчалъ немедлѣнно: „ извольте вѣдать, „ почтенные жрецы богини Діаны, что я прошелъ Галлское, Британское, Ишпанское, „ Германское, Италіанское, Лидійское, Еврейское, Греческое, Пароское, Мидское, Фригійское, Коринеское, и Персидское царства; и „ паче всего неизмѣримое Индійское государство, „ которое я всѣхъ царствъ царствомъ называю. „ Ибо одно только оно всѣхъ купно державъ „ сильняе.

„ Всѣ же сіи царства, повѣрьте, премногими „ вещми, какъ то: языками, людьми, животными, металлами, водами, тѣлами, обычаями, законами, землями, зданіями, платьями, „ пищею, и паче всего богами и храмами, одно „ отъ другаго разнятся. Ибо нѣтъ въ Европѣ „ и Азіи толикаго различія между языками, „ коликая между храмами и богами обрѣтается „ разность.

„ Но изъ премножества видѣнныхъ мною вещей двумъ только я дивился; первое, что во „ всѣхъ, кои прошелъ, земляхъ возмутительной „ миролюбивымъ, гордой смиреннымъ, беззаконной праведнымъ, трусливой великодушнымъ, и „ несмысленной мудрымъ повелѣваетъ; паче же

„ всего,

„ всего, что большіе тати малыхъ воровъ на „ висѣлицу гоняютъ. Во вторыхъ удивлялся я, „ что во всемъ пространствѣ ономъ не могъ „ найти ни одного вѣчнаго человѣка; но всѣ „ суть смертные, Государи съ вельможами, ра„ вно какъ и самые бѣдные крестьяне, одинако„ му концу подвержены. Ибо многіе въ самой „ тотъ день, когда найпаче помышляли, что „ жизнь ихъ безъ малѣйшей течетъ опасности, „ принуждены бываютъ имѣть наслѣгъ свой въ „ темнотѣ гроба. „ Но не станемъ уже говорить мы ничего болѣе о судьбахъ Божіихъ. довольно и того что философъ сказалъ сіе весьма остроумно; ибо смѣхъ, посмотрѣть; какъ люди управляютъ свѣтомъ.

Но да приступлю къ самому дѣлу, должно вѣдать намъ причину сего толь древняго устава, по которому хощетъ Богъ непремѣнно, дабы одинъ всѣми повелѣвалъ, и всѣ одному повиновалися. Понеже изъ всего того, что ни дѣлаетъ Богъ, нѣтъ ни одной вещи, которой бы причина, хотя намъ и неизвѣстна, бесконечной премудрости его не была свѣдома. Въ семъ случаѣ, по христіянству, говорю и утверждаю, что ежели бы праотецъ нашъ Адамъ единой заповѣди, данной ему отъ Бога въ Едемѣ, повиновался; конечно былибъ мы свободными и обладателями свѣта. Но понеже онъ не покорился одному запрещенію; то чрезъ то самое многимъ уже нынѣ подвергнулъ насъ законамъ. Словомъ; за ослушаніе его, передъ однимъ господиномъ учиненное, теперь мы толь многихъ властей рабы и невольники пребываемъ.

О проклятой грѣхъ! по причинѣ коего вошло въ миръ рабство. Не могу удержаться отъ слезъ,

намѣревая сказать, что въ то самое время, когда прародители наши рабами грѣха учинилися, мы утратили господствованіе и обладаніе свѣта. Ибо, естьли духъ узами грѣховными связанъ, очень мало пользуетъ тѣлесная свобода.

Между училищами Пиѳагора и Сократа философовъ великая была распря. Сократическая секта утверждала, что найлутче, естьли бы все было общее, и всѣ человѣки въ равномъ состояніи находилися. Пиѳагорическая оспоривала, что всего лутче, быть государству, гдѣ бы каждой человѣкъ имѣлъ собственное, и всѣ одному повиновалися. И такъ одни рабство принимали, а другіе именемъ начальства гнушалися. Демокритъ, хотя Пиѳагорической слѣдовалъ сектѣ, какъ Лаерцій въ девятой книгѣ о житіяхъ философскихъ повѣствуетъ; разсуждалъ однакожъ, что для порядочнаго управленія народовъ, имена властителей и рабовъ искоренить должно: ибо тѣ жадничая пышно и гордо повелѣвать, а сіи мучительной ихъ власти не желая сносить, проливаютъ неповинную кровь, притѣсняютъ бѣдныхъ, погубляютъ знаменитые народы, истребляютъ философовъ, и къ похищенію всего беззаконныхъ ободряютъ тиранновъ; всѣхъ же тѣхъ злоключеній возможнобъ избѣгнуть, естьли бы ни господствованія, ни рабства не было въ свѣтѣ.

Но не мѣшаетъ сіе намъ, по философскому первой книги гражданскихъ дѣлъ въ пятой главѣ разсужденію, утвердить четырмя доказательствами, отъ естества взятыми, что необходимо нужно между человѣками быть власти и послушанію. ПЕРЬВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО берется отъ стихій простыхъ и смѣшанныхъ. Ибо искусство увѣряетъ, что для соединенія между собою

стихій,

стихїй и составленїя сложнаго тѣла, надобно одной стихїи надъ прочими имѣть первенство. И такъ изъ опыта явно, что въ тяжелыхъ тѣлахъ водяная, огненная, и воздушная стихїи подела тны; а земляная стихїя преимуществуетъ, и противъ естества въ низъ оныя притягиваетъ. Естьли же благороднѣйшїя стихїи, подлѣйшей себя повинуются, для сложенїя токмо смѣшаннаго тѣла; то гораздо справедливѣе есть, чтобъ всѣ люди для порядочнаго управленїя общества, одному добродѣтельнѣйшему повиновалися мужу.

ВТОРОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО прїемлется отъ души и тѣла; поелику въ естественномъ между собою ихъ союзѣ, душа на подобїе госпожи повелѣваетъ, а тѣло. какъ рабъ, повинуется. Ибо тѣло безъ души, ни слышитъ, ни чувствуетъ, ни разумѣетъ; но душа безъ тѣла, все слышитъ, все чувствуетъ, и все разумѣетъ. И для того разсуждаетъ философъ, что самое естество мудрымъ людямъ надъ всѣми прочими власть опредѣляетъ. Ибо нѣтъ ничего безобразнѣе, какъ естьли въ обществѣ повелѣваютъ невежи.

ТРЕТЬЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО производится отъ животныхъ. Опытъ свидѣтель, что посредствомъ одного токмо превосходнаго разума, многими звѣрьми человѣки обладаютъ. И такъ весьма справедливо, дабы многїе человѣки, кои и самихъ звѣрей бываютъ хуже, отъ мудрыхъ людей управляемы быть не отрекалися. Ибо полезнѣе обществу скотина, нежели человѣкъ несмысленный.

ЧЕТВЕРТОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО почерпается отъ женъ, которыя хотя по образу Божїю созда-

ны; но Богъ, опредѣлилъ ихъ во власть мужеску полу: сирѣчь, поелику большая часть изъ нихъ меньше, нежели мужья, имѣютъ разума; то справедливость требуетъ, дабы онѣ служили и повиновалися мужу, и со всѣмъ были его ниже. Естьлижъ сiе такъ есть, то чего ради многимъ мущинамъ, кои гораздо менѣе женщинъ разсудка имѣютъ, не завеликое почитать счастiе, чтобъ одинъ добродѣтельныймужъ повелѣвалъ ими?

Когда же человѣкъ по природѣ есть животное склонное къ союзу, сирѣчь, къ гражданскому произведенъ сожитiю, а отъ гражданскаго сожитiя раждается зависть, отъ зависти прозябаетъ несогласiе, отъ несогласiя происходитъ междоусобная брань, отъ междоусобной брани проистекаетъ мучительское насилiе, отъ мучительскаго насилiя разрушается общество, и по разрушенiи общества, всѣхъ жизнь опасности и бѣдствiямъ подвержена бываетъ; то по истиннѣ необходимо нужно, чтобъ въ каждомъ собранiи одинъ управлялъ многими. Понеже никакое общество въ добромъ порядкѣ быть не можетъ, естьли не одинъ токмо добродѣтельной и разумной мужъ управляетъ онымъ. Многiя вредности приключившiяся древнимъ народамъ, довели напослѣдокъ ихъ до того, что стали они въ своихъ обществахъ всѣ одному повиноваться. Мы видимъ, что въ воинствѣ всѣ одному полководцу, на кораблѣ всѣ одному кормчiю, въ монастырѣ всѣ одному начальнику, въ церьквѣ всѣ одному Епископу. и въ ульѣ всѣ пчелы одной маткѣ повинуются. Когдаже пчелы не бываютъ безъ царя въ ульѣ; то несправедливо, человѣкамъ быть безъ царя въ обществѣ; инакожъ въ пчельномъ ульѣ довольнобъ было сладкихъ

сотовъ,

сотовъ, а въ человѣческомъ обществѣ безъ числа накопилось бы горькой желчи; слѣдовательно, тѣ, кои въ обществѣ царя не пріемлютъ, отъ трутней, въ ульяхъ безъ трудовъ медъ пожирающихъ, ни чемъ не разнятся. Чего ради всякъ единовластіе отметающїй, яко врагъ общаго добра, изъ собранія человѣческаго, кажется, изверженнымъ быть достоинъ. Ибо нѣтъ смертельнѣйшаго врага обществу, какъ тотъ, который многовластіе въ немъ затѣваетъ.

Естьли же въ обществѣ одинъ за всѣхъ печется, и всѣ одного повелѣній слушаютъ; то почитается Богъ, умножается народъ, преимуществуютъ добродѣтельные, укрощаются беззаконные и притѣсняются тиранны. Ибо въ многолюдствѣ никогда не можетъ быть согласіе; ежели они или не многимъ, или одному не отдадутъ себя въ управленіе. Сколько царствъ и народовъ по той причинѣ, что законнымъ повелѣніямъ Государей своихъ послушны быть не восхотѣли, мучительную свирѣпыхъ тиранновъ власть и жесточайшія понесли насилія. Ибо тѣ, кои кроткихъ Государей возгнушались Скиптромъ, терпѣть бичь лютыхъ тиранновъ весьма достойны.

Съ начала вѣковъ имѣлъ, нынѣ имѣетъ, и впредь имѣть будетъ свѣтъ, кому повелѣвать, и кому повиноваться; кому царствовать, и кому быть подданнымъ; кому управлять и кому быть управляему; да и никто пусть не мнитъ, что онъ въ настоящемъ мирѣ свободенъ. Ибо даже до нынѣшняго дня не видали еще ни Государя ни вельможу, который бы подъ симъ не стеналъ игомъ.

Того ради всѣхъ любящихъ добродѣтель увѣщаваю, прошу и молю, стараться, быть вѣрными рабами; дабы всѣ мы удостоились имѣть

милосердныхъ Государей. Понеже обыкновенно бываетъ, что злой Государь подданнаго измѣнникомъ, и непослушной рабъ господина дѣлаетъ тиранномъ; слѣдовательно во власти подданныхъ наипаче зависитъ, чтобъ Государи ихъ были добрые, или злые. Ибо нѣтъ ни одного толь кроткаго Государя, который бы подданному всегда умалчивалъ за злодѣйство; и нѣтъ ни одного толь злонравнаго властелина, который бы нѣкогда не почувствовалъ добродѣтели.

Часто посылаетъ Богъ Имперіямъ монарховъ, царствамъ королей, провинціямъ намѣстниковъ, землямъ владѣтелей, и церьквамъ пастырей, не такихъ, каковыхъ требуетъ доброе управленіе подчиненныхъ; но какихъ множество грѣховъ заслуживаетъ. Ибо видимъ мы что иногда такіе въ церьквахъ попеченіе душъ имѣютъ, кои и овецъ пасти на горахъ недостойны были. Истинну сію утверждаетъ самая вещь, понеже такіе не управляютъ, но возмущаютъ; не покровительствуютъ, но повреждаютъ; не ополчаются противо враговъ; но въ руки предаютъ имъ неповинныхъ; такіе, говорю, суть не судіи, но мучители; не милосердные отцы, но лютые испытатели; не узаконители добрыхъ обычаевъ, но искоренители правосудія; не хранители законовъ, но изобрѣтатели доходовъ; не возбудители къ добронравію; но творцы всякаго бесчинія и мерзости. Словомъ: злонравныхъ правителей и пастырей, не яко надзирателей своихъ законовъ но яко мстителей и истязателей грѣховъ нашихъ Богъ поставляетъ.

ГЛАВА ДВАТЦТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ни что пагубнѣе не бываетъ обществу, какъ частыя перемѣны Государей; такожъ, что спокойнѣйшее и безопаснѣйшее есть состоянiе рабовъ, нежели великихъ Государей и Князей

Священное писанiе книги первыхъ царствъ въ 8 главѣ повѣствуетъ, что пророкъ Самуилъ состарѣвшись поставилъ правителями сыновъ своихъ Iоиля и Авiю. Ибо родители, естественною любовiю будучи побуждаемы, желаютъ оставить по себѣ дѣтей своихъ въ чести и славѣ. А какъ имѣли пребыванiе, и давали судъ сыны Самуиловы въ городѣ Вирсавѣ, крайнемъ углу Iудейскаго царства, и старикъ между тѣмъ для житья переселился въ Рамаѳу; то всѣ вельможи и начальники Израильскаго народа, скучась тѣмъ правленiемъ, съѣхались и опредѣлили отправить къ Самуилу посольство, назнача къ тому изъ Синагоги лицъ старѣйшихъ. Ибо въ древнiя времена люди толь осторожны были, что къ отправленiю важныхъ государственныхъ дѣлъ, ни когда юношъ не употребляли.

Посланные старѣйшины прiѣхавъ въ Рамафу, слѣдующимъ образомъ говорили Самуилу: „ Понеже ты состарѣвшись, за глубокими сѣдинами править народомъ не можешъ; то яко милосердной отецъ любя дѣтей, препоручилъ правленiе царства сыновьямъ своимъ. Но вѣдай, что сыны твои вовсе уклонясь къ сребролюбiю, даропринашенiя отъ тяжущихся взимаютъ, и многое убогимъ дѣлаютъ неправосудiе. Сего ради поставь намъ царя, который бы уп-

„ равлялъ нами, и предводительствовалъ на
„ брани нашей. Ибо не судей уже, для разбира-
„ тельства споровъ; но царя, для обороны отъ
„ непріятелей, мы желаемъ.

Выслушавъ Самуилъ требованія посланниковъ, чрезвычайно пораженъ былъ словами старѣйшинъ Іудейскихъ, какъ по той причинѣ, что сыны его были злонравные; такъ и по тому, что отъ правленія отрѣшить ихъ желали. И подлинно въ семъ случаѣ стыдиться и печалиться имѣлъ онъ справедливую причину. Ибо пороки и злодѣйства сыновни, суть острѣйшіе мечи, сердца состарѣвшихся родителей прободающіе. Видя же всѣхъ Евреянъ, непремѣнно намѣревающихъ отрѣшить отъ правленія сыновей его, и вмѣсто того, что оные непрерывно до толѣ процвѣтали честію, вѣчному подвергнуть безславію, не обрѣталъ лучшаго къ утѣшенію средства, какъ точію жалостные о обидѣ своей возносить ко Богу гласы.

Богъ услыша вопль его, проглаголалъ ему во отвѣтъ сіи слова: „ Не печалься Самуилъ о учи-
„ ненной тебѣ отъ народа моего обидѣ. Они
„ требуя царя, не тебя презираютъ, но моимъ
„ гнушаются промысломъ. И не дивись, что они
„ сыновъ твоихъ, за развратность и неправосу-
„ діе отчуждаютъ, естьли и меня Бога своего
„ оставя, работаютъ и покланяются бездуш-
„ нымъ истуканамъ.

„ Поелику они непремѣнно требуютъ царя,
„ то дать имъ онаго я намѣренъ. Но объяви
„ ты имъ прежде царскую власть и уставы,
„ сирѣчь: Царь, котораго дамъ вамъ, сыновей
„ вашихъ купно съ колесницами и коньми отъ-
„ иметъ, и обременитъ ношеніемъ тягостей и

„ имѣній

„ именій своихъ: тѣмъ еще недовольствуясь, по-
„ велитъ имъ бѣгать на путяхъ, и поставитъ
„ въ сотники и тысящники на сраженіяхъ: сихъ
„ употребитъ въ землепашество и строеніе
„ вертоградовъ; другихъ къ жатвѣ и дѣланію
„ военныхъ орудій. Будете имѣть красныхъ и
„ младолѣтныхъ дщерей, но горестные плоды
„ отъ нихъ получите. Ибо царь, котораго дамъ
„ вамъ, сдѣлаетъ ихъ мастотворительницами
„ къ враченію ранъ уязвленныхъ на брани, и
„ приставитъ къ варенію царскихъ трапезъ и
„ смотрѣнію пищныхъ хранилищъ.

„ Естьли же царь, котораго дамъ вамъ съ
„ сынами и дщерями вашими поступитъ худо;
„ то кольми паче хуже будетъ поступать съ
„ вашими именіями. Ибо самыхъ лучшихъ, ка-
„ кія имѣете, луговъ вашихъ потравитъ злакъ
„ своими стадами; самыя лучшія въ виноградахъ
„ вашихъ сорветъ гроздія; самый лучшій изъ
„ масличныхъ рощъ соберетъ елей и маслины;
„ и ежели кромѣ того останется плодовъ на
„ поляхъ вашихъ, то не вамъ, но тѣлохра-
„ нителямъ и оруженосцамъ своимъ взимать
„ прикажетъ. И такъ совсѣмъ чужіе будутъ
„ пользоваться плодами трудовъ вашихъ.

„ Сверьхъ того царь, котораго дамъ вамъ,
„ каждую десятую пшеницы вашей мѣру, каж-
„ дую десятую изъ вашего скота юницу, и
„ каждую десятую стада вашего овцу отъ васъ
„ истяжетъ. Словомъ: всѣхъ плодовъ десятую
„ часть и противъ воли вашей царю давать
„ принуждены будете.

„ Служеніемъ рабовъ и рабынь вашихъ боль-
„ ше будетъ пользоваться царь, нежели вы са-
„ ми. Онъ всѣхъ работниковъ наятыхъ за ваши

„ деньги

„ деньги, и всѣхъ воловъ, коими отправляете
„ на нивахъ вашихъ землёдѣліе, отъимешъ и
„ употребитъ на дѣланіе рощъ своихъ и вер-
„ тоградовъ; и хотя вы будете имъ давать
„ плату, но трудъ ихъ царю послужитъ. Все
„ сіе, что сказалъ я, будетъ дѣлать царь. ко-
„ тораго дать вамъ имѣю. „

Сія, изображенная мною исторія, по истиннѣ не Овидіева басня, ни Виргиліева Еклога, ниже Омирова выдумка; но изрѣченіе и слово Бога живаго и справедливаго, который ни обманывать, ни лгать не можетъ. О непостижимыя судьбы божія! О невѣжество смертныхъ! Того, чего просимъ; что, на что, отъ кого. гдѣ, и когда просимъ, не знаемъ; а сіе то самое многихъ злоключеній нашихъ единственною бываетъ причиною. Понеже въ выборѣ не обмануться, и прошеніемъ въ надлежащую, такъ сказать, цѣль помѣтить, весьма рѣдкимъ удается смертнымъ. Просятъ Евреяне полезныхъ средствъ, но Богъ множайшія предлагаетъ имъ трудности; просятъ такого, который бы управлялъ ими, но Богъ даетъ имъ разорителя; просятъ царя, но Богъ представляетъ имъ тиранна; просятъ такого, который бы оказывалъ имъ правосудіе, но Богъ угрожаетъ имъ мучительною властію; просятъ такого, который бы ихъ не грабилъ, но онъ сулитъ имъ обнажителя; просятъ такого, чтобъ дѣтей ихъ оставилъ въ свободѣ; но Богъ даетъ такого, который бы вмѣсто невольниковъ употреблялъ ихъ. На конецъ, Евреянамъ, помышляющимъ избавиться отъ судей, кои брали добровольно приносимые подарки, далъ Богъ такого царя, который бы насиліемъ уже взималъ оныя. О сколь прилѣжно, и сколь неусыпно

сътно надлежитъ молить Бога, дабы обществамъ Государей и церьквамъ пастырей даровалъ не по тягости беззаконій нашихъ; но по мѣрѣ неизреченнаго своего милосердія.

Платонъ въ перьвой книгѣ о законахъ повѣствуетъ, что, по примѣру имѣвшихся въ Сикіонской республикѣ преизящныхъ узаконеній всѣ общества тѣхъ временъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ наблюдали, дабы въ правленіи ихъ не было никакой перемѣны; которой уставъ, по истиннѣ, оные варвары хранили разумно, и Платонъ похвалилъ мудро. Ибо нѣтъ зловреднѣйшей обществу язвы, какъ повседневныя перемѣны. Истинну сію ясно доказываетъ намъ примѣръ Евреянъ, кои будучи неспокойны сердцемъ различныхъ употребили образовъ правленія. Ибо сперьва управляли ими Патріархи, каковъ былъ Авраамъ; по томъ пророки, каковъ былъ Мойсей; вскорѣ вожды, каковъ былъ Іисусъ Навинъ; послѣ того судіи, каковъ былъ Гедеонъ; далѣе цари, каковъ былъ Давидъ; по семъ великіе первосвященники, каковъ былъ Онія; на послѣдокъ, когда уже всѣ тѣ имъ не понравились, изволеніемъ Божіимъ въ руки тираннамъ Антіоху, Птоломею и Ироду попались; которое удовлетвореніе праведно возложилъ имъ Богъ по мѣрѣ беззаконій ихъ. Ибо весьма достойны были тѣ вкушать горестнаго въ Вавилонѣ рабства, кои въ собственномъ царствѣ своемъ Іудеѣ вольностью наслаждаться не умѣли.

Въ прочемъ, какой у мятежныхъ Евреянъ, подобной тому былъ и у гордыхъ Римлянъ видъ правленія; кои съ начала Имперіи имѣли Королей, по томъ Децемвировъ, послѣ того Консуловъ, по семъ Диктаторовъ, далѣе Ценсоровъ, вскорѣ Трибу-

трибуновъ, къ концу Сенаторовъ, а напослѣдокъ пришли подъ власть Императоровъ. Всѣ сіи перемѣны и обрасцы правленія изобрѣтала Римская Имперія не для иной причины, какъ токмо, чтобъ вывѣдать; невозможноль избавиться отъ чужей власти и рабства? Ибо въ семъ обстоятельствѣ толь гордые были Римляне, что любили смерть, съ вольностью соединенную; и не навидѣли жизнь, съ рабствомъ сопряженную. Но какъ, изволеніемъ Божіимъ и опредѣленіемъ противной судьбины, Римляне въ цѣломъ свѣтѣ всѣхъ истреблять Царей и разорять царства уже перестали; то сами въ нутри отечества Рима на́чали мучительнаго вкушать рабства.

По сей то причинѣ хотя во всѣ стороны мечутся сыны тщетнаго вѣка, рабы пилой перетираютъ свои кандалы, подчиненные общую нарушаютъ вѣрность, Вазаллы отвергаютъ послушаніе, подданные воздвигаютъ бунты, Короли пріобрѣтаютъ царства, и Императоры покоряютъ Имперіи; однакъ желаютъ ли, или не желаютъ; первые и послѣдніе, великіе и малые, всѣ рабами признавать себя должны. Ибо непремѣнный есть уставъ, что доколѣ временную сію жизнь провождаемъ, до толѣ вовсе никогда не можемъ сложить съ себя иго рабства.

Да и не воображайте себѣ Государи и знаменитые мужи, что вы, за пространствомъ и величествомъ власти вашей, оному игу рабства непричастны. Ибо гораздо несноснѣе, попеченіями и безпокойствами имѣть отягощенной духъ, нежели цѣпями скованную шѣю и ноги. Рабу, ежели доброй, ослабляютъ желѣзы; но вы, державные Государи и Князи, поколику больше, по

толику тяжчайшими крушитесь печальми. Ибо Государь, который искренно о благоденствїи общества печется, ни на минуту спокойнаго духа имѣть не можетъ. Рабъ, пока живъ, надѣется увольненїя; но вамъ даже до смерти ни какой свободы уповать не должно. На раба накладаютъ кандалы извѣстнаго вѣсу; но ваши печали умножаются безъ мѣры. Ибо смущенному духу тяготнѣе одинъ лотъ попеченїй, нежели тѣлу десять пудъ желѣза.

Рабъ получа уединенїе, разбиваетъ, или пилой перетираетъ свои кандалы; но ваше сердце и въ уединенїи тревожатъ тысяча мыслей. Ибо уединенныя мѣста, суть убѣжище и прохлада сердцамъ печальнымъ. Рабъ ежели услугою своею одного удовольствовалъ; то всемъ удовлетворилъ; но вы Государи, всемъ вдругъ угождать обязаны. Понеже доброй Государь одну только самую малѣйшую часть время своею почитать, и для себя употреблять; а прочее все, къ общей пользѣ относить долженъ. Платонъ предписалъ, что самая меньшая часть Государя, Государевою быть должна. Ибо Государь, дабы весь свой былъ, ни одной доли самаго себя имѣть не долженъ. Рабъ утрудясь днемъ, спокойно и беспечально отдыхаетъ и спитъ ночью; но Государи наслушався во дни распрей и доносовъ, съ томными вздохами и ночь провождаютъ. Напослѣдокъ, рабъ, доброй ли или худой бываетъ, съ концемъ жизни его кончается купно бѣдствїе, и памяти по немъ не остается; но что сдѣлается по смерти съ безсчастнымъ Государемъ? ибо, ежели онъ былъ доброй, вскорѣ забвенїю предается добродѣтель; буде-

же злонравной, то никогда не прекратится его безславіе.

ГЛАВА ТРИДЕСЯТАЯ.

Какимъ образомъ началось господствованіе тиранновъ. Когда, и для чего человѣки человѣкамъ повелѣвать и повиноваться стали.

Минуя стихотворческія исторіи и древнія выдумки, естьли желаемъ изъ священнаго писанія предложить истинну; то первой любовникъ въ свѣтѣ былъ праотецъ нашъ Адамъ, который не столько преступленія ради божественной заповѣди, сколько для того, чтобъ не оскорбить жену Евву, вкусилъ плода запрещеннаго; коего подражая нынѣ многіе о исправленіи поврежденной совѣсти не радятъ чрезъ долгое время, дабы однимъ точію днемъ женъ своихъ не видать въ печали. Первый такожъ былъ въ свѣтѣ человѣкоубійца Каинъ, и первый въ свѣтѣ умерщвленъ Авель; первый въ свѣтѣ былъ двоеженецъ Ламехъ; первый въ свѣтѣ былъ Енохія городъ, созданный на поляхъ Еденскихъ; первый въ свѣтѣ былъ музыкантъ Тубалькаинъ; первый въ свѣтѣ кораблеплаватель Ной; первый въ свѣтѣ тираннъ Немвродъ; первый въ свѣтѣ священникъ Мелхиседекъ; первый въ свѣтѣ царь Амрафель; первый вождъ Мойсей, и первый въ свѣтѣ Императоръ именованъ Іулій цесарь; ибо до того времени правящіе республикою назывались Консулами, Ценсорами и Дикматорами; а отъ Іулія цесаря даже до днесь Императорами нарицаются.

Первое

Первое въ свѣтѣ сраженіе произведено было на дикой лѣсной долинѣ, коя теперь есть соленымъ моремъ. Ибо пространнѣйшая лощина, бывшая тогда живою землею, нынѣ перемѣнилась уже въ мертвое море. Не можетъ насъ обмануть священное писаніе, всякія преисполненное истинны; ибо изъ онаго явственно видимъ, что отъ созданія міра прошло тысяча восемь сотъ лѣтъ и чрезъ все то время никогда не стекалися народы творить брань между собою. Понеже сколь долго свѣтъ неимѣлъ гордости и зависти, столь долго и имя войны ему было неизвѣстно. И такъ за полезно признаваю, во увѣщаніе Государямъ, и во удовольствіе любопытнымъ, изъяснить здѣсь причину первоначальнаго сраженія въ свѣтѣ; что слѣдующимъ дѣлалось образомъ:

Когда Варъ царь Содомской, Версъ царь Гоморрской, Санеавъ царь Адамской, Семиверъ царь Сивоимской, и Валъ царь Сигорской; сіи говорю, пять царей подвластны были Ходорлаомору царю Еламитскому; то не хотя платить дани, и подданническаго приносить ему послушанія, всѣ отъ него отложилися; чему дивиться недолжно; ибо платящія дань царства, всегда были къ мятежамъ склонны. Приключилось сіе отпаденіе на тридесятомъ году царствованія Ходорлаоморова; и немедлѣнно слѣдующаго лѣта Амрафель царь Синарской, Аріохъ царь Понтской, и Ѳадалъ царь языковъ, соединясь всѣ вмѣстѣ съ Ходорлаоморомъ, начали производить войну, и непріятельскія опустошать сѣла. Ибо въ войнѣ заматерѣлое есть зло, что когда виноватымъ непріятелямъ учинить вреда не могутъ; вмѣ-

сто того грабятъ и разоряютъ народъ неповинной.

Когда же одни нападенія ради, а другіе для обороны, построились къ бою; то сразились между собою непріятельскимъ сердцемъ, гдѣ наконецъ многочисленные побѣждены отъ немногихъ, и тѣ, кои были гораздо въ меньшемъ людствѣ, сдѣлались найпаче побѣдителями. Сіе попущеніемъ Божіимъ на первомъ ономъ сраженіи въ свѣтѣ учинилось для того, дабы изъ настоящаго примѣра познавали Государи, что противные на войнѣ случаи не изъ инаго источника, какъ точію отъ несохраняемой къ подняптію ея справедливости, происходятъ. Понеже естьли бы Ходорлаоморъ, по примѣру предковъ, довольствуясь собственными границами, не нападалъ на царства обрѣтающихся подъ обороною его сосѣдей, и не привлекалъ ихъ въ свое подданство; то какъ оные не потеряли бы къ нему почтенія, такъ и самому ему съ ними воевать не былобъ нужды. Ибо отъ гордости однихъ, и жадности другихъ, проистекаютъ въ народахъ вражды.

Сказавъ мы о тѣхъ, кои первые ополчались за господствованіе; посмотримъ теперь на первое начало рабства, и извѣстноль было въ древнія времена хотя имя рабовъ и властелиновъ; и по согласію ли добродѣтельныхъ мужей введено въ свѣтъ рабство, или изобрѣтено чрезъ спесь и пщеславіе тиранновъ? Ибо одному повелѣвать, а другому повиноваться, есть новое нѣчто въ свѣтѣ. И такъ первое въ свѣтѣ рабство, отъ первобывшаго въ свѣтѣ ловца звѣрей ведетъ свое начало, какъ о томъ священное писаніе повѣствуетъ; что учинилося слѣдующимъ образомъ.

Патріархъ

Патріархъ Ной имѣлъ трехъ сыновей, Сима, Хама и Іафета, изъ которыхъ средній Хамъ родилъ Хуза, отца Немвродова. Сей Немвродъ сдѣлался славнымъ ловцемъ дикихъ звѣрей, и первый мучительски народами повелѣвать началъ, озлобляя тиранствомъ тѣла, и похищая насиліемъ именія; чего ради священное писаніе того, который возмущаетъ и утѣсняетъ людей, губителемъ рода человѣческаго называетъ. Ибо злаго житія человѣки, всегда вредительны и тягостны обществу бываютъ. Онъ научилъ Халдеянъ покланяться огню; онъ первый изобрѣлъ совершенную власть, которой бы всѣ рабами себя признавали. Сей же проклятый тираннъ прекратилъ золотой вѣкъ, въ коемъ ни у кого и ничего собственнаго не находилося. Ибо древніе, жизнь токмо собственную; а воли и богаства всѣ общія имѣли.

Великое есть зло, что тираннъ самъ по себѣ беззаконствуетъ; но большій вредъ, что возмущаетъ свое государство; гораздо же тяжчайшій, что искореняетъ добрые во отечествѣ законы; но всего зловреднѣе, что оставляетъ въ обществѣ одиножды на всегда введенной имъ худой обычай, Ибо весьма достоинъ такой вѣчнаго безславія не за то токмо, что былъ между современнымъ ему народомъ золъ; но что потщился и въ предбудущіе вѣки имѣть своихъ подражателей.

Евсевій выводитъ повѣствованіе свое такимъ образомъ: что Немвродъ, по опустошеніи царства его моровымъ повѣтріемъ, переселился въ Италію съ восемью изрядными сыновьями, и состроилъ городъ Камезу, которая послѣ въ Сатурновомъ вѣкѣ слыла Валенціею, а на конецъ за Ромула названа, и нынѣ Римъ именуется.

Естьлижъ сїе такъ есть, то и дивиться не должно, что въ древнія времена нападали и разоряли Римъ тиранны; поелику онъ и основателей своихъ, толь славныхъ имѣлъ тиранновъ. Ибо какъ Iерусалимъ, дщерь Царей миролюбивыхъ въ Азїи; такъ напротивъ того Римъ былъ мать гордыхъ владѣтелей въ Европѣ.

Но исторїи язычниковъ, священнаго писанїя не имѣвшихъ, иную введеннаго въ свѣтъ господьствованїя и рабства находятъ причину. Понеже идолопоклонники не токмо творца вселенныя не познали, но и многимъ въ мїрѣ вещамъ не вѣдали начала. Они говорятъ, что у Немврода тиранна между прочими находился сынъ, именемъ Вилъ, который первой былъ царемъ въ Сирїи, изобрѣлъ въ свѣтѣ войну, основалъ Ассирїйскую монархїю, и напослѣдокъ царствовавъ въ Азїи шездесятъ пять лѣтъ, умре оставя всю вселенную въ замѣшательствѣ великихъ браней. И такъ первая въ свѣтѣ была монархїя Ассирїйская, которая продолжалась тысячу триста два года, и имѣла перваго Царя Вила, и послѣдняго, на которомъ скончалась, Сарданапала; коего нашедъ въ женскомъ платьѣ на прялицѣ между множествомъ наложницъ порфиру прядущаго умертвили: и по истиннѣ, онъ весьма достоинъ былъ толь бесчестной смерти. Ибо Государю то, что предки его мечемъ прїобрѣтали, веретеномъ оборонять не прилично. У Немврода, какъ выше сказано, былъ сынъ Вилъ, который имѣлъ жену Семирамиду, мать Нина, во прїявшаго по отцѣ своемъ тиранскую власть и царство. Но мать и сынъ, аки бы не довольно было въ мучительскомъ насилїи упражняться, выдумали сверьхъ того новыхъ боговъ истуканы. Ибо челов-

человѣческая развратность скоряе злу отъ злыхъ, нежели добру отъ добрыхъ начатому послѣдуетъ.

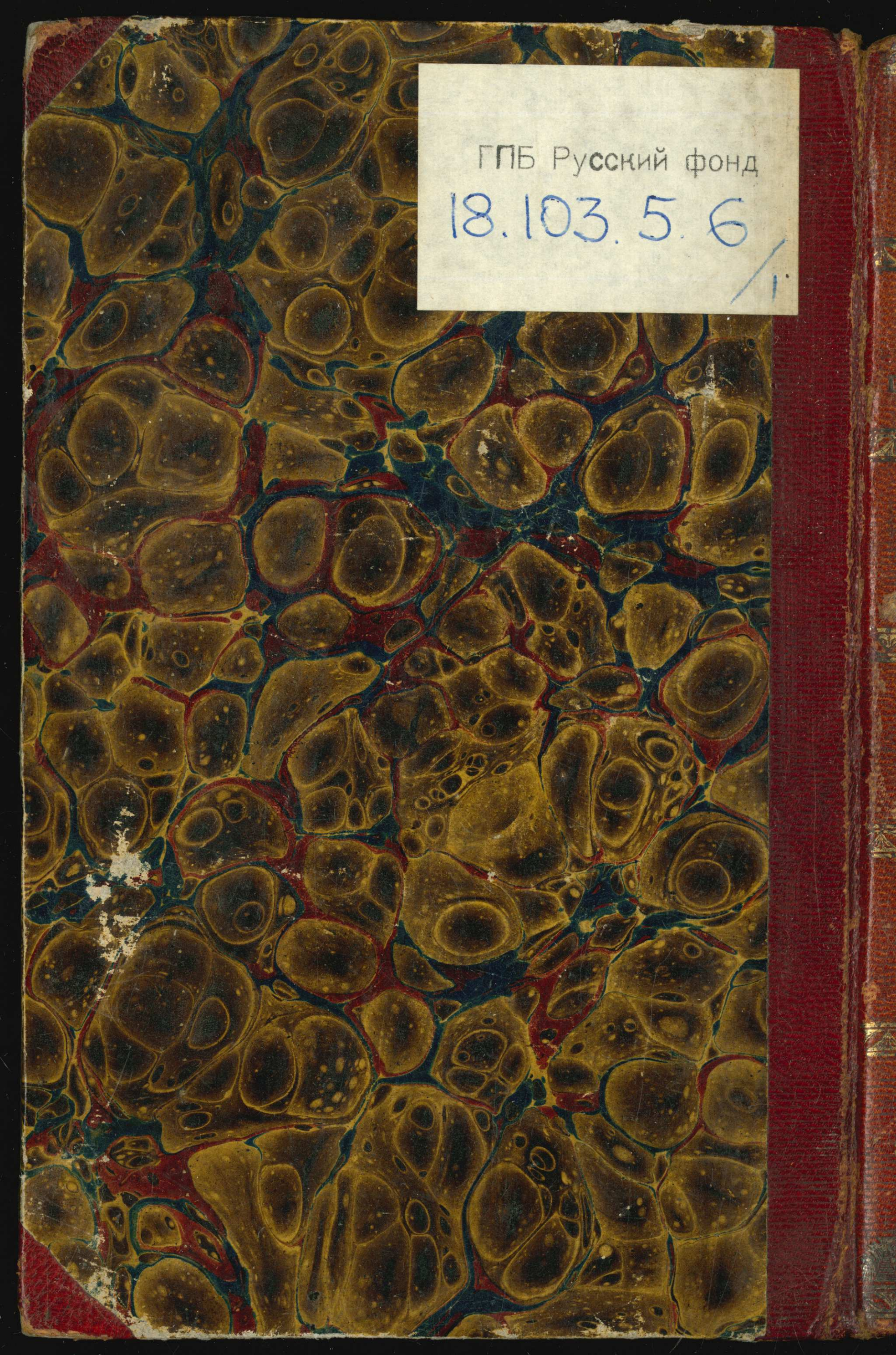
Все сїе, что дѣдъ, отецъ, мать и внукъ съ ряду были идолопоклонники и воители, говорили мы съ тѣмъ намѣренїемъ; дабы великїе Государи и Князи разумѣли, что власть ихъ не отъ миролюбивыхъ и добродѣтельныхъ; но отъ гордыхъ и мятежныхъ людей имѣетъ свое начало. Пусть и заподлинно будетъ Немвродъ первый основатель тиранской власти; пусть сынъ его Вилъ первый изобрѣтатель браней; пусть Ходорлаоморъ первый начинатель сраженїй, пусть другїе, коихъ неупоминаютъ исторїи, каждаго ли порознь, или всѣхъ вмѣстѣ возмемъ; къ премногимъ однакожъ они соблазнамъ и вредностямъ въ свѣтѣ подали причину. Естьлижъ сїе такъ есть, то по истиннѣ жестокаго нареканїя достойна развратность наша: ибо дѣлать зло очень многїе сильны; но напротивъ того дѣлать добро весьма рѣдкїе могутъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВЫЯ ЧАСТИ.

дана 1

ГПБ Русский фонд
18.103.5.6
1/1